

ИЗВЕСТИЯ КРЫМСКОГО ОТДЕЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЮЗА ССР
КРЫМСКИЙ ОТДЕЛ

ИЗВЕСТИЯ
КРЫМСКОГО ОТДЕЛА
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
СОЮЗА ССР

ВЫПУСК 4

КРЫМИЗДАТ
Симферополь · 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*С. В. Альбов, Н. В. Введенский, В. П. Гусев,
М. Е. Кострицкий, М. Я. Олинский,
И. Т. Твердохлебов, Н. А. Троицкий, П. Н. Шульц.*

Ответственный редактор выпуска
*доктор биологических наук,
профессор Н. А. Троицкий*

Печатается по постановлению совета Крымского
отдела Географического общества Союза ССР

ЗАДАЧИ КРЫМСКОГО ОТДЕЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XX СЪЕЗДА КПСС

XX съезд КПСС войдет в историю как одно из важнейших событий нашей эпохи. Съезд продемонстрировал несокрушимое единство и монолитность рядов партии, ее сплоченность вокруг своего испытанного руководителя—ленинского ЦК, торжество ленинских принципов партийного руководства, неразрывную связь партии с народными массами. В отчетном докладе ЦК КПСС, в решениях съезда дан глубокий марксистско-ленинский анализ международного и внутреннего положения Советского Союза, подведен итог исторических побед, завоеванных советским народом под руководством Коммунистической партии, намечены пути дальнейшего продвижения нашей страны к коммунизму.

Успешное и досрочное выполнение и перевыполнение пятого пятилетнего плана в области промышленного производства — за 4 года и 4 месяца — является крупнейшей победой партии и советского народа. В результате осуществления выработанных партией мер дальнейшего развития сельского хозяйства сделан крупный шаг вперед в деле увеличения производства зерна и технических культур и достигнуты положительные результаты в области животноводства.

Материальная база промышленности Советского Союза, достижения науки, возросший культурно-технический уровень рабочего класса — все это открывает широкие возможности для ускорения развития сельского хозяйства. В настоящее время сложились благоприятные условия для решения главной экономической задачи СССР. Это находит свое выражение прежде всего в том, что намного более мощной стала материальная база СССР, а социалистическая система хозяйства сложилась, как мировая система.

Крупнейшим этапом на пути решения основной экономической задачи Советского Союза, на пути строительства коммунизма является шестая пятилетка. «Главные задачи шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, — указывается в директивах XX съезда КПСС, — состоят в том, чтобы на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крупный подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительно-го повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа».

За годы шестой пятилетки прирост чугуна составит 20 миллионов тонн, стали — свыше 23 миллионов тонн, угля — 202 миллиона тонн, электроэнергии — 150 миллиардов киловатт-часов. Валовые сборы зерна за шестую пятилетку будут доведены до 11 миллиардов пудов. Уровень производства, который будет достигнут Советским Союзом в 1960 году, значительно ускорит решение главной экономической задачи.

Огромные масштабы строительных работ, развертывающихся в текущей пятилетке, как никогда раньше выдвигают проблему правильного географического размещения производительных сил нашей страны, правильной специализации и комплексного развития хозяйства экономических районов, всестороннего исследования и освоения природных богатств, особенно в восточных районах. Директивами XX съезда КПСС предусматривается ускоренное развитие восточных районов, в которых сосредоточены три четверти всех запасов угля, четыре пятых гидроэнергетических ресурсов, основные источники цветных и редких металлов, четыре пятых запасов древесины, а также значительные запасы железных руд, разнообразного химического сырья и строительных материалов, огромные массивы целинных и залежных земель, лугов и пастбищ.

Освоение этих несметных богатств позволит создать в восточных районах большие промышленные узлы тяжелой индустрии, особенно теплоемких и энергоемких производств. Хозяйственное освоение новых районов требует всестороннего географического изучения этих территорий, научной оценки природных ресурсов с целью вовлечения их в эксплуатацию.

Дальнейшее углубление географического исследования необходимо проводить и в других районах страны с целью успешного выполнения новых народнохозяйственных задач, выдвинутых XX съездом КПСС. XX съезд КПСС поставил перед географическими науками задачи большого теоретического и практического значения. Долг и честь советских географов — внести свой вклад в реализацию решений XX съезда КПСС, оказать непосредственную помощь развитию народного хозяйства нашей страны.

В соответствии с директивами XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану и решениями XIX съезда КП Украины предусматривается дальнейший рост промышленного и сельскохозяйственного производства Крымской области.

Рост промышленного производства будет достигнут как за счет строительства новых предприятий, так и за счет расширения существующих, а также лучшего использования имеющихся производственных мощностей. Как и в предыдущих пятилетних планах, первостепенное внимание уделяется развитию тяжелой индустрии. Мощность Камышбурунского железорудного комбината намечается расширить за пятилетку в 2,8 раза; почти в два раза возрастут производственные мощности предприятий химической промышленности; дальнейшее развитие получит машиностроение. За годы пятилетки будет создана мощная промышленность строительных материалов. Наряду с дальнейшим увеличением производства стеновых материалов из естественного камня в г. Бахчисарае будет построена на базе местных месторождений мергеля цементно-помольная установка мощностью в 100 тыс. тонн цемента в год. Другой крупной новостройкой этой отрасли промышленности явится завод по производству железобетонных изделий в Симферополе.

Исключительно велики перспективы развития пищевой промышленности, особенно консервной. Производство овощных, рыбных и фруктовых консервов за пятилетку возрастет в 4,8 раза. В 1960 году в Крыму будет выработано почти в пять раз больше консервов, чем вырабатывали за год

все предприятия царской России вместе взятые. За годы шестой пятилетки будет расширен Джанкойский консервный завод, который один ежегодно будет выпускать 40 миллионов банок разнообразных консервов; будут построены новые консервные заводы в Красно-Перекопском и Нижнегорском районах.

В шестой пятилетке значительно усилятся электроэнергетическая база Крыма. В Симферополе началось строительство мощной тепловой электростанции. Будут построены линии высоковольтных передач Симферополь—Феодосия—Керчь; Симферополь—Джанкой—Феодосия. Это позволит более рационально использовать электроэнергетические предприятия Крыма. В шестой же пятилетке положено начало созданию в Крыму нефтяной промышленности на базе недавно открытых месторождений нефти на Керченском полуострове.

Не менее важные задачи стоят перед сельским хозяйством нашей области. В 1960 году Крымская область должна довести валовой сбор зерна не менее чем до 52 миллионов пудов. Такие показатели будут достигнуты за счет расширения посевов кукурузы и значительного повышения урожайности зерновых культур. Почти одну треть общего производства зерна в 1960 году составит кукуруза, площадь под которой достигнет одной четверти всей площади зерновых. В последнем году шестой пятилетки намечено собрать в области 290 тысяч тонн овощей, что позволит в надлежащей мере обеспечить население овощами, а консервные предприятия сырьем.

Природные и экономические условия позволят превратить Крым в область садов и виноградников. Третий пленум Крымского обкома КП Украины, состоявшийся 6 октября 1956 г., утвердил разработанный в колхозах и совхозах области десятилетний план (1956—1965 гг.) развития садоводства и виноградарства в Крыму. Согласно этому плану за 10 лет будет посажено 92,5 тыс. гектаров виноградников, 46,2 тыс. гектаров садов и 1,8 тыс. гектаров ягодников. Общая площадь виноградников в Крыму к концу 1965 г. достигнет 109,3 тыс. гектаров, или увеличится более чем в шесть с половиной раз. Площадь садов возрастет в три с лишним раза и составит 68,1 тыс. гектаров. Колхозы и совхозы области будут продолжать расширение площадей под эфиромасличными культурами (розой, шалфеем, лавандой и др.).

За годы шестой пятилетки должно резко возрасти производство продуктов животноводства, в отношении которого Крым значительно отстает от многих областей страны. К концу пятилетки колхозы должны иметь на 100 гектаров земельных угодий 9,5 коровы, 21 свинью, 50 овец и 340 голов птицы на 100 гектаров зерновых.

В подъеме сельского хозяйства в шестой пятилетке большое значение будет иметь увеличение площади орошаемых земель. В связи с этим будут проведены мероприятия, которые позволят увеличить в колхозах к 1960 году площади земель с оросительной сетью по сравнению с 1955 годом на 35,6 тысячи га. Вскоре вступит в строй Салгирская оросительная система, позволяющая оросить свыше 10 тысяч га земель Симферопольского и Октябрьского районов. Расширение поливных площадей за счет Старо-Крымского водохранилища существенно изменит географию овощеводства в Крыму.

В шестой пятилетке начнется строительство первой очереди Северо-Крымского канала протяженностью в 425 километров. Канал даст возможность оросить 50 тысяч га и обводнить 350 тысяч га пахотных земель, садов, виноградников и других сельскохозяйственных угодий. Днепровские воды пройдут по районам Северного Крыма и Керченского полуострова и обеспечат снабжение водой населения и промышленных

предприятий Джанкоя, Керчи и Феодосии. В зоне орошения намечено построить 10 крупных водохранилищ с общей площадью зеркала воды 4600 гектаров.

Дальнейшее развитие в шестой пятилетке получит также железно-дорожный, морской, автомобильный и воздушный транспорт.

Новые задачи развития и размещения производительных сил Крыма создают необъятное поле деятельности для крымских географов. Крымские географы находятся в большом долгу перед тружениками промышленности и сельского хозяйства, которые ждут от них помощи в решении ряда народнохозяйственных задач. Главным недостатком в изучении географии нашей области является слабая связь ученых с практикой народного хозяйства. До последнего времени географы занимались преимущественно изучением горной части Крыма, в то время как предгорные и степные районы, представляющие наибольшую хозяйственную ценность, изучались сравнительно слабо.

До настоящего времени не оценены природные условия степного Крыма. Правда, сотрудниками Крымского филиала Академии наук СССР составлена почвенная карта степного Крыма, но агроклиматическое районирование не проведено, что снижает ценность исследования почв степного Крыма. Несмотря на то, что добыча железной руды на Керченском месторождении с каждым годом возрастает, железорудные запасы по сути дела никем не изучаются, что безусловно тормозит их промышленное использование.

Еще хуже обстоит дело с экономико-географическим изучением нашей области. Полевые исследования экономико-географического характера, проводившиеся в Крыму, далеко не соответствуют современному уровню науки, потребностям народного хозяйства и до настоящего времени не получили должного отражения в печати.

Важнейшей задачей крымских географов является всестороннее изучение природных и экономических условий области путем организации широких полевых исследований в соответствии с задачами перспективного развития народного хозяйства Крыма.

Неотложной задачей ученых Крыма является изучение проблемы размещения производительных сил области, а также проблемы комплексного развития народного хозяйства Крыма с учетом наиболее эффективного использования природных ресурсов и трудовых резервов. В целях оказания практической помощи сельскому хозяйству физико-географам необходимо провести агроклиматическое районирование Крыма, а экономико-географам на этой основе с учетом экономических условий выделить районы специализации сельского хозяйства. Одной из важнейших задач физической и экономической географии является изучение природных и экономических условий зоны Северо-Крымского канала, а также тех изменений, которые произойдут в природе и хозяйственном облике орошаемых и обводняемых районов. Вместе с созданием и расширением оросительных систем в предгорьях Крыма там также встает проблема географии орошаемого земледелия, требующая всестороннего изучения.

Одна из важнейших задач — расширение и реконструкция лесной площади Крыма, а также восстановление истребленных лесов. Особенно это касается восточной части Крыма, от Алушты до Феодосии. Выявление климатических и почвенных возможностей и составление ассортимента лесных пород для этой цели является насущным делом ближайшего будущего. Научные работники Крыма, в том числе и географы, должны принять участие в решении этой задачи.

Для Южного берега Крыма, а также северного склона гор и предгорья крупное значение имеет разработка наиболее эффективных и эко-

номически приемлемых способов борьбы с оползнями и селевыми потоками, причиняющими значительный ущерб народному хозяйству области. Долг Крымского отдела Географического общества Союза ССР — включиться в это не терпящее отлагательства дело.

Наконец, необходимо внести окончательную ясность в имеющий уже столетнюю давность вопрос о рациональном использовании крымского нагорья — яйлы, для чего следует до конца неоднократно начинавшееся, но незаконченное всестороннее физико-географическое и экономико-географическое исследование этого важного в народно-хозяйственном отношении района Крымской области.

Как известно, одним из мотивов передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР является наличие тесных экономических связей Крыма с южными и другими районами Украины. На наших экономико-географических работах лежит обязанность глубоко изучать еще более расширившиеся в настоящее время связи Крыма с другими областями Украины.

Имеющиеся географические работы по Крыму, в том числе работа Е. П. Маслова «Крым» (изд. 1954 г.), не удовлетворяют в достаточной степени запросы хозяйственных организаций и широкого круга советских читателей. Назрела необходимость создания большого научного монографического труда по географии Крыма. Целый ряд физико-географов и экономико-географов работает над обширными темами по географии Крыма. Осуществить координацию работы, определить объем и сроки написания коллективного труда и приступить к его выполнению — одна из важнейших и насущнейших задач Крымского отдела Географического общества Союза ССР.

Таковы основные задачи крымских географов, вытекающие из решений XX съезда КПСС. Общее собрание Крымского отдела Географического общества Союза ССР, обсудив вопрос о задачах крымских географов в связи с решениями XX съезда КПСС, призвало всех членов отдела и всех географов области принять активное участие в выполнении научных работ, направленных на претворение в жизнь исторических решений XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Р А З Д Е Л 1

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДЫ
И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
К Р Ы М А

Е. Ф. КАРПОВИЧ

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ В СУДАКСКОЙ ДОЛИНЕ

(Исторический очерк)

Сады и виноградники Судакской и соседних с нею долин известны с глубокой древности. Рельеф местности (открытые к югу долины), благоприятные почвенные условия, мягкая зима и жаркое, богатое солнцем лето — все это благоприятствует развитию садоводства и виноградарства. Возделывать виноград здесь можно без укрытия лозы на зиму.

Насколько климат и растительность Тавриды в древности были близки к современным или отличались от них, судить трудно, ибо древние авторы и путешественники мало говорят об этом. Наиболее древние указания на климат Тавриды мы находим у Геродота (484—425 гг. до н. э.). Он собрал много сведений о древней Скифии, где побывал сам, многое видел, а еще больше слышал от греков, по торговым делам часто посещавших берега Понта Эвксинского (Черного моря) и имевших связи с Скифией и ее обитателями¹.

Геродот пишет: «Во всей Скифии бывает такая жестокая зима, что стужа 8 месяцев продолжается нестерпимая... Когда в это время польешь воды на землю, то от нее грязи не сделаешь, но если огонь разведешь, то грязь сделать можешь...» (6). Это казалось совершенно необычайным для жителей теплой Эллады, поэтому суждения о климате Скифии принимали у них порой фантастический характер. И если Овидий, как изнеженный римлянин, свикшийся с роскошью природы Италии, будучи сослан императором Августом в 8 г. н. э. в «Гетскую пустыню» к устьям Дуная, писал (6): «Там не зреют ни виноград, ни плоды», — то известно тем не менее, что на придонайских землях местное население издревле разводило и теперь разводит и сады и виноградники.

Плиний Старший (23—79 гг. н. э.) в своей «Естественной истории» упоминает, что холод «вреден для лавра, поэтому разведение его жителями Пантикапея², хотя бы для священнослужений, не удалось, а между тем другие деревья теплого климата произрастают там в изобилии, — гранаты и смоковница, а также превосходнейшие яблоки и груши» (6). Плинию было известно также, что во времена Митридата VI (I в. до н. э.) в Тавриде разводили виноградную лозу. Изображение вино-

¹ По Геродоту, в состав Скифии входило все северное побережье Понта — от Керченского пролива (Боспора) до Истра (Дуная).

² Пантикапей — древнегреческий город на месте нынешней Керчи.

градной лозы встречается на монетах древних городов Тавриды — Пантикапея и Нимфея; оно, по-видимому, имело то же значение, что изображение колоса и рыбы на пантикапейских монетах, поскольку хлеб и рыба являлись главными объектами торговли и источниками богатства страны.

Страбон (63 г. до н. э. — 20 г. н. э.) сам не был в Скифии, но, передавая слова Геродота, говорит: «...страна эта весьма холодна». В доказательство он приводит сведения о замерзании Боспора Киммерийского (Керченского пролива), но вместе с тем добавляет, что жара летом там бывает очень сильна. По свидетельству Страбона, виноград не растет в странах, прилегающих к среднему течению Борисфена (Днепра), или, по крайней мере, не приносит плодов, южнее же, как по берегу Понта Эвксинского, так и в области Боспора, он хотя и вызревает, но дает мелкие плоды, а зимой его должно закрывать землей (6).

Таким образом, исторические данные свидетельствуют, что в древности в Крыму имелось уже довольно развитое виноградарство и виноделие. Письменные источники и вещественные памятники говорят о том, что виноградарство и связанное с ним виноделие в некоторых местностях древней Тавриды было ведущей отраслью сельского хозяйства. Так было, например, в Херсонесе (в 4 км от нынешнего Севастополя), где вино изготовлялось как для местного потребления, так и на вывоз.

В VIII—XI веках н. э. жители Сугдеи (Судака) вели торговлю вином с славянскими странами, и русские купцы завозили это вино под именем «Сурожского» на рынки Киева, Новгорода, а позже и Москвы¹.

Обосновавшиеся в XIII—XIV веках на Южном берегу Крыма от Феодосии до Балаклавы генуэзцы застали здесь развитое виноградарство и виноделие. Вино в это время не только продавалось на местном рынке, но и вывозилось за пределы Крыма. Генуэзцы содействовали разведению виноградников и развитию виноделия, эксплуатируя при этом местное население. В эту эпоху главным центром крымского виноделия являлся Судак (при генуэзцах именовавшийся Солдайей). Сады Судакской и соседних с нею долин были обложены особой податью, именовавшейся в генуэзских актах «ampelopaticum». И так как сады поливались, то управление генуэзских колоний заботилось об обеспечении виноградников водой для поливки (3;12). Для этого консул (правитель Солдаин) с семьей именитыми гражданами города ежегодно 1 марта выделял двух доверенных людей, на обязанности которых лежала забота о правильном распределении воды между владельцами виноградников, а в городе находился «гидротект» — смотритель водопроводов (3).

Взятие Кафы (Феодосии) и Судака турками в 1475 г. положило конец существованию в Крыму генуэзских колоний. Но, несмотря на то, что установление владычества турок в Крыму вызвало упадок виноградарства и виноделия, на Судакской долине это, по-видимому, отразилось мало: по крайней мере, польский писатель М. Броневский (2) в своем описании Крыма сообщает, что при посещении им Судака (Судагиоса) в 1578 г. он любовался прекрасными садами и виноградниками.

Итальянский писатель Э. Д. д'Асколи в 1636 г. писал о Судаке: «Окрест города производятся превкусные и крепкие вина, а также произрастают прекрасные и нежные плоды» (17).

В XVIII веке Судак стал главным пунктом по торговле вином с Россией. Французский путешественник Пейссонель пишет об этом: «...теперь это лишь небольшое местечко, однако торговля вином, которое

¹ Сурож — древнее славянское наименование Судака, Сугдея — его греческое название.

тут хорошо и находится в изобилии, придает ему вес... Русские купцы покупают его на месте и перевозят к себе» (18).

Фельдмаршал Миних, как видно из его дневника, лучшим из всех крымских вин считал вино, приготовлявшееся в Судаке (8). Однако П. Сумароков отмечает упадок виноградарства и виноделия в Судакской долине и считает причиной этого переселение из Крыма на Азовское побережье христианского населения, произведенное по требованию Екатерины II в 1779 году.

Присоединение Крыма к России в 1783 году дало новый толчок к развитию виноградарства и виноделия в Крыму и, в частности, в Судакской долине. Г. А. Потемкин, владея имением в Судаке, в урочище Ачиклар (Аджигол), и видя важное значение Судакской долины для крымского виноделия, пригласил в 1784 г. в Крым токайского (венгерского) виноградаря Е. И. Бимбалазаря и поручил ему заготовить токайские лозы и привезти в Крым опытных венгерских виноделов и «купорей» (бондарей). Бимбалазарь прибыл в Крым с четырьмя виноградарями и привез 20 тысяч токайских лоз. Привезенные лозы были высажены в Судаке, Старом Крыму и на Каче. В дальнейшем, однако, эти виноградарники из-за небрежного отношения к ним пришли в упадок и запустение. Тогда же в Судаке была произведена посадка лоз греческих сортов, привезенных с островов Эгейского моря.

Однако ввозимые лозы в Судакской долине давали худшую продукцию, чем местные. Об этом свидетельствует сообщение «экономии директора» Смирнова, сделанное им графу Zubову в 1794 году: «...В Судаке заведен десять лет тому назад на казенном иждивении на возвышенной горе сад из токайских лоз, прямо из Венгрии выписанных; но виноград сей тут переродился и делаемое из него вино не имеет никакого сходства с венгерским...» Далее в том же сообщении Смирнов пишет: «В Судаке и в тамошней околичности делаемые вина предпочитают в рассуждении их крепости и прочности всем прочим...» Смирнов указывает далее, что в то время как вина других районов Крыма «служат по большей части только для употребления внутри области Таврической и дешевле других продаются, а напротив того судацкие вывозятся в довольном уже количестве и в другие губернии и даже до Москвы» (10). Ясно, что уже тогда, в начале возрождения крымского виноделия, проявились качества Судакской долины как винодельческого района и преимущества местных лоз перед иноземными.

Потемкин выписал также французского виноградаря И. Банка, с которым заключил договор 15 января 1784 года. Согласно этому договору, Банк получил звание «директора садов и виноградников судацких» и обязан был привести в порядок виноградники, насадить различные плодовые деревья и устроить фабрику для приготовления «водки добротой против французской», а также воды ландышевой, разных ликеров и «ратафий» (коньяков). В 1785—1787 гг. Банком было продано 31 846 ведер вина из винограда, собранного с виноградников Судакской долины, и изготовлено 300 ведер «французской водки» (ведро — около 12 литров).

Начавшаяся вскоре вторая турецкая война (1787 г.) затормозила развитие виноградарства, так как возникли затруднения с рабочей силой, которой до того времени в большинстве случаев являлись солдаты. В результате этого состояние виноградников и садов значительно ухудшилось, и с разрешения правителя Таврической области Каховского казенные виноградники и сады стали раздаваться в арендное пользование частным лицам.

О том, какие сорта винограда разводились в Судакской долине в первое десятилетие после присоединения Крыма к России, имеются довольно полные сведения. К. Г а б л и ц л ь (4) в 1785 г., описав 15 сортов винограда, добавляет, что «делаемое из них вино, как белое, так и красное, отменно преизящного качества, так что его в число лучших столовых вин поставить можно; ...но коликого в доброту своей приращения не получит оно еще впредь, когда хождение за виноградом будет не на таком основании, на каком оно по сие время было».

Академик П. П а л л а с, живший в Судаке и имевший там свой виноградник, указывает до 40 сортов винограда, но более подробно описывает 24 сорта (9). П. С в и н ь и н перечисляет 21 сорт винограда (11). П. С у м а р о к о в упоминает до 50 сортов (14), а С т е в е н в 1830 г. насчитывает их еще больше (13). Академик К е п п е н, объединив показания упомянутых авторов, насчитывает 56 местных сортов виноградных лоз, из них 27 красных и 29 белых (5).

Для развития виноградарства и виноделия в Крыму необходимы были кадры специалистов, поэтому в 1803 г. был поднят вопрос об открытии «виноградного училища». По совету Палласа, указом правительства от 20 мая 1804 г. было определено: «...для усовершенствования в Крыму виноделия учредить виноградное училище в Судаке, долина которого была известна превосходным качеством своей почвы, способной к разведению виноградников». Для училища была отведена земля в восточной части Судакской долины, в урочище Ачиклар (Аджигол), у подножия горы Георгиевской. Кроме того, в распоряжение училища были отведены еще два участка земли: один в Судаке, размером в 30 десятин, и другой такой же в деревне Козы (ныне Лагерное). Для школы были выписаны виноградные лозы из Кизляра и Астрахани, а также с греческих островов Занте и Тенедос, из Испании и с Рейна.

В 1808 г. в хозяйстве училища имелось уже до 12 тысяч привитых виноградных лоз и было посажено 3000 кустов винограда, из них 1200 местного крымского. Как видно из этих данных, одновременно с ввозом иностранных лоз в это время стали уже больше обращать внимания и на размножение местных сортов.

Посадки новых виноградников увеличивались из года в год. По отчету за 1813 год в училище было уже до 53 тысяч кустов винограда и приготовлено к посадке 20 тысяч кустов новых лоз. В 1808 г. в училище было 3060 ведер выделанного вина. В 1825 г. было выделано 5440 ведер вина, большая часть которого была продана в Симферополе.

Однако училище развивалось слишком медленно и не оправдывало возложенных на него надежд. В 1811 г. был основан Никитский ботанический сад. С учреждением при нем Магарацкого училища виноделия в 1826 г. Судакское училище потеряло свое значение и спустя десять лет было закрыто. Имущество училища было назначено в продажу, но продажа не состоялась, и все имущество с погребями, водопроводами и сооружениями, стоявшими правительству до 350 тысяч рублей, было в 1841 г. подарено Николаем I его придворному обервагенмейстеру Соломко.

В середине второй половины XIX века самые большие площади виноградников восточного Крыма находились в долинах Судакской, Воронской и Отузской (ныне Щебетовской), где, по сведениям центрального статистического комитета, в начале 1880 г. значилось под виноградниками 1910 десятин, из которых 1670 — в долинах, выходящих в море, — Судакской и соседних с нею. По данным Феодосийского уездного земства за 1887 г., площадь помещичьих виноградников была в полтора раза

больше площади виноградников, находившихся в пользовании крестьян, причем в наиболее удобных и плодородных долинах почти все виноградники принадлежали помещикам и кулакам.

Производство вина с этих виноградников доходило ежегодно до 450—500 тысяч ведер, тогда как по данным 1825 г. вырабатывалось всего до 150 тысяч ведер. В конце XIX и в начале XX столетия, в связи с увеличением вывоза вина в сыром (сусло) виде и в готовом в города Одессу, Киев, Варшаву и др., площади виноградников в Судакской и смежных долинах значительно возросли, что видно из следующих данных:

Г о д ы	1838	1848	1888	1893	1908	1912
Площади (в десятинах)	1026	2241	2500	2620	2822	3500

Для характеристики урожайности виноградников за это время приводим сведения, собранные филлоксерным комитетом, о количестве вина, выработанного с одной десятины виноградника, данные за два года, из которых первый был исключительно урожайный, а второй малоурожайный. В 1879 г. с одной десятины было получено 233 ведра вина, а в 1880 г. — только 96 ведер. По отдельным же виноградникам в различные годы урожай колебался от 29,7 до 329 ведер вина с десятины. Рекордную продукцию — 900 ведер вина с десятины дал 1901 год в садах, ныне входящих в первое отделение Судакского винсовхоза, другие же поливные виноградники давали до 600 ведер, а неполивные — 300—500 ведер с десятины¹.

В своем отчете за 1911—1912 гг. инструктор по садоводству Феодосийского уездного земства О. Барсак пишет: «...не опасаясь впасть в крупную ошибку, можно сказать, что едва ли в среднем получится (урожай винограда.—Е. К.) более 200 пудов с десятины (по причине сильного ливня с большими убытками, развития болезней милдью и оидиум). Если принять в основу эту цифру, то получится общий сбор с 3500 десятины $\times 200 = 700$ тысяч пудов, вместо ожидаемого нормального сбора в 1 миллион пудов»².

В течение всего этого времени в Судакской долине имели место затруднения с поливкой виноградников, объяснявшиеся тем, что в ручьях и речках вода сохранялась только весной, во время таяния снегов на горах, в остальное же время поливка производилась дождевой водой, рассчитывать на которую не всегда было возможно. Тем не менее в Судакской и смежных с нею долинах на всех удобных землях создавались новые виноградники.

Крупную роль в развитии виноделия в Крыму и в особенности в Судаке в конце XIX столетия сыграл Л. С. Голицын, выдающийся знаток вин и виноградарства и горячий сторонник отечественного виноделия. Голицын в своем имении «Новый свет» близ Судака построил свыше 20 подвалов с туннелями общей площадью до 9000 кв. метров при общей длине их до 3200 метров. В своих подвалах Голицын собрал коллекцию в 32 тысячи бутылок вин из всех винодельческих стран земного шара. Он практически доказал возможность выработки из местных винных материалов высококачественных игристых шампанских вин. После десятилетнего опытного тиража в 1899 г. в «Новом свете» был произведен разлив в 60 тысяч бутылок отечественного шампанского вина, получившего весьма высокую оценку на Парижской всемирной выставке 1900 года. По примеру Голицына тогдашнее удельное ведомство начало выра-

¹ «Вестник виноделия», № 6, 1902 г.

² Отчет О. Барсака, Феодосия, 1912 г.

«батывать шампанские вина в Судаке и на Южном берегу Крыма, но вскоре производство шампанского было переведено из Крыма на Кавказ, в Абрау, близ Новороссийска.

В годы империалистической интервенции и гражданской войны в Крыму (1918—1920 гг.) сады и виноградники Судакской долины из-за недостатка ухода стали приходить в упадок. Тяжелые 1921—1922 гг. также отрицательно сказались на состоянии сельскохозяйственных культур и в частности на виноградарстве. Площадь виноградников Судакского района, значительно снизившаяся и составлявшая в 1925 г. 2293,5 десятины, распределялась следующим образом: у совхоза сад-винтреста — 200,9 дес., в индивидуальном пользовании — 1807,1 дес. и в земельном фонде — 285,5 дес. Последние в дальнейшем постепенно переходили в колхозное пользование.

В 1935 г. земли, находившиеся в пользовании колхозов, были закреплены за ними навечно. Площадь виноградников Судакского района, как эксплуатируемых, так и запущенных и реконструируемых, составляла в это время 2481 гектар. В последующие годы эта площадь несколько сократилась вследствие использования части старых (в отдельных случаях достигавших свыше 100-летнего возраста) и запущенных виноградников под другие культуры. Так, часть площади бывших виноградников Айсавской долины была отведена под посадки казанлыкской розы и лаванды (совхоз-завод «Долина роз»).

Однако благодаря значительному улучшению ухода за виноградниками и применению более совершенной агротехники сбор винограда увеличивался. Так, в совхозе «Судак» средний урожай винограда с гектара поднялся с 40,2 центнера в 1931 г. до 60 центнеров в 1935 г. и до 67 центнеров в 1937 г., а в 1938 г. был получен рекордный для того времени урожай — 142 центнера с гектара.

Немецко-фашистская оккупация нанесла тяжелый удар виноградарству Судакского района: часть виноградников была полностью уничтожена, остальные пришли в запустение. Но тотчас же после освобождения Крыма дружными усилиями трудящихся были начаты восстановительные работы. В первом после освобождения Крыма году, в 1944, площадь виноградников оказалась значительно сократившейся и составляла всего 1670 гектаров. Но с тех пор по настоящее время площади под виноградниками и урожай винограда продолжали неизменно расти.

Особенно заметны успехи судакского виноградарства за последние годы. В 1950 г. был разработан план развития виноградарства, включающий объединение мелких, разрозненных участков в крупные массивы, перевод бессистемных посадок в рядовые, механизацию опыливания и опрыскивания кустов и обработки почвы, замену старых, малопродуктивных участков новыми насаждениями, восстановление погибших виноградников и освоение целинных и залежных участков под культуру винограда. Одновременно были намечены водно-мелиоративные работы с целью расширить площадь орошаемых участков (15).

Осуществление этого плана началось с 1952 года. За истекшие четыре года площадь колхозных виноградников с рядовой посадкой, пригодных для механизации обработки почвы и ухода за кустами, увеличилась с 17 до 744 гектаров. В совхозах площадь рядовых посадок составляет 500 гектаров. На всех виноградниках с рядовой посадкой кусты с малоурожайной чашевидной формировкой переводятся на современную шпалерную; почва обрабатывается тракторами, что сократило сроки и улучшило качество работы. За 4 года поднят плантаж под виноградни-

жами на площади около 800 гектаров. Проводится реконструкция виноградников путем укладки кустов. За два года в районе произведено возобновление плантажа путем глубокого рыхления почвы на 628 гектарах. Колхозами района заготовлено в 1955 г. 2,3 миллиона виноградных черенков (7).

Широкие размеры приняли осенне-зимние влагозарядные поливы, исключительно важные в условиях Судакского района, где осадков выпадает недостаточно. Внедряются прогрессивные методы ухода за виноградом: внесение удобрений при поливе, искусственное доопыление кустов, прищипывание верхушек побегов, пасынкование, планомерные мероприятия по борьбе с вредителями и болезнями виноградной лозы и т. п. Большое внимание уделяется повышению квалификации колхозных и совхозных виноградарей, популяризации достижений науки и практики в области виноградарства.

Все это вместе взятое обеспечило рост урожайности виноградников и увеличение общего сбора винограда из года в год, что видно из следующих данных.

Урожай винограда в центнерах с гектара

Г о д ы	1951	1952	1953	1954	1955
Совхоз „Коктебель“ . .	50,3	50,9	87,1	93,6	155,0
Совхоз „Судак“	33,6	40,2	80,9	119,0	97,0
Колхозы	12,8	15,8	26,0	55,1	57,2

Средний урожай с одного гектара по району в целом увеличился с 15,2 центнера в 1950 г. до 86,7 центнера в 1955 г.

Валовой сбор винограда в тоннах

Г о д ы	1951	1952	1953	1954	1955
Совхоз „Коктебель“ . .	1191	1203	1996	2172	3450
Совхоз „Судак“	491	535	1058	1294	1021
Колхозы	977	1094	1428	3109	3355

Передовые колхозы Судакского района достигают больших успехов в борьбе за повышение урожая винограда. Так, колхоз им. Молотова (с. Веселое) получил в 1953 г. по 21 центнеру винограда с гектара, в 1954 г. — по 49,3 и в 1955 г. — по 75,5 центнера. Звено т. Болгариной из колхоза им. Жданова собрало по 110 центнеров винограда с гектара.

Ряд виноградарей Судакского района удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Из них некоторые имеют очень высокие достижения. В совхозе «Судак» звено Л. Г. Квпель в 1954 г. получило урожай по 224 центнера винограда с гектара на площади 8,23 гектара, а звено М. Д. Князевой — по 201,9 центнера на площади 25,75 гектара. Звеньевая совхоза «Коктебель» М. А. Брынцева в 1955 г. собрала по 305 центнеров с гектара, что является областным рекордом.

Обсуждая десятилетний план развития виноградарства и садовод-

ства в районе (1956—1965 гг.), правления колхозов, дирекции совхозов, партийные организации установили, что есть возможность освоить все земли, пригодные для закладки виноградников и садов, не в 10, а в 4 года, т. е. уже к 1960 г. расширить площадь виноградников с 1600 до 3000 гектаров. Средняя урожайность винограда должна подняться до 110 центнеров с гектара, а валовой сбор увеличиться, сравнительно с 1955 г., более чем втрое и достигнуть в 1960 г. 25000 тонн (16).

Колхозы Судакского района соревнуются с виноградарями Алушты и с большим трудовым подъемом взялись за выполнение принятых на себя обязательств.

Располагая богатым оборудованием, обширными и хорошими подвалами для приготовления и выдержки марочных вин, совхозы Судакского района неуклонно повышают и улучшают продукцию виноделия. Выпускаемые ими вина «Портвейн таврический», «Портвейн Сурож», «Кокур десертный» принадлежат к числу лучших крымских марочных вин.

В 1936 г. в подвалах «Нового света» началась выработка советского шампанского. Первый же план закладки на выдержку 300 тысяч бутылок оказался перевыполненным. В настоящее время завод ежегодно производит закладку 450 тысяч бутылок. В удобных многоярусных прекрасно оборудованных подвалах и туннелях завода «Новый свет» хранится в обработке свыше 1,5 миллиона бутылок высококачественного шампанского вина.

Судакская долина, древнейший и крупнейший очаг крымского виноградарства и виноделия, издревле славилась высокими качествами своей продукции. Судакский район упрочил вековую славу своего виноградарства и виноделия и умножает ее, во все больших количествах давая высококачественные виноград и вина. За успехи в развитии виноградарства Судакский район в целом получил право участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве в 1956 г.

Виноградарские совхозы и колхозы Судакского района, претворяя в жизнь решения XX съезда КПСС и XIX съезда КП Украины, борются за расширение площади виноградников и за завоевание высоких устойчивых урожаев винограда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болгарев П. Т. Виноградарство Крыма, Крымиздат, Симферополь, 1951.
2. Броневский М. Описание Крыма (Tartariae descriptio), перевод с латинского Г. Шершеневича, Зап. Одесск. О-ва Ист. и Древн., т. VI, 1867.
3. Брун Ф. Материалы для истории Сугдеи, «Черноморье», II, Одесса, 1880.
4. Габлицль К. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы, СПб, 1785.
5. Кеппен П. Об успехах виноделия на Южном берегу Крыма, «Журн. Мин. Вн. Дел», 1831, ч. V.
6. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, в. I, СПб, 1898.
7. Майстренко А. На судакских виноградниках, «Крымская правда», № 85 (10005) от 28 апр. 1956 г.
8. Миних В. Х. Дневник, Зап. Одесск. О-ва Ист. и Древн., IV, 1860.
9. Паллас П. С. Краткое физическое и географическое описание Таврической области, переведенное Иваном Рижским, СПб, 1795.
10. Полонская Н. Одно из культурных начинаний Вольно-экономического Общества, поддержанное относительно Тавриды графом П. А. Зубовым, Изв. Тавр. уч. архивн. ком., 54, 1918.
11. Свиньин П. Обзорение путешествия по России в 1825 г. относительно археологии, «Отечеств. Записки», 1826.
12. Секиринский С. Очерки истории Сурожа IX—XV веков, Крымиздат, Симферополь, 1955.

13. С т е в е н Х. О садовых произрастаниях в Крыму, Лист. О-ва сел. хоз. Южн. России, 1838, № 1.
 14. С у м а р о к о в П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб, 1803—1805.
 15. У р у с о в Н. В борьбе за высокий урожай винограда, «Крымская правда», № 131 (10051) от 7 июля 1956 г.
 16. П р е в р а т и м К р ы м в о б л а с т ь с а д о в и в и н о г р а д н и к о в, Материалы III пленума Крымского обкома КП Украины 6 октября 1956 года, Крымиздат, Симферополь, 1956.
 17. A s c o l i E. D. d' Descrittione del mar Negro et della Tartaria, Изд. Ист. общ. Нестора Легоп., V, Киев, 1891.
 18. P e y s s o n e l M. de. Traité sur le commerce de la mer Noire, Paris, 1787.
-

Р А З Д Е Л 2

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА
К Р Ы М А

А. Н. ОЛИФЕРОВ

**СНЕЖНЫЙ ПОКРОВ НА КРЫМСКОМ НАГОРЬЕ В ЗИМЫ
1953—1954 и 1955—1956 гг.**

Южный берег Крыма является, как известно, одною из важнейших курортных местностей Советского Союза, а также районом возделывания высших сортов табака, винограда, южных плодовых культур и эфироносов.

Существенный недостаток Южного берега — это его маловодность и низкое использование водных ресурсов вследствие паводочного режима рек. Как известно, летом на Южном берегу ощущается острый недостаток воды для нужд курортов, населения, промышленности, транспорта и для орошения сельскохозяйственных угодий. Эта особенность Южного берега создает затруднения при поддержании на должной высоте благоустройства населенных пунктов и тормозит развитие как здравниц, так и сельского хозяйства, тем более, что с ростом культурного строительства увеличивается потребность в воде.

Для улучшения водоснабжения Южного берега необходимо принять меры по увеличению водности рек, имеющих напряженный водный баланс, и по регулированию речного стока. Для этой цели в горной части Крыма запроектирован ряд водохранилищ, из которых вода будет подаваться на Южный берег.

Однако одни гидротехнические сооружения не могут обеспечить существенного изменения режима рек и совсем не в состоянии увеличить их водность. Для этой цели возможно использовать положительную гидрологическую роль леса. Поэтому перед Крымской горно-лесной опытной станцией поставлена задача разработки мероприятий по улучшению водного режима Южного берега Крыма с помощью лесов. Предполагается изменить водный режим путем лесных посадок на Крымском нагорье (яйле).

Как известно, Крымское нагорье, сложенное сильно закарстованными известняками, является главной областью питания рек Крыма. Талые и дождевые воды попадают в карстовые пустоты и медленным подземным стоком достигают водоупора — таврических сланцев, по контакту с которыми выходят на дневную поверхность в виде источников.

В литературе существует мнение, что водность нагорья снижается под влиянием сноса значительной части снежного покрова на прилегающие склоны, где снег быстро стаявает и талые воды бурными потоками уносятся в море. Поэтому для увеличения водности нагорья и улучшения режима рек необходимо задержать по возможности большее количество

снега на нагорье и удлинить период снеготаяния с тем, чтобы перевести поверхностный сток в грунтовый и растянуть паводки. Это можно сделать с помощью «снегосборных» лесных полос, которые намечено расположить в направлении, перпендикулярном к господствующим ветрам.

Касаясь изучения вопроса о режиме снега на Крымском нагорье, необходимо отметить, что материала по этому вопросу имеется очень мало. Первые литературные данные мы находим в материалах Крымской партии водных изысканий. В «Кратких сведениях о деятельности партии Крымских водных изысканий за 1913 год» (4) сказано: «Наблюдения на Ай-Петринской метеостанции за 10 лет показали, что осадки за 4 зимних месяца с декабря по март составляют 44% годовой суммы осадков». И далее: «Господствующие на яйле в зимние месяцы ветры сдувают громадные количества снега на склоны, изменяя распределение снега не в пользу сохранения вегетационной влаги. Результатом действия ветров является то, что толщина снежного покрова измеряется на яйле — на возвышенностях и ровных местах ничтожной величиной, доходя на склонах, где таяние происходит чрезвычайно быстро и воды сносятся бесполезно в море, до нескольких сажен». В последующих работах эти данные, полученные только для Ай-Петри, без экспериментальных исследований были распространены на все остальные яйлы (6; 7).

Для получения конкретных данных о количестве сносимого снега и для изучения влияния леса на распределение снежного покрова, по инициативе Всесоюзного научно-исследовательского института лесного хозяйства, Главное управление гидрометеорологической службы предложило провести в зиму 1953—1954 г. в горном Крыму снегомерные съемки по 10 маршрутам. Во исполнение этого предложения, в 1954 г. были охвачены снегомерной съемкой четыре яйлы. Из них три обследованы сотрудниками гидрометеорологической службы, а одна (Чатырдагская) работниками отдела агролесомелиорации Крымского филиала Академии наук УССР. Во всех этих работах принимал участие как представитель Крымской горно-лесной опытной станции автор настоящей статьи.

Исследования снежного покрова производились в течение февраля — марта, т. е. во время максимальных снегозапасов. Общая протяженность всех маршрутов составила около 150 км. Измерение плотности снега произведено в 100 точках. Высота снежного покрова измерена в 310 точках. Методика работ соответствовала «Временному наставлению по производству снегосъемок» (2). Плотность снега измерялась через каждые 500 м, а на маршрутах значительной протяженности — через 1000 м. Следует указать, что «Временное наставление», составленное по опыту снегомерных работ в Средней Азии и на Кавказе, для наших условий оказалось во многих отношениях неудовлетворительным. Его необходимо пересмотреть и изменить, в частности, в сторону сокращения расстояния между точками. Измерение высоты снежного покрова производилось с помощью снегомерных реек, а плотность определялась обычным весовым плотномером. Температура воздуха измерялась термометром-пращом: велась барометрическая нивелировка.

Кроме снегомерных работ на маршрутах, в трех лесничествах Алуштинского лесхоза проведены также измерения высоты снежного покрова, но в ограниченном количестве точек.

Снегомерные съемки в Крыму в таком значительном размере в 1954 году производились впервые; поэтому очень важно сопоставить метеорологические условия зимы 1953—1954 года с данными других годов, чтобы иметь возможность оценить их типичность и характерность распределения снежного покрова.

Главным метеорологическим элементом, который влияет на распре-

деление снега, является ветер. Из метеорологии известно, что наиболее благоприятные для возникновения метелей скорости ветра начинаются с 6—9 м в секунду (3). Для составления проектов лесных насаждений на нагорье очень важно также знать направление господствующих здесь ветров. При сравнении данных за декабрь—февраль зимы 1953—1954 г. с многолетними средними величинами можно сделать вывод, что по направлению ветра этот год является типичным. То же можно сказать и про максимальные скорости ветров. В 1953—1954 г. эти величины не уклоняются сколько-нибудь значительно от типичных для ближайших к местам работ метеорологических станций.

Величина снежного покрова в 1953—1954 г. была, наоборот, необычной: подобная картина наблюдалась в Крыму только в январе и феврале 1911 года (1), когда снегопад заносил дороги, а на улицах Ялты приходилось прокладывать в снегу траншеи. К сожалению, сравнить величину снежного покрова на нагорье с нормой не удалось, так как норма вычислена для постоянной рейки, а как показывают наблюдения, постоянные снеговые рейки могут давать ошибку до 100%.

Перенос снега зависит также от температуры воздуха. Во время оттепелей верхний слой снега оттаивает, а затем при понижении температуры снова замерзает, образуя наст. В таком случае перенос снега практически прекращается. На Ай-Петри в 1954 г. оттепель наступила в период 13—16 февраля, когда температура достигла $+7^{\circ}$, и с этого периода движение снега здесь прекратилось. То же, очевидно, произошло и на других яйлах: в период с 16 по 20 февраля на Чатырдаге также был обнаружен наст. По словам начальника Ай-Петринской метеостанции т. Алексева, оттепели с образованием наста не типичны для Ай-Петри, и данный год в этом отношении является исключительным. Однако на некоторых яйлах и в зиму 1952—1953 года снег имел «гладкую, зеркальную поверхность», т. е. наст. Следует отметить, что на Кавказе наст на горах бывает каждый год, — это там вполне обычное явление.

Касаясь распределения снега вдоль главной гряды Крымских гор, следует в первую очередь указать, что в 1954 г. наибольшее количество снега было в центральной части, а на востоке было меньше. Это видно также из материалов измерений, проведенных Алуштинским лесхозом. Такое распределение снежного покрова является, очевидно, закономерным, так как подтверждается данными, имеющимися за прошлые годы. В отношении распределения снега на главной гряде в поперечном направлении можно отметить, что в 1954 г. на южных склонах снега было больше, чем на северных: так, на южном склоне Бабугана средний запас воды в снеге был равен 180 мм, а на северном — 141 мм; на Ай-Петри — соответственно 192 и 107. На отдельных яйлах снег залегал почти равномерно: на трех из них (Ай-Петри, Бабуган, Никитская) средний запас воды в снеге был почти одинаков (180—190 мм).

На отдельных частях нагорья значительное влияние на распределение снега имели местные особенности рельефа и различные карстовые формы. Каждая яйла в этом отношении имеет свои специфические особенности. Для Чатырдага (второе плато) характерны карстовые воронки глубиной до 15 м и диаметром в среднем до 100 м. В них снег накапливается в довольно больших количествах. На плато Чатырдага 16—20 февраля толщина снежного покрова была равна 30—40 см, а в воронках достигала 100 см. Влияние на толщину снежного покрова оказывают не только карстовые воронки, а даже всякие незначительные понижения рельефа.

На Бабугане по ходу снегомерного маршрута встречались карстовые воронки меньшего размера, диаметром в 10—20 м; при малом диа-

метре они имеют крутые склоны. Поэтому на краях таких воронок образовались так называемые «снежные карнизы». Наст на их поверхности был настолько плотный, что обычной деревянной снегомерной рейкой пробить его было невозможно. Это объясняется тем, что на снежных карнизах наст образовался не в результате оттепелей, а как следствие поземки: это так называемый «ветровой наст», более прочный (3). На дне таких воронок толщина снега невелика — 45—55 см, т. е. примерно такая, как и на поверхности нагорья (30—50 см).

На Гурзуфском седле, на самом гребне снега почти не было — он был сдут (рис. 1). На Никитской яйле распределение снега также под-

Рис. 1. На Гурзуфском седле. Снег полностью сдут.

чинено рельефу. Снег здесь накапливается довольно ровным слоем в понижениях рельефа большого диаметра (до 1 км). Толщина снега в них доходила до 160 см, в среднем равняясь 80—100 см, а на ровных местах снижалась до 30—40 см.

На Ай-Петринской яйле залегание снега было довольно равномерное, толщина снежного покрова равнялась 50—100 см. Но позже выяснилось, что на Ай-Петри снегомерный маршрут прошел в не совсем типичном месте и оставил в стороне под бровкой несколько балок, в которые было нанесено очень большое количество снега. В этих местах двухметровая рейка при нескольких измерениях уходила целиком в снег, и толщина его покрова даже в апреле значительно превосходила размер рейки (рис. 2). Необходимо выяснить, насколько типичны для Ай-Петри такие мощные местные залегания снежного покрова. С точки зрения влияния на водный режим и на эрозию такие мощные скопления снега должны иметь большое значение, так как они расположены в тех местах, где находятся головные части балок и оврагов.

Для выработки мероприятий по изменению водного режима Крыма горно-лесной станции особенно важно было выявить влияние леса на нагорье на распределение снежного покрова. Очень показательным в этом отношении является Чатырдаг. На нижнем его плато имеются леса,

преимущественно буковые, располагающиеся куртинами; поэтому здесь можно наблюдать тот эффект, который должен получиться при облесении других яйл.

Влияние леса на характер залегания снегового покрова на Чатырдаге весьма значительно: если на открытых местах толщина снежного покрова была равна 30—40 см, то на опушке небольшого леса она увеличивалась местами до 115 см, а в лесу доходила до 135 см. При этом на залегание снежного покрова оказывают влияние не только участки леса, но даже отдельные деревья.

Значительное влияние леса на распределение снежного покрова является и на Никитской яйле около южной ее кромки. Там растут отдельные деревья (по 3 — 4 дерева рядом) и небольшие полосы сосны. У отдельных деревьев сугробы достигали 100 см, тогда как рядом на открытом месте толщина снега равнялась 50 см. Еще большее влияние на залегание снега оказывали полосы древесной растительности, в которых толщина снежного покрова достигала 135 см. Данные 1953 — 1954 г. показывают, что в лесу снег залегает сплошным покровом даже тогда, когда на открытых склонах имеются только отдельные пятна снега.

Как уже указывалось, для составления проекта облесения крымских нагорий очень важным является вопрос о сдувании снега ветром. Самый факт передвижения снега на нагорье под воздействием ветра не вызывает сомнений. Неясной только остается количественная сторона вопроса.

На нижнем плато Чатырдага снега сдувается не очень много, и главным образом с полосы около кромки, шириной 5—10 м, в сторону северного склона. На Бабугане кромка и возвышенные части также оголены (рис. 3 и 4), а сугробы находятся под самой бровкой. Мощность их доходит до 170 см (рис. 5). Наиболее мощные скопления снега обнаружены на Ай-Петри под южной кромкой. Мощность их — порядка 3—5 м. С кромки Ай-Петринской яйлы снег сдут. Запасы воды в снегу в скоплениях, находящихся под кромкой, были порядка 500—800 мм, т. е. в 3—4 раза больше, чем средние запасы на склонах и на нагорьях.

Итак, материалы снегомерных съемок 1954 г. не подтвердили наличия такого катастрофического сдувания снега (якобы до 50%), как это указывается в литературе (7). Однако, принимая во внимание, что в

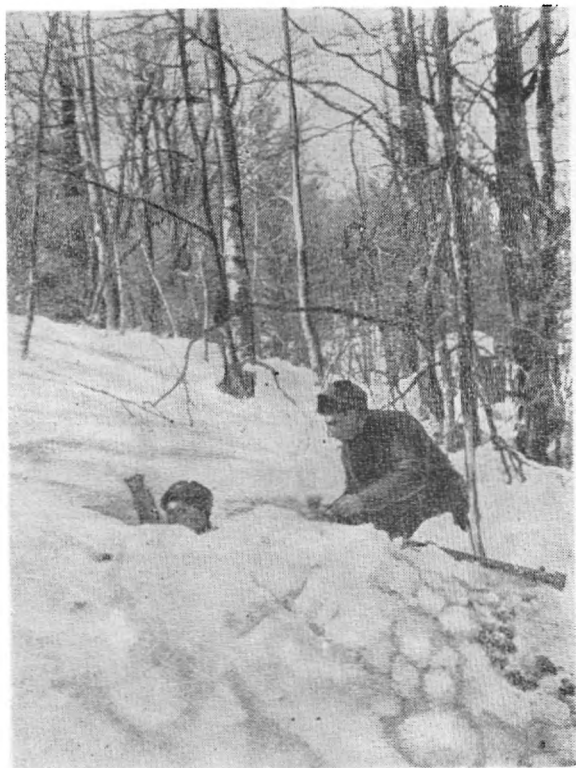

Рис. 2. Сугробы в рост человека у бровки Ай-Петринской яйлы.

отношении количества снега этот год является исключительно многоснежным, — результаты снегомерных съемок, возможно, довольно далеки от многолетних средних данных.

Зима 1955—1956 г. в Крыму была также многоснежной. В феврале—марте 1956 г. вновь была при участии автора проведена снегосъемка на шести яйлах, из них на двух — работниками Крымской горно-лесной

Рис. 3. Сдувание снега с кромки Бабуган-яйлы.

Рис. 4. Снежный карниз на Бабуган-яйле.

опытной станции, а на остальных — гидрографической партией Симферопольского гидрометеобюро под руководством А. И. Бабичева.

Характерным отличием зимы 1955—1956 г. от зимы 1953—1954 г. было отсутствие на поверхности снега наста. Перед прохождением партии через нагорье в марте был сильный снегопад, причем скорость ветра после этого достигла 18—20 м/сек, а температура была отрицательной.

Таким образом, все способствовало переносу снега. Тем не менее, снегомерные съемки 1956 г. подтвердили выводы, сделанные на основании работ 1954 г. В западной части главной гряды Крымских гор и в 1956 г. снегу было больше, чем в восточной, а на северном склоне меньше, чем на южном. Так, например, на южном склоне Ай-Петри средний запас воды в снеге был 135 мм, а на северном — 85 мм; на Чатырдаге — соответственно 118 и 58 мм. Снег на нагорье залегал сплошным покровом,

Рис. 5. Сплошное залегание снежного покрова на Бабуган-яйле.

оголены были только вершинки возвышенностей, кромки и ровные места. Снег обильно скопился в оврагах и под кромкой нагорья; скопления под кромкой Ай-Петри достигали значительной величины. Нами был измерен надув значительной протяженности толщиной 3,07 м с запасом воды в снеге в этом месте 1304 мм. Сугробы в Холодной балке были до 5 м.

Исследования 1956 г. еще раз подтвердили снегозадерживающую роль древесной растительности на нагорьях. Так, на Гурзуфском седле снег был сдут, в то время как отдельные деревца сосны, произрастающие там, полностью с верхушкой были занесены снегом, а за ними тянулись большие сугробы. В буковом лесу около Гурзуфского седла снег залегал равномерно, высота его была 125—135 см. На Ай-Петри около остатков лесных культур на бровке высота снега была 140 см, а рядом на открытых местах — 35—55 см. Все эти факты подтверждают возможность и желательность «снегосорного» лесоразведения на Крымских нагорьях.

На основании данных работ 1954 и 1956 гг. можно сделать следующие выводы.

1. Лес на нагорье задерживает снег и замедляет его таяние.
2. Снег сдувается ветром с бровки нагорья и с вершин местных возвышенностей и накапливается в понижениях и в карстовых воронках. Кроме того, снег сдувается под кромку, где образует сугробы с запасом воды в снегу в этих местах до 500—800 мм, а местами даже до 1300 мм. Мнение о якобы катастрофическом сдувании снега с нагорья результатами работ 1954 и 1956 гг. не подтверждается.
3. Большое значение для размера переноса снега имеет на Крымском

нагорье наст. В годы, когда он образуется, сдувание снега весьма ослабляется и имеет только местное значение.

4. Изучение накопления и распределения снега на нагорье требует дифференцированного подхода. Нельзя результаты работы в одних местах механически переносить на все остальные.

5. Методика снегомерных съемок должна быть пересмотрена применительно к условиям горного Крыма.

6. Снегомерные съемки в Крыму следует производить ежегодно на всем нагорье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов А. А. Климаты СССР, М., 1948.
2. Временное наставление по производству снегосъемок и наблюдений над осадками в труднодоступных горных районах, Гидрометеиздат, Л., 1950.
3. Кароль Б. П. Снежный покров, Л., 1949.
4. Краткие сведения о деятельности партии Крымских водных изысканий за 1913 г., Симферополь, 1915.
5. Троицкий Н. А. Итоги и дальнейшие задачи научно-исследовательских и опытных работ на Крымской яйле, Тр. Гос. Ник. бот. сада, т. 25, в. 1—2, 1948.
6. Филенко Р. А. Влияние метеорологических факторов и карста на сток рек Крымской области, Вестн. Лен. гос. унив., № 8, 1949.
7. Чернова Н. М. Растительный покров западных яйл Крыма и их хозяйственное использование, Тр. Гос. Ник. сада, т. 25, в. 3, 1951.

Л. А. ПРИВАЛОВА

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КРЫМСКОГО НАГОРЬЯ И ВОПРОСЫ ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Нагорье Крыма¹ — вершинное плато главной гряды Крымских гор — простирается вдоль Южного берега от с. Орлиного (Байдары) на западе до с. Приветного (Ускут) на востоке. Районом нашего исследования являлась восточная его часть, расположенная к востоку от Алушты и состоящая из четырех яйл: Демерджи, Тырке, Долгоруковской и Караби. Общая площадь их составляет около 16 тысяч гектаров, из которых около 10 тысяч приходится на самую обширную из яйл Крыма — Караби.

Удаленность восточной части нагорья от побережья — 6—8 км. Высота его значительно меньше, чем западной части, и колеблется в среднем в пределах от 800 до 1000 м над уровнем моря. Восточная часть нагорья вытянута с юга на север больше, чем западная; по направлению к северу высота его постепенно снижается до 650—680 м; далее оно сливается с предгорными степями.

Основная горная порода, слагающая Крымское нагорье, в частности восточную его часть, — юрские мраморовидные известняки, подстилаемые водоупорными глинистыми сланцами. На яйле Демерджи, кроме того, на поверхность выходят конгломераты.

Рельеф нагорья — сложный, местами ровный, местами довольно сильно пересеченный; на большей части нагорья резко выражены карстовые явления. Особенно изобилуют карстовыми воронками, колодцами и пещерами южная и юго-восточная части яйлы Караби и северо-восточная часть Долгоруковской яйлы. Наоборот, центральная и северная части их представляют собою почти ровное плато, понижающееся к северу. Всюду часты известковые гребни — холмы обычно с крутыми или даже отвесными юго-восточными и задернованными северо-западными склонами.

Климат — холодный и полувлажный. Средняя годовая температура +6,7°. Безморозных месяцев три (июнь, июль, август). Четыре месяца имеют температуру выше +10°. Среднее годовое количество осадков — 510 мм. Наиболее обильны осадками летние месяцы — июнь, июль. Ветры преимущественно южные, с наибольшей скоростью зимой.

¹ Под «нагорьем» в настоящей статье разумеется все вершинное плато южной, самой высокой гряды Крымских гор, отдельные же участки его именуются прежним названием — «яйла».

Преобладающими почвами являются горнолуговые черноземовидные различной мощности, а также щебенчатые и каменистые почвы склонов.

История исследования растительного покрова Крымского нагорья достаточно подробно изложена в работах Е. В. Вульфа (1948), Н. А. Троицкого (1948), Н. М. Черновой (1951). Восточная часть нагорья посещалась ботаниками значительно реже, чем западная. Впервые краткое описание яйлы Караби дал Дюбуа де-Монпери (1843); имеются ботанические описания яйл Демерджи и Караби у Н. А. Буша (1905—1908), В. И. Талиева (1908), Е. В. Вульфа (1914). Все это — небольшие работы, дающие общее представление об облике Демерджи и Караби и о некоторых характерных для них растениях.

Наиболее полную для того времени сводку по восточной части нагорья дал Е. В. Вульф в 1925 г. Следует подчеркнуть, что все работы о растительном покрове Крымского нагорья были составлены в разных планах и обычно давали неполные сведения, которые трудно свести в одно целое и которые не могли служить материалом для получения общих теоретических и практических выводов. Это соображение явилось основанием для подготовки сводки, обобщающей итоги новейших исследований растительности нагорья с учетом всех относящихся сюда литературных источников. Наша работа по исследованию растительного покрова восточной части нагорья, а также опубликованная уже работа Н. М. Черновой по западной части, составлены в общем плане и могут рассматриваться, как части этой сводки; обе эти работы содержат сравнимые данные, которые должны быть использованы для выводов по вопросу формирования и развития флоры и растительности нагорья в целом (теоретический вопрос) и для составления конкретного плана проведения на нагорье фитомелиоративных мероприятий (практическая сторона работы).

Данная статья является кратким итогом обследований восточной части нагорья, проведенных летом 1951—1952 г.

В полевой работе применялась общепринятая методика геоботанических обследований. В травянистых ассоциациях закладывались пробные площади размером 100 кв. м, в лесных — 400 кв. м. Для определения урожая в различных вариантах ассоциаций брались пробные укосы с площади в 1 кв. м (в среднем по 5—6 укосов в каждой ассоциации).

Выстригание травостоя производилось на высоте 3—4 см от поверхности почвы. Полученная масса разбиралась по хозяйственным группам, высушивалась и взвешивалась. Экологический и ботанико-географический анализ флоры проводился на основании литературных данных и по нашим наблюдениям в природе; данные его имеют предварительный характер и не могут претендовать на исчерпывающее решение вопроса.

Границы Средиземноморской ботанико-географической области — Древнего Средиземья — приняты нами в основном в понимании М. Г. Попова (1927, 1929, 1950). Для анализа флоры восточного нагорья весьма интересно выяснение соотношения собственно средиземноморских и переднеазиатских влияний на ее формирование. Поэтому при изложении материала средиземноморские элементы понимаются как ограниченные современным Средиземноморьем, с включением в него побережья Малой Азии, Крыма и Западного Закавказья; им противопоставляются элементы стран Передней Азии (Иранской провинции, по М. Г. Попову), входивших в состав Древнего Средиземья, но давших

впоследствии самостоятельный центр развития более ксерофильной флоры.

Флора восточной части нагорья насчитывает 642 вида. В сравнении со всеми прежними данными список увеличивается на 125 видов; основные из них указаны в нашей работе 1954 г.

Если для западной части нагорья Н. М. Чернова отмечает соответствие флористического спектра со спектром понтических ковыльно-злаковых степей, то в восточной части это соответствие еще более усиливается. Господствующими являются семейства, связанные с аридными центрами развития, — сложноцветные, злаки, губоцветные, бобовые, розоцветные, гвоздичные. Наоборот, роль семейств, связанных с бореальным флористическим центром, еще более снижена (орхидные, осоковые, гераниевые, фиалковые, папоротники). В этом ясно сказывается большая континентальность восточного нагорья в сравнении с западным.

Этот же момент подчеркивается и в результате экологического анализа флоры. Экологический анализ имеет целью показать долю участия в видовом составе данной территории различных экологических элементов (степных, лесных, луговых и т. д.) и, в конечном счете, пролить свет на происхождение и связи флоры восточного нагорья. Мы стремились построить классификацию экологических групп по единому геоботаническому принципу, отражая приуроченность того или иного вида к определенной растительной зоне с соответствующими ей экологическими условиями. Группы эти следующие:

1. Горностепные и горнолуговые, специфичные для Крымского нагорья, — 63 вида, или 9,8% флоры восточного нагорья. Сюда отнесены виды верхней части открытых горных склонов, пониженных горных луговин. Высокогорные, субальпийские растения почти отсутствуют. В состав группы входят в основном: лисохвост влагалищный — *Alopecurus vaginatus*, перловник горный — *Melica monticola*, мятлик длиннолистный — *Poa longifolia*, ясколка Биберштейна — *Cerastium Biebersteinii*, минуарция железистая — *Minuartia adenotricha*, минуарция волосистая — *Minuartia hirsuta*, лютик расщепленный — *Ranunculus dissectus*, крупка длинностолбиковая — *Draba cuspidata*, виды манжетки — *Alchemilla*, лапчатка прижатая — *Potentilla depressa*, ракитник волосистый — *Cytisus polytrichus*, молочай скальный — *Euphorbia petrophila*, солнцезвезд крупноцветный — *Helianthemum grandiflorum*, солнцезвезд восточный — *Helianthemum orientale*, бедренец камнелюбивый — *Pimpinella lithophila*, проломник шерстистый — *Androsace villosa*, вьюнок таврический — *Convolvulus tauricus*, железница таврическая — *Sideritis taurica*, дубровник яйлинский — *Teucrium jailae*, виды чабреца — *Thymus*, вероника генциановая — *Veronica gentianoides*, ясменник лежащий — *Asperula supina*, полынь шерстистая — *Artemisia lanata* и др.

Ботанико-географический анализ видов группы показывает основные связи их с собственно средиземноморским и отчасти с переднеазиатским флористическими центрами развития.

2. Гемиксерофильные и ксерофильные средиземноморского типа, свойственные главным образом ксерофитным редколесьям и шибляку, — 73 вида, или 11,4%. Основное ядро группы — южнобережные виды, т. е. представители гемиксерофильной флоры современного Средиземноморья. Это виды кустарниковых ценозов, своеобразных светлых «кустарниковых лесов» (по выражению В. П. Малеева), каменистых мест, сухих склонов. Таковы: можжевельник красноплодный — *Juniperus oxcedrus*, грабинник восточный — *Carpinus orientalis*, боярышник восточный — *Crataegus orientalis*, пираканта красная — *Pyracantha coccinea*, житняк понтийский — *Agropyron ponticum*, пырей скифский — *Elytrigia scythica*,

перловник таврический — *Melica taurica*, асфodelина желтая — *Asphodeline-lutea*, эремурус таврический — *Eremurus tauricus*, ятрышник трезубчатый — *Orchis tridentata*, ясколка таврическая — *Cerastium tauricum*, мыльнянка клейкая — *Saponaria glutinosa*, дрок беловатый — *Genista albida*, фумана лежачая — *Fumana procumbens*, шалфей крупноцветный — *Salvia grandiflora*, дубровник обыкновенный — *Teucrium chamaedrys*, дубровник седой — *Teucrium polium*, норичник скальный — *Scrophularia rupestris*, подмаренник венечный — *Galium coronatum*, колючник ежеголовый — *Chamaerupea echinoscephala* и др.

Группу в основном создает собственно средиземноморский центр развития флоры при небольшой роли переднеазиатского.

3. Степные — 178 видов, или 27,7%. Это — в основном многолетние: ксерофильные травы, свойственные степной зоне Евразии от паннонских степей Юго-Восточной Европы до западносибирских и североказахстанских степей. Основные из них: типчак степной — *Festuca sulcata*, ковыль узколистный — *Stipa stenophylla*, тонконог изящный — *Koeleria gracilis*, овсец Шелли — *Helictotrichon Schellianum*, осока низкая — *Carex humilis*, костенец зонтичный — *Holosteum umbellatum*, приротовница головчатая — *Paronychia cephalotes*, неон тонколистный — *Paeonia tenuifolia*, земляные орешки — *Filipendula hexapetala*, полуника — *Fragaria viridis*, черноголовник многобразный — *Poterium polygamum*, виды льна — *Linum*, ластовень рыхлый — *Vincetoxicum laxum*, шалфей австрийский — *Salvia austriaca*, тысячелистник щетинистый — *Achillea setacea*, полынок — *Artemisia austriaca*, астра степная — *Aster amelloides*.

Исходные формы большинства из них имеют средиземноморское происхождение. Непосредственные генетические связи Евразийской степной ботанико-географической области со Средиземноморской сказываются в преобладании среди степной флоры нагорья видов средиземноморско-евразийского распространения.

4. Луговые — 42 вида, или 6,6% от общего состава флоры восточного нагорья. Они представлены многолетними мезофильными растениями суходольных и отчасти поемных лугов Евразии. Это — лисохвост луговой — *Alopecurus pratensis*, полевица белая — *Agrostis alba*, ежа сборная — *Dactylis glomerata*, пырей ползучий — *Elytrigia repens*, овсяница луговая — *Festuca pratensis*, мятлик луговой — *Poa pratensis*, звездчатка злаковая — *Stellaria graminea*, клевер изменчивый — *Trifolium ambiguum*, клевер луговой — *Trifolium pratense*, горечавка крестовая — *Gentiana cruciata*, подорожник средний — *Plantago media*, василек луговой — *Centaurea jacea*.

Происхождение большинства их связано с бореальным евросибирским и среднеевропейским лесными центрами развития флоры.

5. Лесные — 172 вида, или 26,8% флоры. Группу в основном составляют виды широколиственных лесов Средней Европы, а также более северных евросибирских лесов. Основными древесными породами являются: бук восточный — *Fagus orientalis*, граб — *Carpinus betulus*, дуб скальный — *Quercus petraea*. Из травянистых видов: папоротник мужской — *Dryopteris filix mas*, мятлик дубравный — *Poa nemoralis*, ландыш — *Convallaria majalis*, купена лекарственная — *Polygonatum officinale*, пролеска двулистная — *Scilla bifolia*, виды орхидных — *Orchidaceae*, неон трехраздельный — *Paeonia triternata*, зубчатка пятилистная — *Dentaria quinquefolia*, земляника — *Fragaria vesca*, клевер средний — *Trifolium medium*, виды фиалки — *Viola*, буквица лекарственная — *Betonica officinalis*, черноголовка крупноцветная — *Brunella grandiflora*, душица обыкновенная — *Origanum vulgare*, вероника дубравная — *Veronica chamaedrys*, ясменник пахучий — *Asperula odorata*,

поповник щитковый — *Pyrethrum corymbosum*. Как видим, наряду с типичными лесными растениями в эту группу входят луго-лесные виды, свойственные осветленным лесам, полянам и опушкам.

Очень незначительную группу среди лесных видов представляют виды сосновых боров: кошачья лапка — *Antennaria dioica*, ястребинка волосистая — *Hieracium pilosella*, василек наклоненный — *Psephellus declinatus*.

6. **Водноболотные** растения представлены 8 видами (1,3%), живущими близ воды: манник пловучий — *Glyceria fluitans*, болотница настоящая — *Eleocharis eupalustris*, виды ситника — *Juncus*.

7. **Сорные** растения — 106 видов, или 16,5%. Сюда относятся рудеральные сорняки, виды, приуроченные к местам с нарушенным естественным покровом, сорняки-паразиты.

Экологический анализ прежде всего показывает явное преобладание в восточной части нагорья степного элемента. На первый взгляд весьма значительна доля **лесных** видов, однако большинство их составляют виды светлых лесов и опушек. Кроме того, многие виды учтены на склонах нагорья, в лесах, составляющих границу с яйлой. Большое значение на нагорье имеет **сорный** элемент, что обусловлено многовековой усиленной эксплуатацией данной территории. Значительно уступают трем перечисленным группам гемиксерофильных видов средиземноморского типа, а также группы горностепных и горнолуговых видов.

Участие луговых видов в сложении флоры восточной части нагорья незначительно.

При сравнении флоры восточного и западного нагорий обращает на себя внимание следующее.

Флора восточного нагорья значительно более остепнена. Если на западном нагорье доля степного элемента выражается в 22,3%, то на восточном она возрастает до 27,7%. Это обуславливается возрастающей здесь континентальностью климата и непосредственной близостью северного и восточного Крыма с его степной и полупустынной флорой.

Повышена также общая засоренность восточного нагорья (16,5% против 14,5% на западном).

Наоборот, роль горностепного и горнолугового элементов заметно снижена. На западном нагорье они составляют около 15% (с включением нагорных эндемов), на восточном их 9,8%. Это вполне закономерно в связи со значительным снижением абсолютной высоты восточного нагорья.

Естественно также и некоторое уменьшение роли гемиксерофильного средиземноморского элемента в связи с большей удаленностью восточного нагорья от побережья. Кроме того, вероятно, сказалось более резкое общее изменение здесь природных условий с момента формирования флоры, чем на западном.

Попытка провести ботанико-географический и флорогенетический анализы показала, что основным флористическим элементом на восточном нагорье является **собственно средиземноморский**, составляющий 45,6%. На долю переднеазиатского элемента приходится здесь 10%.

Таковы краткие данные по анализу флоры восточного нагорья.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНОГО НАГОРЬЯ

В настоящее время основная площадь восточного нагорья покрыта травянистой растительностью, которая не может быть приравнена к какой-либо растительной зоне. В основном это — формации, напоминающие равнинные степи и остепненные луга с преобладанием первых.

Мы выделяем здесь следующие основные категории растительных сообществ:

1. Растительность степного типа. Занимает около 50—55% всей площади. Преобладающими степными ценозами являются разнотравно-типчаковые и типчаково-разнотравные ассоциации с доминированием типчака — *Festuca sulcata*, зверобоя альпийского — *Hypericum alpestre*, таволги шестилепестной — *Filipendula hexapetala*, пеона тонколистного — *Paeonia tenuifolia*, ластовня рыхлого — *Vincetoxicum laxum*, полыни австрийской — *Artemisia austriaca*.

Эти ценозы характерны для плато и пологих склонов. В настоящее время они используются под выпас. На восточном нагорье отмечены также ковыльные степные участки из ковыля узколистного — *Stipa stenophylla*. Еще в недавнем прошлом эти участки были обширнее, но постепенно, под влиянием выпаса, ковыль уступал место типчаку.

2. Растительность лугового типа занимает в среднем до 20% площади и приурочена к понижениям рельефа и защищенным от выпаса местам. Это обычно остепненные луга, представленные разнотравно-злаковыми, злаково-разнотравными и бобовыми ценозами. Здесь доминантами являются луговые и лугово-лесные злаки: коротконожка перистая — *Brachypodium pinnatum*, овсяница луговая — *Festuca pratensis*, пырей ползучий — *Elytrigia repens*, зиглиния лежащая — *Sieglingia decumbens*, лисохвост луговой — *Alopecurus pratensis*, полевица белая — *Agrostis alba*, ежа сборная — *Dactylis glomerata*, из мезофильного разнотравья: виды манжетки — *Alchemilla*, герань кроваво-красная — *Geranium sanguineum*, солнцезвезд крупноцветный — *Helianthemum grandiflorum*, душица обыкновенная — *Origanum vulgare*, из бобовых: виды клевера — *Trifolium*, люцерна серповидная — *Medicago falcata*, лядвенец рогатый — *Lotus corniculatus*. При этом бобовые ассоциации распространены слабо, покрывая до 1—2% площади.

3. Растительность фриганоидного типа представлена на восточном нагорье фрагментарно и занимает не более 10% площади.

Этот своеобразный тип растительности складывается ценозами с преобладанием ксероморфных кустарничков, полукустарничков и отчасти многолетних трав, образующих довольно редкий и обычно низкий покров.

Согласно Е. М. Лавренко (1950), растительность подобного характера составляет фригану.

На восточном нагорье фрагменты фриганий вкраплены в степные ценозы и приурочены к щебенчато-каменистым, сильно прогреваемым склонам. В их сложении в основном участвуют виды, объединенные в нашей работе в две экологические группы — гемиксерофильных средиземноморских и горностепных элементов. Однако, ассоциации фриганоидного типа на восточном нагорье не имеют резкой экологической и физиономической очерченности в силу того, что к их видовому составу часто примешиваются степные растения («остепненные фригании»). Нередки постепенные переходы между фриганоидными и степными ценозами. На восточном нагорье отмечены группировки типа фриганий с преобладанием дубровника седого — *Teucrium polium*, д. яйлинского — *T. jaiiae*, часто с дроком беловатым — *Genista albida*, солнцезвезды восточного — *Helianthemum orientale*, шерстистой полыни — *Artemisia lanata*, колючника ежеголовного — *Chamaerupe echinoscephala* (массовое появление этого вида отмечено только на восточном нагорье), выюнка крымского — *Convolvulus tauricus*, железницы крымской — *Sideritis taurica*. С ними часто встречаются осока низкая — *Carex humilis*, ясменник лежащий — *Asperula supina*, лапчатка таврическая — *Potentilla taurica*, подмаренник венечный — *Galium coronatum*.

4. Леса вместе с отдельными группами деревьев занимают на восточном нагорье немного больше 1000 гектаров (8%).

На плато наиболее распространены буковые леса. Более или менее крупные массивы имеются на юго-востоке Демерджи и на г. Карадаг, на Караби-яйле. Основные ассоциации — *Fagetum nidum* почти без травяного покрова, *F. graminosum* с мятликом дубровным — *Poa nemoralis*. Пятнами встречаются *F. asperulosum* с ясенником пахучим, *F. euphorbiosum* с молочаем миндальным, *F. mercurialisum* с перелеской, *F. dryopteriosum* с папоротником мужским.

Деревья бука показывают, как правило, полную жизненность. Есть следы порубок, потравы, однако следов естественного угнетения не заметно. Ассоциации, называемые Г. И. Поплавской (1925) субальпийскими, — *F. subalpinum*, с низкорослыми тонкоствольными корявыми буками, отсутствуют.

Кроме сплошных массивов, бук выходит на плато по балкам, покрывает северные склоны карстовых воронок. На Караби-яйле, у подножья Карадага, это — большие группы деревьев, которые к северу изреживаются, затем переходят в отдельные деревья, наконец, и они исчезают. По-видимому, это остатки некогда существовавшего здесь букового леса. На северных склонах воронок с глубокими увлажненными почвами деревья находят более благоприятные условия существования, чем на плато. Крупные старые деревья плодоносят, дают самосев. Однако освещенность места не обеспечивает благоприятных условий для семенного возобновления бука. С ним успешно конкурируют попадающие сюда семена граба, который постепенно сменяет бук.

Благодаря большой протяженности восточного нагорья на север, где оно выходит из зоны буковых лесов, и благодаря сравнительно небольшой абсолютной высоте, склоны яйл Долгоруковской и Караби на значительном протяжении покрыты буково-грабовыми и грабовыми лесами. Е. В. Вульф (1925) почему-то их совсем не упоминает, указывая, что северная часть восточного нагорья окаймлена дубовыми лесами.

Возможно, что еще 40 лет тому назад грабовые леса уступали по распространению дубовым. Они часто являются лесами вторичного происхождения. Однако на склонах есть и старые грабовые леса. Грабовые леса свойственны более сухим мелкокаменистым склонам на высоте 750—900 м над у. м. Травяной покров — как бы переходный между буковыми и дубовыми лесами.

На крайних северных оконечностях нагорья, на высоте 600—700 м над у. м., грабовые леса постепенно сменяются дубовыми. Последние занимают обычно южные и западные сильно прогреваемые склоны. В травяном покрове господствуют виды светлых лесов и степей: коротконожка перистая — *Brachypodium pinnatum*, герань кроваво-красная — *Geranium sanguineum*, пахучка обыкновенная — *Clinopodium vulgare*, дорикниум средний — *Dorycnium intermedium*, ластовень рыхлый — *Vincetoxicum laxum*, девясил мечелистный — *Inula ensifolia*, астра степная — *Aster amelloides*. Это дубовые леса, похожие на выделенные Н. Д. Троицким (1929) под названием степных — *Quercetum stepposum* и особенно злаковых — *Q. graminosum*.

Сосновые леса на восточном нагорье отсутствуют. Сосна поднимается лишь по скалам Демерджи и Караби, есть сосновый участок на западном склоне Долгоруковского нагорья. Отсутствие сосновых лесов на плато и склонах резко отличает восточное нагорье от западного.

При оценке восточного нагорья с точки зрения его хозяйственного использования необходимо отметить следующее. Большая часть площади нагорья в настоящее время не может быть в достаточной мере использо-

вана в качестве кормового угодья. ввиду крайней выбитости травостоя. Имеющиеся участки, пригодные для сенокосения, могут дать не более 3—7 ц/га¹. Использование этих участков в качестве сенокосов в большинстве случаев затруднено условиями рельефа. Наиболее ценные луговые сенокосные угодья дают в среднем 10—15—20 ц/га. Основная же площадь, занятая типчаковыми степями, имеет очень низкую производительность травостоя (2—4 ц/га и ниже).

Характер распределения степных и луговых ценозов на восточном нагорье указывает, что мезофильная растительность была распространена здесь в недалеком прошлом значительно шире. Усиление ксерофитизации восточного нагорья обуславливается в значительной мере интенсивным выпасом. Это способствовало развитию на огромных пространствах нагорья типчаковых степей за счет более ценных в кормовом отношении ценозов с преобладанием мезофильных злаков и бобовых. В типчаковых степях, даже при кратковременном прекращении или уменьшении выпаса, резко увеличивается обилие таких типичных для пастбищ бобовых, как клевер ползучий *Trifolium repens* и желтый *Tr. strepens*. Это свидетельствует о том, что обилие бобовых в травостое легко может быть увеличено даже простым регулированием выпаса.

Нагорье является главной водосборной площадью Крыма, снабжающей водой реки и большую часть источников полуострова. Дебит воды в реках и источниках в большой мере зависит от состояния почвенного и растительного покрова нагорья. Поэтому регулирование пастбы на нагорье должно производиться самым тщательным образом, дабы не допускать перегрузки пастбищ скотом, что влечет за собою разрушение дерна и почвы. Восстановление почвенного и растительного покрова на тех участках нагорья, где он в настоящее время утрачен, является насущной необходимостью. Водосборная роль нагорья отмечалась всеми его исследователями, и почвоохранные, а также почвовосстановительные мероприятия должны играть значительную роль в плане мелиоративных работ на нагорье. Распашка же нагорья, в особенности под пропашные культуры, должна быть категорически воспрещена.

ПРОШЛОЕ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА НАГОРЬЯ

На основании изучения современной растительности восточного нагорья его отдаленное прошлое рисуется нам в следующем виде (разумеется, в самых общих и предположительных чертах).

Во-первых, по-видимому, можно согласиться с гипотезой существования третичной Понтиды, заполнявшей часть черноморской впадины. Эта суша территориально объединяла Крым с современным Средиземноморьем; результатом этого явилась значительная общность крымской и средиземноморской флоры, что выражается в особенно полном сохранении в Крыму гемиксерофильных средиземноморских элементов.

Формирование флоры и растительности восточного нагорья относится, по-видимому, к концу третичного периода, когда такое соединение еще существовало. Свидетельством этого является высокий процент здесь средиземноморских видов, ареал которых обычно исключает возможность миграции их с севера.

Дальнейшая эволюция флоры и растительности восточного нагорья протекала в направлении все большего обеднения ее гемиксерофильным средиземноморским элементом.

¹ Здесь результаты пробных укосов переведены на возможные урожаи сена, получаемого хозяйственным способом; ориентировочные потери сена принимались в 25—30%.

Почти все ботанические работы по Крымскому нагорью отводят определенное место дебатам по поводу безлесия нагорья. Изложение различных взглядов по этому вопросу можно найти, в частности, в работах Е. В. Вульфа (1925) и Н. М. Черновой (1951). Мы разделяем точку зрения Н. А. Буша, В. И. Талиева, Е. В. Вульфа, Н. М. Черновой, которые причину современного безлесия нагорья видят в антропогенных воздействиях. Н. М. Чернова справедливо добавляет, что отрицательное значение имеют также и климатические факторы, особенно ветер.

Н. М. Чернова считает, что плато западного нагорья в конце третичного — начале четвертичного периода в основном было покрыто светлыми хвойными (сосновыми и можжевельновыми) лесами, которые при наступлении более холодного и влажного климата сильно сократились территориально и в понижениях уступили место буковым лесам. Эта мысль находит себе подтверждение в преобладании сосновых лесов по южному краю западного нагорья, в наличии их (а также можжевельниковых лесов) на самом плато, в хорошем возобновлении сосны.

Иное соотношение древесных пород наблюдается на восточном нагорье. Лесные массивы на плато образованы буком. Границу леса по склонам составляют бук, граб и дуб. Сосна встречается лишь в виде единичных экземпляров (на южных скалах Демерджи, Караби, на западном склоне Долгоруковского нагорья). Произрастание сосны в труднодоступных местах дает основание предполагать, что современный ареал ее на восточном нагорье является реликтовым. О прежнем распространении сосновых лесов по южному склону восточного нагорья свидетельствуют и литературные данные.

Можно допустить, что в конце третичного периода довольно значительная часть плато восточного нагорья была покрыта гемиксерофильной растительностью типа ксерофитных редколесий, скорее всего в виде светлых сосновых лесов. Одновременно в верхней зоне южного склона гор — в ущельях, балках, — очевидно, уже были развиты и буковые леса.

Опускание Понтиды в глубины Черного моря должно было сопровождаться увеличением влажности климата. Возможно, что к этому периоду относится и более сильное развитие буковых лесов на плато нагорья, прежде всего в его южной части.

Последующее изменение климата в сторону аридности, особенно резко выразившееся в восточной части Крыма, привело к сокращению площадей под буковыми лесами. Последние сохранились лишь на северных склонах, в отрицательных формах рельефа, т. е. там, где они находили более благоприятные условия для своего произрастания и могли успешно конкурировать с сосной. Сосновые леса удерживались на высоких точках плато, на южных, хорошо освещаемых склонах, но постепенно сокращались вплоть до полного уничтожения, чему способствовала деятельность человека — порубки, выпас скота.

К настоящему времени гемиксерофильный средиземноморский элемент (вместе с горностепными средиземноморскими видами) слагает своеобразные растительные группировки типа фригаников, распространенные фрагментарно. Восточное нагорье в настоящее время очень сильно отличается от Южного берега обедненностью гемиксерофильным средиземноморским элементом и значительной степненностью.

Степной флористический элемент является на восточном нагорье более молодым. Формирование его в Крыму шло, по-видимому, как за счет иммиграции понтических видов с севера, так и путем автохтонного образования степных видов из средиземноморских аборигенов. На восточном нагорье, очевидно, имели место оба эти процесса. Расселение

степных видов здесь шло более интенсивно, чем на западном нагорье, так как к этому было меньше препятствий. Большая протяженность восточного нагорья с юга на север с вклиниванием его северной части в зону степей и с постепенным снижением высоты способствовала непосредственному флористическому обмену между восточным нагорьем и степями. Чрезмерный и непрерывный выпас скота на нагорье обусловил дальнейшее усиленное расселение здесь ряда степных видов.

Постепенная смена гемиксерофильной средиземноморской растительности луговой и лугово-степной растительностью происходила на всем нагорье Крыма. Однако растительность восточного нагорья особенно тесно связана со степной и полупустынной растительностью равнинной части полуострова. Свидетельством этих связей является общее повышение ксерофилизации растительности, появление настоящих степных — пеоновых, полынных, ластовневых ценозов на северной пониженной части, явное усиление роли ковыльных ассоциаций, значительное сокращение типичных для высоких нагорий манжетковых лугов, ценозов яйлинского эспарцета *Onobrychis jaiiae* и некоторых других. Изменения в сторону общей ксерофилизации растительности на восточном нагорье пошли дальше.

В эпохи с теплым и влажным климатом широкие территориальные соединения с югом России допускали проникновение видов широколиственных лесов по долинам крупных рек. В. П. Малеев (1948) относит их проникновение, скорее всего, к рисс-вюрмской межледниковой эпохе. В результате происходило заселение северной, сильно пониженной части восточного нагорья дубовыми лесами, которые, вероятно, покрывали эту часть плато, придавая ей вид лесостепи. Еще и до сих пор по более низким местам восточных нагорий, особенно Караби, разбросаны отдельные деревья и кустарники, свойственные дубовым светлым лесам.

Грабовые леса восточного нагорья имеют, по-видимому, вторичное происхождение. Они сменяют прежде более распространенные дубовые леса. В зоне буковых лесов появление граба связано с осветлением мест и с иссушением почв.

В прошлом лес на восточном нагорье, несомненно, был распространен шире, чем в настоящее время, хотя, по-видимому, сплошного облесения не было никогда.

Сведение лесов на восточном нагорье, в частности полное уничтожение сосновых лесов, способствовало увеличению сухости климата, а постоянный выпас скота еще более ослабил биологические позиции леса.

Результаты изучения растительности восточного нагорья свидетельствуют о том, что современный его облик может быть изменен в сторону увеличения лесных площадей и мезофильных луговин. Однако, если на западном нагорье часто достаточно даже простого прекращения выпаса скота, чтобы резко усилить позиции леса, на восточном нагорье для этого необходима более серьезная и регулярная помощь человека.

НЕОБХОДИМЫЕ ФИТОМЕЛИОРАТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА НАГОРЬЕ

Неотложная необходимость восстановления и улучшения растительного и почвенного покрова на восточном нагорье бесспорна. Уменьшение лесных участков, ксерофилизация растительности, расширение площадей с разрушенным дерном приводят к дальнейшему усилению эрозии, а, в конечном счете, к уменьшению водоудерживающей и водоохранной роли нагорья. Ориентировочный план фитомелиоративных работ применительно к восточному нагорью представляется в следующем виде.

По лесоразведению. Самой неотложной мерой должен быть запрет выпаса на всех участках, где еще сохранились остатки лесов. Буковые лесные массивы Демерджи и Караби должны быть объявлены заповедными.

Одновременно с этим необходима широкая постановка работ по искусственному лесоразведению. Облесение восточного нагорья следует начинать от опушек уже существующих лесов с постепенным продвижением далее, с таким расчетом, чтобы приопушечные посадки являлись началом заложения лесных полос.

Основные лесные полосы рекомендуется проводить в двух взаимно перпендикулярных направлениях, определяемых господствующими ветрами, а именно с запада на восток (или с ЗЮЗ на ВСВ) с проведением перпендикулярных вспомогательных полос.

Наблюдения на западной и центральной частях Крымского нагорья показывают, что самовозобновление сосны успешно идет на менее задерненных местах. На участках, где травостой особенно густ, подрост сосны обычно вовсе отсутствует. Поэтому лесные посадки на восточном нагорье следует приурочивать к местам, не имеющим густого дерна.

Кроме плато, необходимо подвергать облесению и оголенные склоны яйл Долгоруковской и Караби, а также западные и южные склоны Тырке, наиболее подверженные размыву. При подборе древесных пород следует учитывать специфические условия восточного нагорья. В качестве основной породы для лесополос может быть рекомендована сосна крючковатая *Pinus hamata*, однако ее применение несколько ограничено сравнительно небольшими запасами ее в Крыму. Из других хвойных можно рекомендовать сосну горную — *Pinus montana*, лиственницу европейскую — *Larix eugoraea* и некоторые сосны, рекомендуемые И. А. Забелиным (1934) и Н. М. Черновой (1951) — австрийскую, корсиканскую и гибкую — *P. austriaca*, *P. corsica*, *P. flexilis*.

В северной, пониженной части нагорья могут быть использованы граб, дуб скальный и черешчатый — *Quercus petraea* и *Q. robur*, ясень обыкновенный — *Fraxinus excelsior*, может быть, ясень зеленый — *F. viridis*.

На обширных пространствах восточного нагорья вначале, по-видимому, будут более удачными посадки некрупных древесно-кустарниковых пород, в первую очередь видов, произрастающих здесь в естественном состоянии. Сюда относятся виды боярышника, яблоня, груша лохолистная и обыкновенная, бирючина, шиповник чатырдагский, терн, кизильник цельнокрайний. Кроме того, следует испытать карагану, боярышник желтоплодный — *Crataegus azarolus*, бадамчу — *Amygdalus spinosissima*.

По травосеянию. Крымское нагорье издавна являлось основным пастбищным и сенокосным угодьем для всего Крыма. Горные луга должны быть не только сохранены, но и улучшены, прежде всего путем урегулирования пастбищного хозяйства.

Прекращение или даже резкое ограничение выпаса скота уже через 2—3 года вызывает значительное улучшение травостоя. Это указывает на простейшие меры восстановления кормовой ценности растительного покрова нагорья. В первую очередь следует оградить от выпаса луговые участки с последующим использованием их только под сенокос. На них следует рекомендовать дальнейшее улучшение состава трав путем подсева ценных злаков и бобовых. Это прежде всего желательно проделать на небольшой мезофильной яйле Тырке, которую полностью следовало бы использовать в качестве опытного участка.

Кроме опытов по подсеву трав, здесь можно было бы организовать

работу по изучению динамики травостоя, химического состава и питательной ценности яйлинских растений, выделить участки с полным запретом пастбы и участки с различной степенью и различными приемами выпаса в целях изучения влияния пастбы на растительный покров и поставить другие опыты с целью выяснения наиболее рациональных приемов выпаса и ряда других практических и теоретических вопросов.

Площади, свободные от облесения и непригодные для сенокосения, могут быть использованы в качестве летних пастбищ. Допущение умеренного летнего выпаса диктуется реальными потребностями животноводства Крыма.

Необходимо заметить, что мероприятия по фитомелиорации нагорья издавна рекомендовались, но почти не осуществлялись. Полное осознание необходимости таких работ и широкое их проведение должны действительно помочь разрешению водной и кормовой проблем в Крыму.

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить благодарность профессорам Н. А. Троицкому и Н. И. Рубцову за ценные советы и замечания, сделанные по данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

- Буш Н. А. 1905—1908. Крымские письма, Изв. СПб бот. сада, V—VIII.
- Вульф Е. В. 1914. Демерджи и Караби яйла в Крыму и задачи мелiorации яйлы, Сб. Крым. общ. ест. и любит. прир., «По Крыму», № 2.
- Вульф Е. В. 1919. К флоре вершин Крымских гор, Тр. нац. зап. в Крыму, 1, Симф.
- Вульф Е. В. 1925. Растительность восточных яйл Крыма, их мелiorация и хозяйственное использование, М.
- Вульф Е. В. 1948. Крымская яйла и ее растительность, Тр. Гос. Никитского бот. сада, XXV, 1—2.
- Забелин И. А. 1934. Методика фено-экологических наблюдений над хвойными и опыт применения ее к кедром и соснам, Крымгосиздат.
- Лавренко Е. М. 1950. Карта растительности Европейской части СССР, Пояснительный текст, М.—Л.
- Малеев В. П. 1948. Основные этапы развития растительности Средиземноморья и горных областей Юга СССР (Кавказа и Крыма) в четвертичный период, Тр. Гос. Никитского бот. сада, XXV, 1—2.
- Поплавская Г. И. 1925. К вопросу о характере верхней границы бука в Крыму. Ж-л русск. бот. общ., т. 10, в. 1—2.
- Попов М. Г. 1927. Основные черты истории развития флоры Средней Азии, Бюлл. Ср.-Аз. Гос. ун-та, в. 15.
- Попов М. Г. 1929. Дикие плодовые деревья и кустарники Средней Азии. Тр. по прикл. бот., сел. и ген., т. 22, в. 3, Л.
- Попов М. Г. 1950. О применении ботанико-географического метода в систематике растений, Проблемы ботаники, 1, М.—Л.
- Привалова Л. А. 1954. О флоре восточной части Крымского нагорья. Бюлл. Моск. общ. исп. прир., т. IX (6).
- Талиев В. И. 1908. О растительности Крымской яйлы, Харьков.
- Троицкий Н. А. 1948. Итоги и дальнейшие задачи научно-исследовательских и опытных работ на Крымской яйле, Тр. Гос. Никитского бот. сада, XXV, 1—2.
- Троицкий Н. Д. 1929. Дубовые леса Крымского Гос. Заповедника (*Quercetum sessiliflorae*), Тр. по изучению заповедников, 10.
- Чернова Н. М. 1951. Растительный покров западных яйл и их хозяйственное использование, Тр. Гос. Никитского бот. сада, XXV, 3.
- Dubois de Montpereux F. 1843. Voyage autour du Caucase... et la Crimée, Paris.

П. М. ХРИСТЮК

ЗАМЕТКИ О СЪЕДОБНЫХ И ЯДОВИТЫХ ГРИБАХ КРЫМА

II

Настоящая статья является вторым сообщением о съедобных и ядовитых грибах Крыма¹.

В 1954—1955 гг. нами были проведены очередные исследования грибной флоры крымских лесов. Во время этих исследований впервые выявлены съедобные грибы, относящиеся к классу сумчатых, семейству сморчковых (*Helvellaceae*), а из класса базидиальных — к семействам ежевиковых (*Hydnaceae*) и ложнодождевиковых (*Sclerodermataceae*²). В других семействах выявлен также ряд видов, ранее неизвестных для Крыма. Описанию этих видов посвящена настоящая статья³.

Сем. Сморчковые — *Helvellaceae*.

1. **Сморчок настоящий** — *Morchella esculenta* (L.) Pers. Шляпка яйцевидная, охряно-буроватая, с округлыми и многоугольными ячейками, внутри полая, 3,5—6 см ширины. Ножка цилиндрическая или внизу немного расширенная, беловатая, полая, 3—5 см длины. Споры бесцветные, эллиптические, 17,6—21,6 м длины, 9,5—12,4 м ширины.

Растет в лиственных лесах горной части Крыма (в Крымском государственном заповеднике). Имеются непроверенные сведения о произрастании его в кустарниках в пойме р. Салгира близ Симферополя.

Съедобен в хорошо проваренном и сушеном виде.

В противоположность другим съедобным грибам Крыма, плодовые тела сморчка развиваются ранней весной.

Сем. Рогатиковые или Булавницевые — *Clavariaceae*.

2. **Рогатик гроздевой** — *Clavaria botrytis* Pers. Плодовое тело ветвистое, 6—7,5 см вышины, 3—3,5 см ширины, белое; ветвления скученные, на концах зубчатые, розоватые. Мякоть плотная, белая. Ножка

¹ См. «Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР», вып. 3, 1954, стр. 51—56.

² В настоящей статье, как и в предыдущей, применяется деление грибов на семейства, принятое Б. П. Васильковым (2).

³ Все наши сборы по грибам, послужившие материалом для описаний, хранятся в кафедре ботаники Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина.

2—2,3 см длины, 2—2,5 см ширины. Споры продолговато-эллиптические, 10,8—11,5 μ длины, 5,4—5,9 μ ширины.

Растет в лиственных лесах. В молодом состоянии съедобен.

Сем. Ежевиковые — Hydnaceae.

3. **Ежевик коралловидный** — *Hydnum coralloides* Scop. Плодовое тело коралловидно ветвистое, светло-желтое. Мякоть плотная с слегка заметной горечью, белая. Шипики 0,8—1,3 см длины. Споры бесцветные, гладкие, почти шаровидные, 4—5,4 μ ширины.

Встречается на полуразрушенных стволах и пнях лиственных деревьев в горной части Крыма. Молодой гриб съедобен.

4. **Ежевик желтый** — *Hydnum repandum* L. Шляпка неровная, волнистая, светло-желтая, 3,8—6 см в диаметре. Мякоть плотная, белая, при изломе слегка желтеющая, горькая. Шипики беловатые, потом светло-желтые, ломкие, конусовидные, 1—2 мм длины. Ножка беловатая, 3,5—4,5 см длины, 1,8—2,7 см ширины. Споры бесцветные, гладкие, почти шаровидные, 7,3—8,1 μ ширины.

Произрастает в лиственных лесах предгорной части Крыма. Молодой съедобен.

Сем. Трубочатые — Boletaceae.

5. **Осиновик (подосиновик) желто-бурый** — *Boletus (Krombholzia) versipellis* Fr. var. *rufescens* (Secr.) Vassilkov. Шляпка выпуклая, позже плоско-выпуклая, 4—10 см в диаметре, гладкая, желто-бурая. Мякоть плотная, белая, при изломе слегка розовеющая. Спороносящие трубочки длинные, сероватые, с мелкими округлыми отверстиями, чаще свободные от ножки. Ножка плотная, цилиндрическая, 7—8 см длины, 2,2—3 см ширины, белая, с темно-бурыми или почти черными чешуйками. Споры продолговатые, светло-коричневые, 13,5—18,2 μ длины, 4—5,4 μ ширины.

Растет в лиственных лесах, преимущественно с примесью осины, в горной части Крыма, местами довольно обильно. Съедобен.

6. **Березовик (подберезовик) обыкновенный** — *Boletus (Krombholzia) scaber* Bull. v. *scaber* Vassilkov. Шляпка выпуклая, 4,5—9 см в диаметре, гладкая, коричневая или коричневато-бурая. Мякоть плотная, белая, при изломе не меняющая цвета. Спороносящие трубочки длинные, сероватые, с мелкими округлыми отверстиями, в зрелом состоянии свободные от ножки. Ножка плотная, в верхней части немного суженная, 8—11 см длины, 1,2—2,3 см ширины, белая, с мелкими (более мелкими, чем у подосиновика) чешуйками. Споры продолговатые, светло-коричневые, 12,2—18,9 μ длины, 4,6—6,2 μ ширины.

Произрастает в лиственных лесах предгорной и горной части Крыма. Съедобен.

Характерный для березовых лесов равнинной части СССР, этот гриб местами произрастает в лесах Крыма, несмотря на отсутствие в них березы.

7. **Белый гриб, боровик** — *Boletus (Tubiporus) edulis* Bull. Шляпка выпуклая, позже плоско-выпуклая, 4,5—8 см в диаметре, сухая, гладкая, иногда слегка бархатистая, бурая или светло-коричневая. Мякоть плотная, белая, при изломе не меняющая цвета, с приятным запахом. Трубочки у молодого гриба белые, позже желтоватые и желтовато-зеленоватые, с мелкими округлыми отверстиями. Ножка плотная, клубневидная или бочонковидная, 6—9 см длины, 3—4,5 см ширины, светло-буроватая, в верх-

ней части с белым сетчатым узором. Споры продолговатые, светло-коричневые, 13—16,2 μ длины, 4—5,4 μ ширины.

Встречается местами в лесах предгорной и горной частей Крыма. Съедобен.

8. **Полубелый гриб** — *Boletus (Tubiporus) impolitus* Fr. Шляпка выпуклая, затем плоско-выпуклая, 6—7 см в диаметре, слегка бархатистая, желто-коричневая. Мякоть плотная, светло-желтоватая. Трубочки молодого гриба желтые, позже зеленовато-желтые. Ножка желтая, в нижней части утолщенная и слегка красноватая. Споры продолговатые, буроватые, 10,8—12,2 μ длины, 4—5,4 μ ширины.

Растет в лиственных лесах горной части Крыма. Съедобен.

9. **Дубовик** — *Boletus (Tubiporus) luridus* Schäff. Шляпка выпуклая, потом плоско-выпуклая, 4,5—16 см в диаметре, темно-бурая или желто-бурая. Мякоть светло-желтая, при изломе синеющая. Спороносящие трубочки длинные, свободные, желтые, с мелкими округлыми красными отверстиями. Ножка в нижней части утолщенная, 5,5—7 см длины, 2,5—3,5 см ширины, красноватая, с удлинено-петлевым сетчатым узором. Споры светло-бурые, 12,2—14,9 μ длины, 5,4—6,8 μ ширины.

Растет в лиственных, преимущественно дубовых лесах предгорной и горной части Крыма. В Западной Европе считается подозрительным на ядовитость; в средней полосе Европейской части СССР вполне съедобен.

Сходный с дубовиком «сатанинский гриб» — *Boletus (Tubiporus) satanas* Lepz, неизвестный из равнинной части СССР, но распространенный в Западной Европе, считается чрезвычайно ядовитым. От дубовика он отличается более светлой шляпкой, округлыми, а не удлинёнными петлями узора на ножке и беловатой мякотью. Ввиду возможности произрастания этого гриба в Крыму (нами были найдены экземпляры, сходные как с ним, так и с дубовиком) следует воздерживаться от применения в пищу грибов, синеющих при изломе.

10. **Моховик зеленый** — *Boletus (Xerocomus) subtomentosus* L. Шляпка выпуклая, 7 — 9,5 см в диаметре, сухая, бархатистая, оливково-коричневая, при изломе слегка синеющая. Трубочки длинные, 0,8—1,2 см длины, приросшие к ножке, сернисто-желтые, позже с зеленоватым оттенком, с угловатыми, сравнительно крупными отверстиями. Ножка светло-желтая, иногда в нижней части немного красноватая, 5,5 — 9 см длины, 1,4 — 1,7 см ширины. Споры продолговатые, желтоватые, 10,8 — 13,5 μ длины, 4—4,6 μ ширины.

Растет в горных лесах Крыма. Съедобен.

Сем. Пластинчатые — Agaricaceae

11. **Навозник серый** — *Coprinus atramentarius* (Bull.) Fr. Шляпка молодого гриба яйцевидная, после колокольчатая, 4,5 — 6 см ширины, серая, слегка пушистая, в средней части с мелкими буроватыми чешуйками. Мякоть беловатая, при изломе немного темнеющая. Пластинки свободные, сравнительно широкие, вначале беловатые, после черные. Ножка 9 — 11 см длины, 0,8 — 1,2 см ширины, в нижней части слегка буроватая, в верхней — белая, тонко чешуйчатая, с исчезающим кольцом, оставляющим в нижней части след в виде хорошо заметного валика. Споры светло-коричневые, гладкие, эллиптические, 8,1—9,5 μ длины, 5,4 — 6,1 μ ширины.

Встречается в предгорной части Крыма в садах и парках около лиственных деревьев, особенно около тополей. В самом молодом возрасте съедобен.

12. **Груздь дубовый** — *Lactarius insulsus* Fr. Шляпка желтоватая,

плоско-выпуклая, затем воронковидная, 6,5—16 см в диаметре, с заметными или иногда с едва заметными концентрическими полосками, с завернутым краем. Мякоть белая. Млечный сок белый, едкий, не изменяющийся на воздухе. Пластинки нисходящие, беловато-кремовые. Ножка короткая, 4,5—5,5 см длины, 2—3 см ширины, толстая, беловатая, почти всегда со светло-желтыми углублениями, сперва плотная, потом полая. Споры светло-желтые, шиповатые, 7,6 — 8,6 μ длины, 6,2 — 6,8 μ ширины.

Растет в лиственных лесах предгорной и горной частей Крыма, местами довольно обилен. Съедобен.

В лесах Крыма встречаются также и другие виды груздей, нуждающиеся в уточнении их видовой принадлежности.

13. Рыжик сосновый — *Lactarius deliciosus* Fr. v. *pini* Vassilkov. Шляпка плоско-выпуклая с загнутым краем, потом воронковидная, 4,5—16 см в диаметре, рыжая, с концентрическими полосами. Мякоть оранжевая, при изломе слегка зеленеющая. Млечный сок оранжевый, слегка едкий, иногда почти не едкий. Пластинки немного нисходящие, желто-оранжевые, при надавливании зеленеющие. Ножка немного светлее шляпки, полая, 2—5,5 см длины, 1,3—1,8 см ширины. Споры светло-желтоватые, шиповатые, 8,1—9,5 μ длины, 6,8—8,1 μ ширины.

Растет в сосновых лесах на территории Крымского государственного заповедника и в других местностях горной части Крыма. Съедобен.

14. Валуи — *Russula foetens* (Pers.) Fr. Шляпка молодого гриба почти шаровидная, впоследствии почти плоская, посредине немного вдавленная, слизистая, охристо-буроватая, с рубчатым, часто со значительными трещинами краем, 6,5—11 см в диаметре. Мякоть белая, позже несколько охристая, едкая, большею частью с неприятным запахом. Пластинки приросшие, светло-желтые. Ножка беловатая, немного вздутая, полая, 4,5 — 9,5 см длины, 1,7—2,8 см ширины. Споры бесцветные, шиповатые, почти округлые, 8,1—9,5 μ длины, 8,1—8,9 μ ширины.

Произрастает в лиственных лесах предгорной и горной частей Крыма. Несмотря на неприятный запах, считается съедобным.

15. Сыроежка золотисто-желтая — *Russula lutea* Fr. Шляпка плоская, желтая, 3—4,5 см в диаметре. Мякоть белая, не едкая. Пластинки одинаковой длины, кремовато-желтые, разветвленные. Ножка рыхлая, ровная, белая. Споры светло-желтые, 8,1 — 10,8 μ длины, 7,8—8,6 μ ширины.

Встречается в лиственных лесах предгорий Крыма. Съедобен.

16. Сыроежка зеленоватая — *Russula virescens* (Schäff.) Fr. Шляпка плоско-выпуклая, потом почти плоская, иногда посредине слегка вдавленная, 6,5—9 см в диаметре, сухая, слегка шероховатая, зеленая. Мякоть белая, не едкая. Пластинки приросшие к ножке, белые. Ножка плотная, белая, 4,5—6,5 см длины, 1,7—2,3 см ширины. Споры округлые, светло-охряные, иногда почти бесцветные, мелкобородавчатые, 6,8—8,1 μ в диаметре.

Растет в горных лиственных преимущественно дубовых лесах. Съедобен.

Встречаются и другие виды сыроежек, которые не приводятся здесь, так как требуют более точного определения.

17. Вешенка обыкновенная — *Pleurotus ostreatus* (Jacq.) Fr. Шляпка эксцентрическая, слегка вдавленная, 5,5—7 см в диаметре, коричневая. Мякоть плотная, белая. Пластинки редкие, нисходящие, белые. Ножка плотная, короткая, у основания пушистая. Споры бесцветные, цилиндрические, 8,1—10,8 μ длины, 3,5—4 μ ширины.

Произрастает в лиственных лесах горного Крыма (на территории

Крымского государственного заповедника), на упавших разлагающихся стволах деревьев, на старых пнях. Съедобен.

18. **Рядовка фиолетовая** — *Tricholoma nudum* (Bull.) Quél. Шляпка выпуклая, после плоско-выпуклая, с завернутым краем, плотная, 5—9,5 см в диаметре, в молодом состоянии светло-фиолетовая, после буровато-фиолетовая, под конец выцветающая. Мякоть белая. Пластинки вначале фиолетовые, позже коричневые. Ножка плотная, в нижней части слегка утолщенная, светло-фиолетовая, под конец светло-бурая. Споры светло-коричневые, яйцевидно-эллиптические, 8,1—9,5 м длины, 4,9—5,4 м ширины.

В лиственных лесах предгорной части Крыма. Съедобен.

19. **Опенок летний** — *Pholiota mutabilis* (Schäff.) Quél. Шляпка выпуклая, затем плоско-выпуклая, в средней части с бугорком, 3,5—5,2 см в диаметре, бархатистая, буро-коричневая. Мякоть белая. Пластинки, приросшие к ножке, бледные, затем коричневые. Ножка тонкая, 6—8 см длины, 0,8—1,3 см ширины, в нижней части немного суженная, плотная, буро-коричневая, волокнистая, с кольцом, иногда исчезающим. Споры яйцевидно-эллиптические, охристые, 6,8—8,1 м длины, 4—4,6 м ширины.

Растет в лиственных лесах горного Крыма, преимущественно в Крымском заповеднике, на упавших гнилых стволах деревьев, на разрушающихся пнях, группами. Съедобен.

В 1955 г. в кафедру ботаники Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина были присланы для экспертизы остатки грибного кушанья, послужившего в Симферополе причиной смертельного отравления. Эти грибы оказались принадлежащими к весьма ядовитому роду энтолома (*Entoloma*). Нами в лесах Крыма этот род покамест не обнаружен, но данный случай заставляет подозревать его произрастание. Поэтому считаем необходимым дать краткое описание, по Б. П. Василькову (2), вида *Entoloma lividum* Quél., произрастающего, по некоторым данным, в лесных областях Украины.

Шляпка 7—12 см, выпуклая, позже плоская, иногда с бугром посередине, неровно волнистая, сперва гладкая, беловатая, потом волокнисто-полосатая, желтоватая, телесного цвета, до охристой. Пластинки сперва желтовато-белые, потом розовые. Ножка 4—10 см длины и 1—2 см ширины, толстая, волокнистая, белая или телесного цвета, при давлении — бледно-буроватая. Мякоть белая, со слабым мучным запахом. Споры 10—11 м дл., 8—9 м шир., угловатые, в массе розовые. Встречается в широколиственных лесах.

Сем. Ложнодождевиковые — Sclerodermataceae

20. **Ложнодождевик обыкновенный** — *Scleroderma aurantium* (Vail.) Pers. Плодовое тело клубневидное, 2,8—3,2 см в диаметре, внутренняя часть его фиолетово-черная, с белыми жилками; оболочка плотная, буроватая, с мелкими чешуйками. Споры шаровидные, коричневые, бородавчатые, 8,1—9,5 м в диаметре.

Растет в лиственных лесах и по обочинам дорог в предгорной части Крыма. Не применяется в пищу из-за жесткости.

Описанный в предыдущей нашей статье (6) дождевик-великан *Globaria bovista* (L.) Quél найден в 1955 г. близ села Краснолесье в виде поистине гигантских экземпляров, достигавших в высоту до 34 см и в ширину до 32 см.

Таким образом, в флоре съедобных и ядовитых грибов Крыма в настоящее время насчитывается уже 40 точно определенных видов. Несомненно,

менно, дальнейшие исследования и уточнение видовой принадлежности имеющихся еще не определенных сборов увеличат число видов лесной грибной флоры Крыма, которое следует считать, по всей вероятности, равным не менее 50.

При сравнении грибной флоры Крыма и других областей и краев Советского Союза флора высших грибов представляется довольно богатой, особенно если принять во внимание незначительность лесной площади Крымской области. Так, на гораздо большей площади Приморского края на Дальнем Востоке, по данным Л. Н. Васильевой (1), известно 47 видов; во всей средней полосе Европейской части СССР на неизмеримо больших пространствах ее лесов Б. П. Васильковым производятся 174 вида (2).

Существовавшее ранее мнение о бедности грибной флоры Крыма и об отсутствии в Крыму большей части ценных съедобных грибов, известных для равнинных лесов СССР, можно считать опровергнутым после точного установления произрастания в Крыму белых грибов (боровиков), рыжиков, груздей, сморчков и других ценных видов. Из обычных для средней полосы и севера СССР съедобных грибов в Крыму, видимо, действительно редка или отсутствует волнушка — *Lactarius torminosus* (Schäff.) Fr., а из ядовитых — красный мухомор — *Amanita muscaria* (L.) Quél., до настоящего времени в Крыму не найденные.

Лето 1955 г. в Крыму было особенно влажное, что благоприятствовало произрастанию грибов. Поэтому грибной рынок Крыма пополнился в 1955 г., сравнительно с предыдущими годами, некоторыми видами грибов, но все же нельзя было его назвать богатым: кроме обычных в прошлые годы видов, было много рыжиков, особенно осенью; обильны были также масленки, шампиньоны, опенки и «горный белый гриб» — *Clitocybe gigantea* (Fr.) Quél¹. Последний вид, отличающийся большими вкусовыми достоинствами, но не встречающийся в равнинных лесах СССР, придает своеобразие грибному рынку Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Л. Н. Съедобные грибы Приморского края, Владивосток, 1951.
2. Васильков Б. П. Съедобные и ядовитые грибы средней полосы Европейской части СССР, М. — Л., 1948.
3. Васильков Б. П. Изучение шляпочных грибов в СССР, М. — Л., 1953.
4. Васильков Б. П. Опыт изучения вида у шляпочных грибов на примере осиновика *Krombholzia aurantiaca* (Roque) Gilib., Бот. журн., т. XXXIX, № 5, 1954.
5. Лебедева Л. А. Определитель шляпочных грибов, М. — Л., 1949.
6. Христюк П. М. Заметки о съедобных и ядовитых грибах Крыма, Изв. Крым. отд. Геогр. о-ва СССР, вып. 3, 1954.
7. Ячевский А. А. Определитель грибов, том 1. Совершенные грибы, СПб, 1913.

¹ Этот гриб в предыдущей статье был приведен нами (6) под именем *Clitocybe candida* Bres.; по разъяснению Б. П. Василькова (в частном его письме) его следует именовать *Clitocybe gigantea* (Fr.) Quél., относя название *Clitocybe candida* Bres. к синонимам.

Р А З Д Е Л 3

В О П Р О С Ы ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ

С. А. КОВАЛЕВСКИЙ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РУССКОЙ РАВНИНЫ¹

(География Аргонавтики)

«Поход аргонавтов» — один из сюжетов гомеровских сказаний — для землеописателей ранней Греции долгое время являлся богатым источником их сведений по географии мира. Древнейшие греческие карты Земли в трактовке вопросов, касавшихся дальних окраин Европы, в значительной мере исходили из географических описаний Аргонавтики.

После мифического творца сказаний об аргонавтах — Гомера — первым реальным географом архаической Греции следует признать милетского логографа Гекатея, бывшего современником персидского царя Дария I (VI—V вв. до н. э.). Географом Агафимером (IV—III вв. до н. э.) за многочисленные и далекие путешествия с географическими целями Гекатей был прозван «многостранствовавшим». Гекатей был учеником известного милетского философа Анаксимандра, считавшегося в Греции первым составителем карты Земли, которую «многостранствовавший» географ переработал, заслужив этим в античном мире высокую славу.

Составленное Гекатеем «Землеописание» до нас не дошло и известно лишь по отрывкам и ссылкам позднейших писателей. Не дошла до нас и его карта, по сообщению Геродота, выгравированная на меди. В наше время неоднократно делались попытки восстановить «карту Земли» Гекатея Милетского по сохранившимся отрывкам из его «Землеописания» и на основе общих географических представлений древней Греции. На рис. 1 приводится карта Гекатея в реконструкции немецкого географа Зиглина.

По учению древнейшей греческой школы — милетской, мир уподоблялся овальному диску, на котором обитаемая земля — Ойкумена, окруженная «тихотекущей, глубокой, всемирной рекой Океан», представлялась большим островом, разделенным на более мелкие части «водами Тетис». Из трех наиболее крупных частей — материков — северная часть отвечала Европе, юго-восточная — Азии и юго-западная — Ливии (Африке). Материки отделялись один от другого морями и проливами, которые обозначались как реки, так как в те времена все географы, по замечанию Эратосфена, «разделяли материки реками... представляя их островами» (5, кн. 1, стр. 4,7). Таких рек, рожденных божественным чревом «Матери воды» — Тетис «Отцу» их — Океану, греки насчитывали

¹ Публикуется в дискуссионном порядке.

месте Маныча и сбрасывавшим избыточные воды Каспия через Меотиду в Понт. В отличие от пролива Нила пролив Фасис во времена Гекатея Милетского еще продолжал существовать. Следовательно, Фасисом в дни Гекатея назывался не Рион, а Маныч. Понт находился в центре гомеровского мира, поэтому совершенно непозволительно думать, что ближайшие к гомеровским временам греческие географы не знали элементарной географии восточных берегов Понта и допускали возможность водного прохода через Кавказ по Риону в Каспий.

Фасис, как мы знаем, был священной рекой колхов. «А называется она так, — писал Евстафий Фессалоникийский, — от Фасиса, сыном которого, по преданию, был Колх» (4, стр. 204). В древнейшие времена приморскому народу колхам принадлежали побережья Понта, Меотиды и, очевидно, Маныча-Фасиса, путь по которому они контролировали.

О Фасисе кавказском из античных источников сохранились следующие данные. Древнейший Фасис, упоминаемый в самых ранних литературных памятниках Греции — в «Родословной богов» Гесиода и в «Схолиях к победным одам Пиндара», характеризуется как «богатый водоворотами» (4, стр. 317, 332), а Эсхил и Софокл называют его «священным», причем последний именует его «величайшей рекой Азии» (4, стр. 335, 342). «Фасис — река в Скифии; дующие на нем ветры чрезвычайно холодны», — замечают «Схолии» к Эсхилу (4, стр. 333). В то же время колхидский Фасис-Рион, по Гиппократу, «тише всех других рек и течет едва заметно» (4, стр. 59). Говорить о ветрах, а тем более о «чрезвычайно холодных», какими зимой характеризуется Маныч, в отношении колхидских субтропиков не приходится. Ясно, что древнейший — «скифский Фасис», с которым связаны сказания о «Золотом руне» и «Аргонавтах», не то же самое, что более поздний Фасис Колхиды.

Из сохранившихся у древних авторов отрывков из Гекатея упоминание его о Фасисе дошло до нас только в «Схолиях» к Аполлониеву походу аргонавтов, т. е. в древних примечаниях к поэме Аполлония Родосского — автора III в. до н. э. В «Схолиях» к рассказу об обратном пути аргонавтов отмечается, что, по Гекатею Милетскому, «они из Фасида проплыли в Океан» и что «Фасид не впадает в море» (4, стр. 434, 435).

Здесь должно быть очевидным, что под «Океаном» Гекатей подразумевает «Каспийский залив» того «Океана», из которого вытекал Фасис-Маныч, впадавший в «озеро Меотиду»; морем же Гекатей обозначал Понт, или Черное море, в которое Фасис-Маныч, действительно, впадать не мог.

Отмеченные места из Гекатея, вполне удовлетворительно объяснимые, если признать его Фасис за Манычский пролив, становятся совершенно непонятными при толковании Фасиса как Риона.

Приведем еще один довод в пользу признания древнейшего Фасиса за Маныч. В древнегреческой литературе сохранился следующий приписываемый Плутарху рассказ, посвященный Фасису. На берегу Фасиса якобы существовало место казни прелюбодеев, носившее название «Уста нечестивых» — омут, в который сбрасывались зашитые в кожу тела осужденных. «Уста нечестивых, — рассказывает Плутарх, — это отверстие круглой формы, похожее на колодезь; спустя 30 дней оно выбрасывает брошенное в море тело, полное червей, в Меотийское озеро» (4, стр. 500, 501). Ясно, что казненный сталкивался не в колодезь на берегу колхидского Риона с тем, чтобы, минуя Черное море, вынырнуть через 30 дней в Меотийском озере, но сбрасывался в существовавший тогда водоворот Маныча, поглощался им и течением уносился в Меотиду, в которую впадал Маныч.

О том, как проникли аргонавты в Океан-Каспий, «Схолии» к Апол-

лониевой аргонавтике отмечают: «Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису» (4, стр. 435). Словом, Фасис у авторов архаической Греции — не Рион, но Манычский пролив, по которому стекали тогда из «Крайнего залива Океана» — Каспия его избыточные последледниковые воды в Меотийское озеро.

Из той формы упоминания о Фасисе, которая сохранилась в связи с именем Гекатея, можно заключить, что он доказывал кому-то из своих современников неправильность отнесения Фасиса аргонавтов к Понту, так как, возможно, уже в его времена имя Фасис начало применяться к Риону и переставало употребляться в отношении Маныча. Это могло произойти в связи с перенесением центра царства колхов с Маныча на Рион.

Следует помнить, что Гесиод и Гекатей, связывающие Фасис с Манычем, — авторы VIII и VI вв. до н. э., события же, отразившиеся в походе аргонавтов, восходят ко второму тысячелетию до н. э. Между тем в VII в., как утверждает Геродот, подошли к Манычу, следуя из-за Аракса, скифы-кочевники, изменившие всю политическую обстановку и экономическую жизнь, существовавшие в этих местах до их прихода (1, кн. IV, стр. 11). Вполне возможно, что и колхи, подобно киммерийцам, ухившимся, по словам Геродота, со своих мест с приближением скифов-кочевников, также покинули Маныч, переставший служить торговому мореплаванию, и перенесли свой центр к Риону.

С появлением скифов в южнорусских степях совпадает появление в районе Маныча имени Танаис. Гесиоду в VIII в. до н. э. это имя еще неизвестно. Максим Тирский говорит, что так называлось божество массагетов, по Геродоту поклонявшихся солнцу (4, стр. 591). По-видимому, наиболее ранним местом в Скифии, откуда со временем распространилось на запад название Танаис, были земли современной Северной Осетии, где имя солнечного бога Танаис или Дон присваивалось всем рекам. Наиболее популярным в античной географии из осетинских танаисов был Терек, или по-местному Ар-Дон (и Рес-Дон). Позднейших географов, видевших в Танаисе лишь наш Тихий Дон, он не раз смущал своими истоками, которые, как писал географ I века Дионисий, — «журчат в Кавказских горах», или, как сообщал в VII в. н. э. Феофан Византийский, — «в Иберийском проходе».

Воды Маныча также не избежали посвящения их богу Танаису, причем первоначально это наименование пролива могло относиться лишь к его восточной части, непосредственно примыкающей к нынешним осетинским землям. Судя по замечанию Гекатея, что «Фасис не впадает в море» (т. е. в Черное море) и что аргонавты плыли «не по Танаису», следует думать, что в географической литературе времен Гекатея уже существовала тенденция распространить имя Танаис на весь Манычский пролив, а имя Фасис перенести на Рион, и что замечание Гекатея стремится придать географической ситуации аргонавтики ее первичный характер.

В повествовании о плавании аргонавтов Гекатей, судя по «Схолиям», сообщает, что они «из Фасиса проплыли в Океан, затем оттуда в Нил, отсюда в Наше море» (4, стр. 434). Как понимать эти слова? Фасис Гекатея, как уже неоднократно указывалось выше, соответствовал Манычскому проливу, по которому воды Каспия, тогда еще бывшие избыточными и более пресными (еще не исчерпались последледниковые запасы), вливались в Азовское море, значительно опресняя его. Это давало основание древним географам называть его озером, хотя по размерам Геродот считал его не меньшим Понта. Оно во всяком случае значительно превосходит Пропонтиду (Мраморное море), которую никому из древних географов не приходило в голову назвать озером.

Из пролива Фасиса-Маныча аргонавты должны были попасть в Каспийское море, которое, как мы знаем, древние географы считали «Крайним заливом Океана». Далее к северу из Каспия мыслим только один путь — водами Волги. По Гекатею же, аргонавты из Океана-Каспия к северу поплыли по водам, которые он именует Нилом. Чтобы понять эту своеобразную с нашей точки зрения географию Гекатея, мы должны перенестись к тем временам, к которым восходит рассказ о плавании аргонавтов к колхам.

Геродот, повествуя о происхождении колхов, утверждает, что они — выходцы из Египта, попавшие на Фасис во время похода в Скифию фараона Сесостриса в начале II тысячелетия до н. э. Геродот пишет: «Так прошел (Сесострис — С. К.) материк, пока не покорил скифов и фракийцев, перешедши из Азии в Европу. Отсюда он повернул назад и прибыл к реке Фасису (Манычу — С. К.); я не могу сказать с точностью, сам ли Сесострис, отделив некоторую часть своего войска, оставил там для заселения страны, или же некоторые из его воинов, недовольные его странствованиями, остались на реке Фасисе» (1, кн. II, стр. 103).

Об этом же событии Аполлоний Родосский повествует несколько иначе, исходя, по-видимому, из других источников: «Оттуда (из Египта — С. К.) говорят, некто (Сесострис — С. К.) обошел кругом всю Европу и Азию, уверенный в силе, могуществе и смелости своего народа; при своем нашествии он населил бесчисленные города, из коих одни доселе существуют, другие уже нет, ибо с тех пор прошло уже очень много времени. Эя еще и ныне стоит твердо, и в ней живут потомки тех людей, которых он поселил жить в Эе; они сохранили сделанные на досках записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников» (4, стр. 422).

Приведенные отрывки свидетельствуют, что еще в глубокой древности египетские военные экспедиции распространялись через Кавказ и Фасис-Манычский пролив в южнорусские степи, где возникали в связи с этим поселения, находившиеся под эгидой Египта.

Геродот этих поселенцев в районе Фасиса-Маныча называет «колхами» и характеризует их как темнокожих, курчавоволосых и верных завету обрезания, на основании чего галикарнасский историк склонен был признать их за потомков египтян (1, кн. II, стр. 105).

Были ли колхи выходцами из Египта или же коренными жителями этой области, лишь входившими некогда в орбиту Египта, — во всяком случае и то и другое положение дает нам основание ожидать здесь египетские наслоения. С названием Нил, упомянутым Гекатеем, в качестве дальнейших вод, по которым аргонавты из Океана-Каспия плыли к северу, у нас неразрывно связывается представление об Египте. Однако древние египтяне свою реку называли именем Этар и обожествляли ее в образе Хапи — бога-подателя жизни. Бог Нил, упомянутый в «Теогонии» Гесиода, в Египте появляется лишь в византийский период и служит объектом поклонения не только египтян, но также греков и римлян, что говорит о более широкой его природе.

В «Теогонии» Нил фигурирует в числе 25 рек-проливов, рожденных богинею Тетис от бога реки Океана. Поэтому бог реки Нил мог проникнуть в страну южнорусских степей не только с древней экспансией Египта, но, возможно, и иными путями. И если не сохранилось до нашего времени тех победных стел Сесостриса, о которых по пути следования египтян по Скифии и Фракии упоминает Геродот (1, кн. II, стр. 106), то все же к названию Гекатеем Волги именем «Нил» следует относиться не менее терпимо, чем к обозначению ее в «Географии» египтянина

Птолемея названием «Ра», тождественным имени верховного бога страны пирамид.

В Аргонавтике Аполлония Родосского имеется достаточно подробное описание плавания аргонавтов по Волге-Нилу. При пользовании сведениями из Аполлония для восстановления географии Гекатея следует иметь в виду, что оба эти лица отделены друг от друга тремя столетиями, принадлежащими к периоду бурной эволюции рассматриваемой территории, переходившей от послеледниковых форм к современным, — эволюции, часто значительно обгонявшей осведомленность ученых того времени.

Родосский поэт Аполлоний, следуя в этом за современным ему географом Тимагитом, именует воды Волги Истром. Под именем Истр в географии греков примерно уже с VII в. до н. э. обычно понимается Дунай, как это следует из сообщения римского грамматика II в. н. э. Элия Иродиана (4, стр. 576, 258). Однако, судя по тому, что в «Теогонии» Гесиода Истр упоминается в числе 25 имен детищ реки Океана рядом с Фасисом и Рисом (Ра?), позволительно в нем видеть какие-то европейские воды, относившиеся в древнейшей географии к проливам.

Если допустить, что употребленное в отношении Волги Гекатеем название Нил связано с этническим элементом, пришедшим из Египта, как это принимал Геродот, то употребленное Аполлонием в отношении Волги название Истр могло быть туземным или принадлежащим еще какой-нибудь другой этнической географии. Во всяком случае относить к географической неосведомленности древних авторов различных школ и времен такие явления, как именованье одной из крупнейших рек Ойкумены — Волги то Нилом, то Истром, то Ра, нельзя без риска оказаться самим в положении неосведомленных.

Об Истре «плавания аргонавтов» Аполлоний писал в Аргонавтике: «282. Есть некая река, Крайний рукав океана, широкая и глубокая даже для плавания на грузовом корабле. Ее далеко прославили под именем Истра. Сначала он один разрезывает широкую землю, ибо истоки его выше дыханья Борей шумят в Рипейских горах...

323. Когда колхи миновали... утес у Кавлика, у которого Истр разделяет свое русло и впадает в то и другое море, а также и Лаврийскую равнину, тогда, вышедши в Кронийское море, они повсюду отрезали пути, чтобы не скрылись от них аргонавты» (4, стр. 423).

Такое описание древней географии Волги под именем Истра дано Аполлонием Родосским, знавшим под этим именем только Дунай. По поводу этого надо заметить следующее.

1. Дунай никогда не относился к окраине Ойкумены, чтобы его именовать «Крайним рукавом Океана». Ведь остров Змеиный, лежащий против устья Дуная и называвшийся в древности Белым, считался вотчиной главного героя Илиады Ахилла; Тендровская коса в Каркинитском заливе носила название «Ахиллова бега», а у Меотиды лежала «Ахиллова деревня» с храмом героя (5, кн. VII, стр. 4—5). И только лишь за Меотидой начинался «Крайний залив Океана» — Каспий, к суженной приволжской части которого должно было относиться это определение — «Крайний рукав Океана».

2. «Истоки Истра выше дыханья Борей», или, по «Схолиям» к Аргонавтике, «Истр течет из земли гипорбореев» (4, стр. 434), т. е. с крайнего севера Ойкумены. Такое определение вполне подходит к Волге и совершенно не годится для Дуная, являющегося широтной рекой.

3. «Рипейские горы» — какие-то северные высоты древней географии, которые еще можно сопоставлять с Уралом, питающим Каму, но отнюдь не с Альпами, откуда в основном питается Дунай.

4. По поводу указания на разделение Истром своего русла у Кавлиакского утеса «Схолии» к Аргонавтике замечают: «многие пишут... вместо Кавлиакского — Кавказского» (4, стр. 436). Такое разделение русла в исторические времена и бифуркация для Дуная вещь совершенно невероятная. На Волге же она действительно имела место вплоть до средних веков н. э., что хорошо отражено в арабской географии, пришедшей на смену греческой. Упоминание о бифуркации Истра-Волги, встречаемое впервые у Аполлония Родосского (если только оно не является позднейшей вставкой), отмечает наиболее ранний момент значительных изменений, переживавшихся крупнейшей рекой Европы вплоть до средних веков.

5. Когда колхи миновали Лаврийскую равнину, — «тогда, вышедши в Кронийское море, они повсюду отрезали пути аргонавтам». Кронийское море — это воды Северо-Западной Европы. По Истру-Волге от кавлиакских, или кавказских, высот, пройдя Лаврийскую, или Русскую, равнину, можно выйти в Кронийские, или северо-западные, воды окружавшей Ойкумену реки Океана; пройти же туда по Истру-Дунаю теми же этапами — задача неразрешимая.

Все же Аполлоний Родосский, пользуясь географическими названиями из литературных источников древности и придерживаясь современной ему локализации этих названий, без всяких оснований направил аргонавтов по Дунаю, создав таким образом свою абсурдную географию и усилив этим и без того казавшуюся сказочной основу этого похода. Аргонавтика Аполлония — это лишь поэтическая попытка изложения гомеровского сказания, широко известного в Греции и являвшегося предметом рассмотрения многих древнейших ученых. Этим объясняется богатство и разнообразие посвященных сказанию об аргонавтах «схолий», то связанных с определенными лицами, то потерявших в глубине веков своих авторов.

Некоторые схолии упоминают о посещении аргонавтами Ливии, т. е. Африки. Так, в схолиях к поэме Аполлония Родосского указывается, что «Гесиод, Пиндар в «Пифиониках» и Антимах в «Лиде» говорят, что аргонавты по Океану прибыли в Ливию и, перенеся на плечах «Арго», очутились в «Нашем море» (4, стр. 434). То же встречаем и в схолиях Иоанна Цеця к поэме «Кассандра» александрийского грамматика III в. до н. э. Ликофрона. Аргонавты якобы «через Фасис вступили в Океан (Кронийский), раньше вне Океана в 12 дней перенеся «Арго» на плечах через Ливийскую пустыню» (4, стр. 404).

В этих схолиях, исходящих, очевидно, из различных источников, важным для нас является указание на перетаскивание «Арго» по суше, которое, по примечаниям к Ликофрону, длилось 12 дней.

Ливия, как участок маршрута аргонавтов после Океана, фигурирует у Гесиода, Пиндара, Антимаха и Ликофрона, конечно, по недоразумению, возникшему в силу того, что в распоряжении названных лиц, как и у Гекатея, были варианты сказаний, в которых Волга именовалась Нилом. Из пяти приведенных авторов только «многостранствовавший» географ из Милета писал, что аргонавты «из Фасида проплыли в Океан (Каспий), затем оттуда в Нил, отсюда в «Наше море», и не упоминал об Африке, так как это был Нил скифский (Волга), но не египетский, как это воспринимали менее эрудированные в географии Аргонавтики лица.

Перетаскать волоком 50-весельный корабль Арго через волжский водораздел за 12 суток — вещь вполне реальная, но за это время перетаскать его через Ливийскую пустыню мог только грамматик, державшийся буквы писания и не разбиравшийся в географии.

К этой же группе сообщений принадлежит и более поздний отрывок.

приводимый писателем V в. н. э. Ермием Соземеном: «С наступлением лета они (аргонавты) при помощи туземцев протащили «Арго» по земле посредством машин около 400 стадий и опустили на реку Аквил, впадающую в Иридан» (4, стр. 756). Появление других географических названий у Ермия Соземена, видимо, связано с латинскими источниками его информации.

Так, название реки Аквил напоминает слово «аквило», или «аквилон» — северный ветер, а также бога севера у латинян, каким у греков был Борей. В связи с этим реку Аквил можно понимать, как крайнюю реку на севере, которой достигли аргонавты. Иридан же — одна из 11 рек системы «Тетис — река Океан» «Теогонии» Гесиода. В рассказанном Овидием Насоном мифе о Фаэтоне, сыне Гелиоса, река Иридан фигурирует как окраина мира, куда упал Фаэтон с колесницы заходившего солнца. Поэтому Иридан, как пролив Океана, мог существовать только на крайней западной окраине Ойкумены. Впоследствии имя Иридан локализовалось на самой большой реке Балтики — Западной Двине.

Если географические названия, упоминаемые Соземеном, рассматривать, как относящиеся к системе реки Западной Двины, то получается замечательное соответствие действительным географическим масштабам. Истоки Западной Двины ныне отстоят от истоков Волги километрах в 20. Для корабля же размером на пятьдесят гребцов, каким в сказаниях изображается «Арго», возможно, что окончания проходимых участков этих рек отстояли друг от друга на 50—60 километров (400 стадий). Вполне понятно, что при таком расстоянии волок, как это указывается в сказании, мог занять 12 дней.

Вывод, к которому мы приходим из рассмотрения всех известных нам вариантов рассказа о походе аргонавтов, а именно, что маршрут их плавания, несмотря на кажущееся различие его географии, был во всех случаях один и тот же, принимается и сицилийским историком I в. до н. э. Диодором, много странствовавшим, подобно Гекатею Милетскому, а затем составившим сорокатомный географический труд под названием «Библиотека». Диодор пишет: «Немалое число как древних, так и позднейших писателей (между ними и Тимей) рассказывают, что, когда аргонавты после похищения руна узнали, что Эит своими кораблями занял устья Понта, то совершили удивительный и достопамятный подвиг: проплывши вверх по Танаису до его истоков и перетащивши в одном месте корабль по суше, они уже по другой реке, впадающей в Океан, спустились к морю и проплыли от севера к западу, имея сушу по левую руку; очутившись недалеко от Гадир, они вступили в «Наше море» (4, стр. 468, 469).

«Немалое число» лиц, прошедших перед очами хорошо разбиравшегося в современной ему географии сицилийского историка, не привели его к ложному пониманию маршрута Арго, вроде допускавшегося грамматиками и поэтами заезда его в Ливию. Диодор Сицилийский определенно направляет аргонавтов через Лаврийскую, или нынешнюю Русскую, равнину на северо-запад Европы.

«Устьями Понта», оказавшимися запертыми кораблями Эита, Диодор называет выходы из Меотиды в Понт. Таких выходов во времена сицилийского историка, по-видимому, существовало два — Керченский пролив и Перекопский канал, ныне представляющий собою сухой ров через перешеек. От Меотиды начинался Манычский пролив, уже не существовавший во времена Диодора. Во времена же аргонавтов он являлся открытым водным путем, воспользовавшись которым беглецы, стремившиеся избежать запертых колхами проходов, достигли севера Ойку-

мены, там нашли волок, давший им возможность перебраться в Северное море и из него вокруг Западной Европы вернуться к себе в Средиземное море.

Под именем Танаиса во времена Диодора уже понимался только наш Тихий Дон, и его, вероятно, имел в виду сицилийский ученый, когда встречал это имя у древних писателей, хотя в разное время различные античные авторы называли Танаисом также то Маныч, то Волгу, очевидно, в зависимости от того, как ту или иную водную артерию именовало тогда обитавшее на ее берегах население.

К началу III в. до н. э. в бассейне Каспийского моря истощились последенниковые водные запасы, поднимавшие его уровень до Манычского порога и поддерживавшие существование реки-пролива, по которому шел сброс избыточных для ванны Каспия вод через Азовское море в Черное, подобно тому как ныне Нева сбрасывает избыточные воды Ладожского и Онежского озер в Балтийское море. После спада каспийских вод и исчезновения реки-пролива на его месте образовалось болото, также нашедшее себе место в географической литературе древности: в приазовской части оно именовалось Меотийским болотом (в отличие от Меотийского озера — Азовского моря), а в прикаспийской — болотом Гелонским. Имя же Танаис наследовал младший собрат Маныча — Тихий Дон, донесший это имя до нашего времени.

Диодор Сицилийский название Танаис берет, конечно, из источников достаточно древних (например, упоминаемый им Тимей — сицилийский историк IV—III вв. до н. э.), трактует же его в духе своего времени как наш Дон, заставляя, таким образом, аргонавтов плыть от «устьев Понта» сразу вверх по реке Танаису до ее истоков, где аргонавты встречаются не озеро, о котором говорили в V в. Геродот и в IV — Ефор, но волок по суше.

Дальнейший путь аргонавтов после волока в реку системы Балтийского моря и выхода в Океан в описании Диодора Сицилийского не оставляет каких-либо мест для различного толкования этого замечательного маршрута. Историк совершенно ясно говорит об их плавании из Балтики в южном направлении, когда Западная Европа все время лежит по левую руку. Около Гадира, или современного Кадикса, «Арго» проходит Гибралтар и вступает в Средиземное — «Наше море», без каких-либо заездов в Ливию, куда тянули его те авторы комментариев, которые, пользуясь древними источниками, восстанавливали события далекого прошлого на современной комментаторам географической основе в свете представлений их времени.

Сказание о походе аргонавтов привлекало к себе внимание греческих авторов (а позже и римских) с древнейших времен на протяжении многих столетий. При этом мы видели, как в течение веков развивалась дискуссия о том, какие воды и страны посетил «Арго» на своем пути от устья Фасиса до «Нашего моря». В этой дискуссии, судя по схолиям, намечаются определенные этапы.

Наиболее ранние авторы, начиная с Гесиода, утверждают, что аргонавты от Эи колхидской направились по Фасису, а более поздние, как, например, Диодор Сицилийский, считали, что они сразу из «устьев Понта» вступили в Танаис. Помимо того, часть писателей, подобно Гекатею, после Фасиса отмечала плавание по Нилу, другая же часть, как Аполлоний и Тимагит (III в. до н. э.), вместо Нила упоминала Истр, и, наконец, некоторые (Скимн Хиосский, I в. до н. э.) после Фасиса ставили Танаис.

Совершенно очевидно, что вся эта дискуссия с ее вариациями возникла в греческом ученом мире не в силу того, что география сказания об аргонавтах давала повод к таким разногласиям или же что представи-

тели различных точек зрения были неодинаково осведомлены в элементарной географии мира, но исключительно в силу того, что все они являлись представителями различных веков — от VII до I в. до н. э., которые оказались отмеченными коренными сменами форм как в географии, так и в истории рассматриваемых мест.

Но как бы ни расходились между собою в интерпретации географии Аргонавтики авторы различных веков, у всех их наблюдается одно важное для нас объединяющее утверждение, что «Арго» после долгого плавания от устья Фасиса к северу вступает в воды Океана лишь после волока по суше. При этом можно заметить, что чем ближе к нашему времени это утверждение, тем более конкретным оно становится.

Ранние авторы, от VI до IV в. до н. э., принимали, что аргонавты перенесли «Арго» на плечах; Ликофрон во II в. до н. э. отмечал, что сделали они это в 12 дней. Скимн в I в. до н. э. говорил, что корабль был перенесен на копьях, а Ермий Созомен в V в. н. э. писал, что аргонавты «при помощи туземцев протащили «Арго» посредством машин около 400 стадий».

Здесь должно быть ясно, что каждый автор, сообразно его времени, отражает современную ему технику переброски корабля волоком из одной речной системы в другую.

Но если сказание о плавании аргонавтов, восходящее ко «времени Гомера», много столетий спустя продолжает находить для себя благоприятную географическую основу, то это могло происходить лишь в силу того, что еще долгое время сохранилась породившая его гидрография. Важнейшим моментом в ней представляется существование Манычского пролива.

Пролив этот в последнеднековое время служил артерией сброса в открытое море избыточных вод Каспия, стекавших из бассейна его питания. Переполнение Каспийского моря могло происходить, с одной стороны, за счет увеличенного водного вноса по Волге, с другой, — за счет дополнительного вноса по Узбою (3).

Значительное увеличение, по сравнению с существующим, волжского водного вноса в прошлом мыслимо лишь при условии наличия тогда в верховьях Волги большого водного бассейна с запасом последнеднековых вод (рис. 3).

Тот факт, что Манычский пролив как географический элемент доживает вплоть до IV в. до н. э., дает основание допускать, что в более ранние времена гомеровского сказания об аргонавтах в верховьях Волги еще должен был существовать достаточно обширный озерный бассейн, дававший Каспийскому морю значительные дополнительные воды, которые и обеспечивали питание пролива. Но в таком случае можно было бы ждать, что в рассказе о плавании «Арго» (в основе которого безусловно лежит какое-то реальное событие) окажется отмеченным и этот водный бассейн в истоках Волги, куда корабль должен был проникнуть прежде, чем достичь волока.

Из названий северных морских вод, встречаемых у древних авторов в связи с рассказом о походе аргонавтов, как-то: Океан Кроныйский, Амалхийский, или «Замерзший», океан, и Моримаруса, или «Мертвое море», — первое имя, вероятнее всего, относится к водам Атлантики, второе, принадлежавшее морю, ограничивавшему, по Плинию, Скифию с севера, может соответствовать и Северному Ледовитому океану и Балтийскому морю. Последнее же название могло бы характеризовать мертвые, т. е. безрыбные воды последнеднекового озера в верховьях Волги.

В связи с последним вопросом заслуживает внимания еще одно, до-

шедшее до нас из древности сообщение. Среди так называемых «подложных сочинений», приводимых В. В. Латышевым (4), имеется стихотворное описание похода аргонавтов, передаваемое от имени одного из 50 героев — его участников, легендарного певца-чародея Орфея и принадлежащее перу неизвестного автора IV в. н. э. Выше, когда мы рассматривали различные памятники древности для выяснения географии

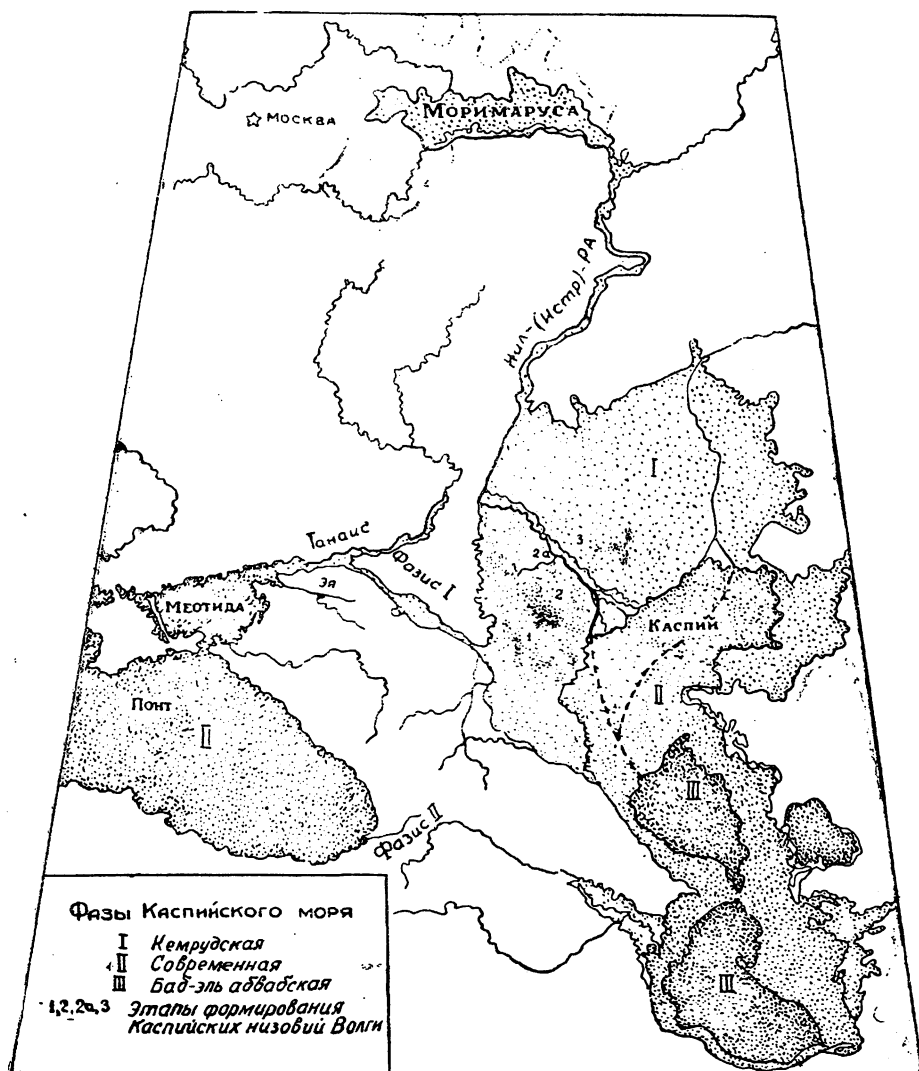

Рис. 3.

Аргонавтики, «Орфеева Аргонавтика» не была использована ввиду наблюдаемой в ней путаницы, свидетельствующей о легком отношении поэта к землеведению. При всем этом нельзя не заметить, что в распоряжении ее автора, помимо знакомств с большинством из рассмотренных нами аргонавтик и схолий к ним, был и какой-то иной, очень древний источник, сильно обросший позднейшею шелухой.

Во вступительной части поэмы у псевдо-Орфея фигурирует и скиф-

ский Фасис-Маныч, «широко-могучий», с «быстрой волной», крутящий «в водоворотах», и колхидский Фасис-Рион, «спокойно-текущая река» (4, стр. 913, 914). У него также в одном и том же русле пролива оказываются одновременно текущими и более ранний Фасис и сменивший его Танаис, питаемые «многошумным Араксом» (4, стр. 913). Словом, налицо все грехи многовековых заблуждений, допускавшихся в отношении Манычского пролива.

Когда же псевдо-Орфей приступает к описанию самого плаванья аргонавтов, то он говорит только о скифском Фасисе: «Но мы не бросились прямо к изобильному рыбою морю через широкое устье Фасиса; мы были увлечены заблуждением, постоянно уплывая все дальше назад» (4, стр. 915). Здесь хотя употреблено определенное «море», а не «озеро», как обычно обозначалось Азовское море, но немного далее это «море» автор называет Меотидою. Иными словами, в рассказе о плавании «Арго» Маныч у псевдо-Орфея фигурирует в той форме Фасиса, впадающего в Меотиду, которая характерна для наиболее ранних источников.

Далее псевдо-Орфей повествует: «Шумно волнующееся озеро (*Меотида*¹) изливает жестокую гибель на низменные берега; изобильная пена с шумом несется к северным пределам в Океан (*Каспий*). Подхваченный ею «Арго» пробежал тогда устье (*Маныча*). Трудясь девять ночей и столько же дней, мы миновали и там и сям соседние племена смертных... затем миновали гиперборийских мужей, номадов и народ каспийский. Когда же появилась десятая денница, освещающая смертных, мы прошли Рипейские ущелья (*Жигули*), а оттуда «Арго» побежал вперед по узкому потоку и вошел в Океан, который гипербореи называют Кроновым, а также Мертвым морем. Когда пришла шестая (?) денница, светящая смертным, мы прибыли к зажиточному и богатому народу долговечных (*гипербореи*). Мы миновали их всех, идя пешком по берегу».

Далее поэма рассказывает о плавании аргонавтов вокруг Западной Европы через Гибралтар в Средиземное море, причем упоминается ряд пунктов и лиц, знакомых нам из Одиссеи. В этом описании особенно интересным представляется подчеркнутый нами путь «Арго» от Рипейских ущелий к северу.

«Рипейские ущелья», или водный проход через Рипейские горы, может быть локализован только в Жигулях, которые поднимаются над уровнем современной Волги на высоту почти 360 м. При плавании через Жигулевский проход горы с уровня реки представляют величественную картину, создающую ложное представление об их действительных размерах. В силу этого, попав в географию древних под именем Рипейских гор, Жигули были восприняты в ней как крупный орографический элемент, который впоследствии, когда география Европы была освещена и с сухопутья, оказался не находящим для себя соответствующего места. Пройдя Жигулевские ущелья, «Арго», по описанию псевдо-Орфея, вошел по узкому потоку в Океан, «который гипербореи называют Мертвым морем».

Выше мы отмечали возможность существования в верховьях Волги в период, восходящий ко временам гомеровских аргонавтов, большого озерного бассейна, остаточного с послеледникового времени, который первоначально был беден животным миром, а потому мог удовлетворять названию «Мертвое море».

У псевдо-Орфея рассказывается, что после вод Мертвого моря арго-

¹ В скобках курсивом — мои попутные комментарии. С. К.

навты некоторое время «шли пешком по берегу», затем снова поплыли. Иными словами, и здесь отмечается проделанный волок во внешние воды, но происходит он не из речных истоков (Нила, Истра, Танаиса), а из мертвых вод обширного озера, которое некогда было в верховьях Волги и передается автором в наименее конкретизированном виде: «шли пешком», в отличие от приводившихся выше более поздних передач этого факта.

Псевдо-Орфей, автор наиболее поздней Аргонавтики, показавший в начале своей поэмы знакомство с различными вариантами понимания географии плавания «Арго», вероятно, был знаком и с различными описаниями волока, проделанного аргонавтами. Однако в его рассказе волок оказывается приуроченным к другим элементам былой гидрографии Севера, а характеристика его передана наиболее примитивно. Все это признаки, могущие свидетельствовать в пользу того, что в распоряжении псевдо-Орфея был какой-то свой, возможно очень древний источник сказания об аргонавтах, которого он и придерживался.

В заключение рассмотрения географии Аргонавтики мы приходим к признанию, что в основе сказания о плавании «Арго» лежит описание реального плавания по водному пути вокруг Европы, бывшему известным еще народам гомеровского мира. Вместе с этим и «река Океан», окружавшая Ойкумену гомеровских песен, приобретает для нас характер не надуманной географической концепции, вроде семиэтажного неба мусульман, но является отражением определенного гидрографического момента, существовавшего в послеледниковое время в Европе, — момента, когда в верховьях Волги выше Казани существовало еще достаточно обширное остаточное озеро талых вод, значительно повышавшее водный взнос в Каспий, и когда Каспий избыток своих вод посылал через Манычский пролив в Азовское море и далее в Мировой океан.

Этот момент находит отражение в гомеровской «тихотекущей, глубокой, всемирной реке Океан», окружающей Европу почти непрерывным водным кольцом, кроме небольшого участка на северо-западе, где, как мы видели, существовал уже в глубокой древности волок.

В настоящее время от водного кольца «реки Океан» еще сохраняется непрерывная цепь морей и проливов от Азовского до Балтийского моря через Средиземное. Манычский пролив, соединявший Меотиду с Каспием, по нашим исследованиям литературных памятников, касающихся этого места, перестал существовать лишь во II веке до н. э. В гомеровской географии он называется Фасис, в греческой же, примерно с VII в. до н. э., он известен под названием Танаис.

Каспийское море определялось в догреческий период как «Крайний залив реки Океан». Как «Северный залив Океана» оно продолжало рассматриваться еще во времена Страбона (4, стр. 102).

Волга, представлявшаяся как бы проливом между озером, простиравшимся в ее верховьях, и Каспием, в древнейших памятниках именуется «устьем» или «крайним рукавом» этого залива. В более поздний период Волга у комментаторов Аргонавтики скрывается под именами Нил, Истр, Танаис, Ра. Отмечаемая по течению Волги «Лаврийская равнина» напрашивается на сопоставление с нынешней Русской, или Восточно-Европейской, равниной. Название «Рипейские горы» в Аргонавтике относится к Приволжским возвышенностям, в частности к Жигулям, воспринимавшимся с уровня реки как крупный орографический элемент.

Озеро в верховьях Волги, намечающееся как северный предел «реки-Океана», возможно, в древнейшей географии рассматривалось как одно из важнейших звеньев водного кольца. Из сохранившихся в антич-

ной литературе названий северных вод нам представляется наиболее созвучным его былой природе имя «Мертвое море» — «Моримаруса».

На карте четвертичных отложений Европейской части Советского Союза, изданной в 1932 г., показана на правобережье Волги выше Казани значительная площадь, покрытая молодыми озерными отложениями. Озеро, бывшее здесь в послеледниковое время, вполне соответствует тому водному бассейну, в который, как повествует псевдо-Орфей, «по узкому протоку» — Волге должен был проникнуть «Арго», поднимающийся из Каспия, и в котором мы готовы видеть остатки «Мертвого моря» Филемона.

Одним из главных моментов в выяснении географии Аргонавтики явилось перемещение нами гомеровского названия Фасис с Риона, где это название дожило до нашего времени, на бывший Манычский пролив, близ устья которого, по сказанию, находилась мифическая столица царя Эита — Эя. В связи с последним названием привлекает внимание в топонимике прилегающей к Дону суженной части Азовского моря река Ея. Не является ли она хранительницей древнего имени и, в таком случае, нет ли близ устья ее чего-нибудь соответствующего остаткам мифической столицы царя Эита? В словаре Стефана Византийского по поводу Эи говорится: «Эя — город, отстоящий от моря на 300 стадий (около 60 км), его обтекают две реки Ипп и Кианей, образуя из него полуостров» (4, стр. 514—523). В 60 км от Азовского моря Ея сливается с Сосыкой, образуя полуостров, на котором расположена ныне станица Канеловская.

В заключение следует отметить, что историк, не учитывающий тех изменений, которые происходили в течение веков в топонимике и, главное, в географии нашей страны, неизменно будет впадать в ошибку, отрывая исторические события от современной им реальной обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История в девяти книгах, пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, М., 1888.
 2. Ковалевский С. А. Возраст Гибралтарского пролива и Монастырской трассы, Изв. Всес. Геогр. о-ва, 1939, № 7.
 3. Ковалевский С. А. Лик Каспия, Тр. Геол.-развед. конторы Азнефти, в. 2, Баку — Москва, 1933.
 4. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, СПб., 1898.
 5. Страбон. География в семнадцати книгах, пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, М., 1879.
-

РАЗДЕЛ 4

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ

Т. Н. ТРОИЦКАЯ

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ И НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н. э., судя по свидетельствам древних авторов и по археологическим данным, среди местного населения ведущая роль принадлежала скифам. Различные скифские племена, населявшие степную часть Скифии, объединенные общностью языка, обычаев и территории, по мнению большинства ученых, представляли собою этнически единое целое. Но, несмотря на эту общность, в культуре скифов имелись отдельные локальные варианты, изучение которых позволяет выявить границы обитания тех или иных скифских племен.

К числу таких локальных культур относится и культура скифов Крыма, имеющая, в свою очередь, два основных варианта: в центральном Крыму и на Керченском полуострове¹. Выяснению их особенностей посвящена данная статья.

В связи с тем, что скифы Крыма в VII—VI вв. до н. э. вели в основном кочевой образ жизни, единственными памятниками их материальной и духовной культуры, дополняющими свидетельства древних авторов, являются погребальные сооружения — курганы. К сожалению, на Керченском полуострове известно значительно меньше скифских курганов, чем в центральном Крыму. К тому же все они связаны с богатой, аристократической верхушкой местных племен. Но и этого материала вполне достаточно, чтобы выявить резкое различие между скифским населением центральных районов крымских степей и предгорий, с одной стороны, и местным населением Керченского полуострова, входившего в состав Боспорского царства, — с другой.

Различие культур местного населения этих двух районов выявляется уже в самом начале эпохи железа, с VII в. до н. э. Для Северного и Восточного Причерноморья этого времени характерно появление изделий в скифском «зверином» стиле², скифских форм оружия и конского уздечного набора.

В предгорном и в меньшей степени в степном Крыму в VIII—VI вв.

¹ Возможно также выявление третьего элемента, близкого к центральному, намечающегося в северо-западных районах Крыма. Вариант этот пока еще представлен небольшим материалом, поэтому в нашей статье мы его не касаемся.

² В скифском «зверином» стиле преобладают мотивы изображения животных, с чем и связано его название. Эти изображения, имевшие магический характер, украшали главным образом оружие, предметы конского набора и одежду.

до н. э. известны поселения, могильники и отдельные курганные погребения носителей так называемой кизил-кобинской культуры, — предположительно — ранних тавров. На Керченском полуострове памятники местного населения этого времени изучены крайне слабо; внимание исследователей больше сосредоточивалось на античных памятниках доколонизационной торговли и начала греческой колонизации.

Рис. 1. Костяное украшение — голова грифона (Темир-гора, близ Керчи).

Наиболее ранним местным погребением на Керченском полуострове является могила в кургане на Темир-горе (ОАК, 1870, стр. XX—XXI), где были найдены, наряду с другими предметами, украшения уздечного конского набора и костяные изделия, выполненные в раннескифском «зверином» стиле (рис. 1). Погребение это датируется расписной гончарной вазой второй половины VII в. до н. э.¹, изготовленной на острове Родосе и свидетельствующей о торговле местного населения с греками, которые к этому времени основали на северо-восточных берегах Черного моря ряд постоянных торговых факторий-эмпориев².

В центральном же Крыму на протяжении VIII — VI вв. до н. э. продолжала господствовать кизил-кобинская культура. Инвентарь бескурганных могильников и курганных погребений, как правило, не содержал импортной греческой керамики и изделий в скифском

«зверином» стиле. Единственное известное нам исключение — это могила в кургане у с. Долинное, между реками Кача и Альма (ОАК, 1895, стр. 16). Здесь были найдены две бронзовые пряжки в виде свернувшихся зверей и маленькая бронзовая секира с головой и копытом коня на концах (рис. 2). Погребение это датируется второй половиной VI в. до н. э.

Таким образом, судя по имеющимся находкам, изделия в скифском «зверином» стиле в центральном Крыму появляются на целое столетие позже, чем на Керченском полуострове. Это можно объяснить тем, что в крымские степи и предгорья кочевые скифы, судя по находкам в курганах, начали проникать лишь с VI в. до н. э. Путь их шел, по всей вероятности, из приднепровских степей через Перекопский перешеек; упомянутое выше скифское погребение по своему характеру и находкам связано с Приднепровьем. На Керченский полуостров изделия в скифском «зве-

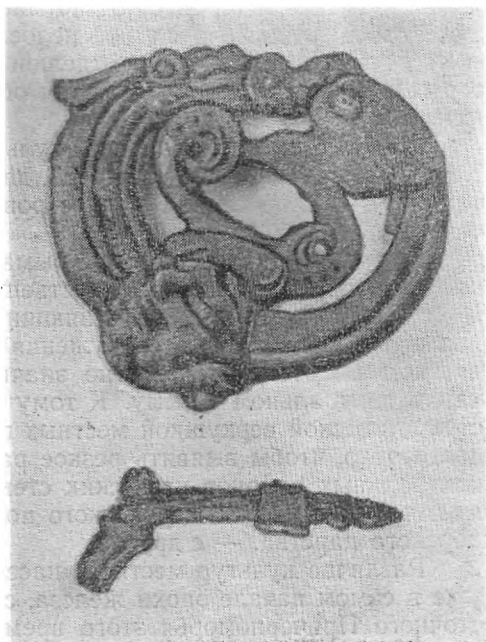

Рис. 2. Бронзовые украшения из кургана № 3 на р. Альме: сверху — пряжка в виде свернувшегося зверя; внизу — секира.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 17, рис. 4.

² В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, МИА, 33, стр. 7 и след.

рином» стиле проникли раньше. В центральном Крыму они даже в VI в. не были еще широко распространены. Это позволяет предполагать их проникновение на Керченский полуостров через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) из Тамани и прикубанских районов, где широко были известны подобные изделия, распространенные не только у скифов, но и у синдо-меотских племен¹.

Население Крыма в ту эпоху, судя по археологическому материалу, было более бедным и более отсталым, чем население Среднего Приднестровья, Прикубанья и Тамани, где часто встречаются богатые могилы с конскими и человеческими жертвоприношениями. Культурные связи с Передней Азией и Грецией представлены здесь многочисленными находками. Могила на Темир-горе — пока еще единственный памятник Крыма со скифским инвентарем VII в. до н. э. Только в ней одной встречаются столь ранние золотые изделия, импортный сосуд, украшения в скифском «зверином» стиле. Эта могила стоит особняком среди ранних скифских погребений Крыма, и, скорее всего, характер ее инвентаря объясняется связями с Таманью.

Еще более резко культурные различия центрального Крыма и Керченского полуострова прослеживаются в V в. до н. э. На Керченском полуострове к этому времени относятся скифские курганы из смешанного эллино-скифского могильника греческого города-колонии Нимфея² у с. Героевского.

Различия прослеживаются буквально во всех деталях погребений. В равнинах центрального Крыма, как и во всей степной Скифии, костяки ориентированы головами на запад, в керченских — на восток. Последняя ориентация, видимо, связана с греческим влиянием, поскольку она прослеживается и в греческих нимфейских курганах (ОАК, 1876, стр. VIII и след.) и в пантикапейском грунтовом могильнике (МИА, 19, стр. 212). Деревянные саркофаги, встреченные в нимфейских скифских погребениях, также связаны с греческим влиянием; их совсем нет в V в. до н. э. в центральном Крыму.

В скифских погребениях V в. до н. э. хорошо представлено различное оружие. В это время — время господства у скифов военной демократии — все скифы были воинами. Однако в центральном Крыму вооружение, даже в богатых могилах, значительно беднее, чем в Нижнем и Среднем Приднестровье, Прикубанье, на Тамани и Керченском полуострове. В керченской группе погребений встречаются бронзовые шлемы и поножи, связанные с греческим влиянием. Их мы не встречаем в это время в центральном Крыму.

Массовое проникновение в центральный Крым скифов и частичная ассимиляция ими местного населения — носителей кизил-кобинской культуры (ранних тавров?) привели к распространению здесь в V — начале IV вв. до н. э. изделий в скифском «зверином» стиле. Однако для центрального Крыма характерно не столь яркое его развитие и отсутствие полных уздечных наборов, изготовленных в этом стиле. В скифских погребениях Керченского полуострова, напротив, найдены наиболее полные и разнообразные уздечные украшения, выполненные в развитом скифском «зверином» стиле³; ближайшие аналогии им известны в инвентаре кубанских (Елизаветинских) и таманских (Семибратних) курганов⁴.

¹ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, КСИИМК, XVI, стр. 7.

² ОАК, 1876, стр. XIII—XV; XX, XXVII—XXIX; ОАК, 1879, стр. XXXV — XXXVI и др.

³ ОАК, 1877, рис. на стр. 230—232, 240, 271.

⁴ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Пгр., 1925, стр. 361, 393.

В отличие от курганов центрального Крыма, где в V — начале IV вв. до н. э. даже в богатых могилах встречено мало золотых изделий, скифские нимфейские курганы были чрезвычайно богаты золотыми и бронзовыми украшениями. Среди них есть и типично греческие, отсутствующие в центральном Крыму, и вещи, выполненные в скифском «зверином» стиле (рис. 3). Весь набор золотых бляшек для украшения одежды (ОАК, 1877, табл. III) очень близок к Семибратним курганам (ОАК, 1876, табл. III).

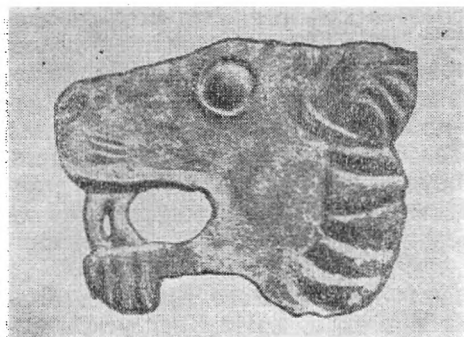

Рис. 3. Бронзовая бляшка в виде головы льва из нимфейских курганов.

В нимфейских скифских курганах отсутствовали местные лепные сосуды, имелись лишь привозные, в основном чернолаковые. В скифских могилах остального Крыма, даже в наиболее богатых, напротив, найдена лишь местная лепная керамика (рис. 4 и 5). Это указывает на то, что торговые связи с греческими городами были весьма слабы.

В V — начале IV вв. до н. э. в скифских погребениях центрального Крыма встречаются отдельные конские кости, целые же ко-

стяки пока не обнаружены. Даже в таком богатом погребении, как в Золотом кургане (ОАК, 1890, стр. 4—6), были найдены лишь лопатка ло-

Рис. 4. Лепной сосуд из кургана, раскопанного в 1895 г. под Симферополем.

Рис. 5. Лепной сосуд из Золотого кургана под Симферополем.

шади и отдельные уздечные украшения (рис. 6). Известны захоронения без всяких конских костей и без предметов уздечного набора.

Совершенно иная картина на Керченском полуострове. В нимфейских курганах в грунтовых могилах встречены конские захоронения, связан-

ные с центральной гробницей. Число лошадей в отдельных курганах доходит до восьми. Обычай захоронения коней лишний раз подтверждает, что обряд погребения в керченских скифских курганах отличается от погребального обряда в остальном Крыму и стоит ближе к ритуалу населения Кубани и Тамани, где погребения, как и в более раннее время, сопровождалось захоронением целых конских туш (Елизаветинские, Семибратные и другие курганы).

Следовательно, скифские погребения центрального Крыма и Керченского полуострова (V — начала IV вв. до н. э.) отличаются друг от друга по ориентации костяков, по степени богатства вооружения, украшений и уздечного набора и по наличию конских захоронений. Инвентарь погребений указывает на то, что скифское население центрального Крыма в этот период находилось на более низком уровне хозяйственного и социального развития, чем в районах Приднепровья, Кубани и Керченского полуострова.

Большее богатство нимфейских курганов объясняется, возможно, начинающимся оседанием скифов близ греческих городов, переходом их к полукочевому хозяйству и процессами сближения скифской знати с господствующими классами греческих городов-колоний. Наличие в одном и том же могильнике скифских и греческих погребений, одинаковое богатство их инвентаря (при различии в его характере) свидетельствует о более или менее равноправном положении местной верхушки с греками — жителями города. Иначе трудно объяснить, почему не только в одном могильнике, но и в одной и той же курганной группе встречаются одновременно греческие и скифские погребения. Все это указывает на сближение скифской верхушки с представителями правящего класса греческого колониального города. И те и другие эксплуатировали местное трудящееся население, возможно, уже переходившее к оседлому образу жизни. Этот процесс ускорялся спросом греческих городов на хлеб.

Описанный процесс характерен не только для Нимфея, но и для других греческих городов-колоний, для всей территории Боспорского царства, как его европейской части, так и азиатской.

Местное население Керченского полуострова, входившее в состав Боспорского царства, безусловно испытывало сильное воздействие греческой культуры и стояло по своим культурным связям ближе к местным

Рис. 6. Бронзовые уздечные украшения из Золотого кургана под Симферополем.

племенам Прикубанья и Таманского архипелага¹, также втянутым в круг боспорского влияния, чем к остальным скифам Крыма.

Различия между культурой скифов центрального Крыма и Керченского полуострова сохраняются и в IV—III вв. до н. э. Для центрального Крыма в это время характерны погребальные сооружения в виде простых или усложненных грунтовых ям и гробниц из каменных плит. На Керченском полуострове распространяются склепы с уступчатыми сводами. Таковы курганы: Куль-оба (ДБК, 1, стр. X и след.), Патиниоти (ЗООИД, XV, стр. 78—84) и у с. Баксы (ныне Глазовка, ОАК, 1882—1888, стр. IV и след.). Подобные склепы широко известны у боспорских греков и, видимо, от них были заимствованы местным населением, входившим в состав Боспорского царства. Скифский погребальный обряд в этих склепах носит заметные следы греческого влияния.

Но не только в перечисленных, а и в ряде других погребений прослеживается слияние скифского и греческого погребальных обрядов. Это мы наблюдаем в склепе с уступчатым сводом в кургане Кекуватского (ДБК, 1, стр. XVIII), в Ак-бурунском кургане (ОАК, 1875, стр. XXXII и сл.), в оштукатуренном склепе с тризной в кургане на Темир-горе (ОАК, 1869, стр. XII и след.; ОАК, 1870—71, стр. XX и след.) и др. В этих погребениях наряду с греческим обрядом отмечено наличие скифского вооружения и иногда конских костей. Связаны ли эти погребения с греками, воспринявшими скифское вооружение, или с эллинизированными скифами, отказавшимися от старых скифских традиций, — решить трудно.

В скифских погребениях Керченского полуострова наблюдаются отдельные черты сходства с погребальным обрядом местных племен азиатского Боспора. Так, в Куль-обе основной покойник лежит в одной части саркофага, а оружие и некоторые предметы — в другом, специальном его отделении. В других уступчатых склепах Боспора это не наблюдается, нет этого и в остальной части крымской Скифии. А в азиатской части Боспора в некоторых курганах V—III вв. до н. э. оружие и часть инвентаря находятся обычно или в специальной камере, как в Каргадеуашхе (МАР, 13, стр. 6—10), или в отгороженной части гробницы, как в Семибратних курганах № IV и № VI (ОАК, 1875, стр. 6 и след.; ОАК, 1876, стр. VI—VIII). Выделение части инвентаря в отдельную камеру наблюдается и в кургане Солоха на нижнем Днепре (ОАК, 1913—15, стр. 107, рис. 175). Сближает Куль-обу с азиатскими и поднепровскими так называемыми царскими погребениями наличие человеческих жертвоприношений, чего не наблюдается в других скифских курганах Крыма.

Украшения и предметы туалета скифских погребений обеих крымских групп в IV—III вв. до н. э., при некоторой их общности, имеют и различия. В более богатых могилах центрального Крыма известны изделия в скифском «зверином» стиле (рис. 7). Однако столь пышные и дорогие украшения, как на Керченском полуострове, не встречаются в других скифских курганах Крыма, зато их много в степном Поднепровье, есть они и на Тамани. Украшения керченских скифских курганов отличаются и наличием изделий, характерных для греческого быта, а также ряда предметов, отсутствующих в курганах центрального Крыма, например браслетов, в том числе широких и гладких, находящих себе аналогии, как и большинство других украшений из керченских курганов, в инвентаре царских курганов Поднепровья.

Обращает на себя внимание, что в курганах центрального Крыма

¹ Нынешний Таманский полуостров тогда представлял собою группу островов между рукавами устьев Кубани.

IV—III вв. до н. э. пока еще не найдены художественные металлические сосуды и бронзовые скифские котлы, широко представленные как на Керченском полуострове (рис. 8, 9 и 10), так и в степном Поднепровье. Керченские же скифские курганы этого времени по своему богатству стоят в одном ряду с царскими курганами приднепровских степей, differing от них формами погребальных сооружений и наличием более сильного

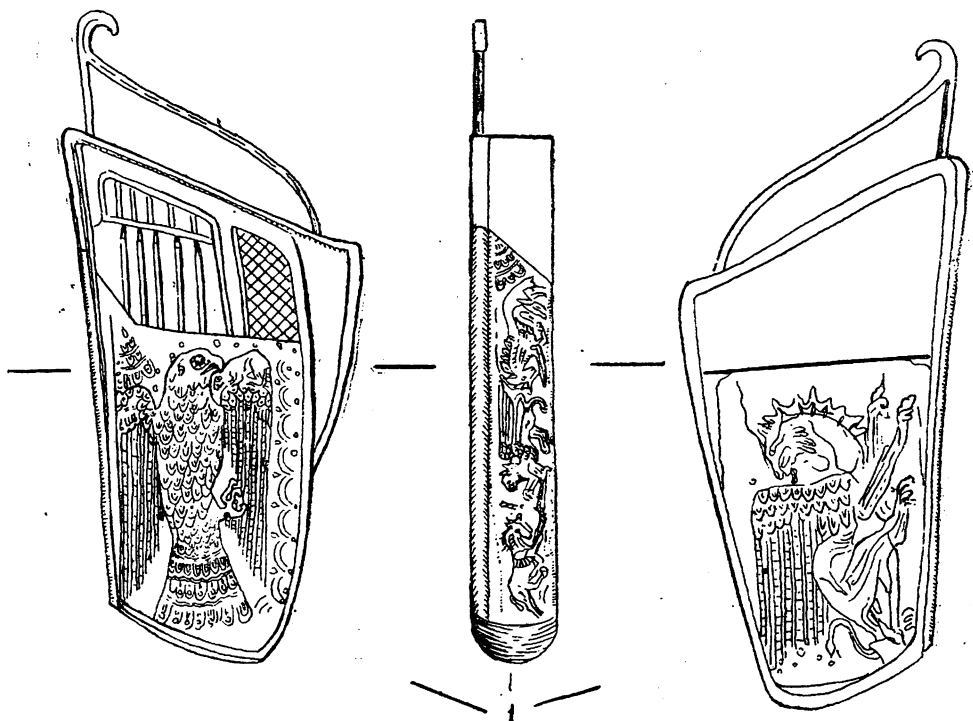

Рис. 7. Горит (колчан) с луком и стрелами, украшенный золотыми пластинами из кургана № 1 1892 г. у совхоза „Красный“ под Симферополем (реконструкция).

греческого влияния. Общность их инвентаря скорее всего связана с употреблением предметов одного и того же импорта — боспорского.

В курганах центрального Крыма обращает на себя внимание отсутствие конских костей и уздечного набора. Это явление, повторяющееся в 28 курганах, нельзя объяснить случайностью или несовершенством метода раскопок. Напротив, курганы степного Поднепровья, раскопанные теми же методами и теми же исследователями, содержали конские захоронения и уздечные наборы. Возможно, что дальнейшие раскопки могут дать конские захоронения, но и наличного материала достаточно, чтобы считать, что для скифов центрального Крыма, несмотря на их кочевой образ жизни, в IV—III вв. до н. э. не характерны погребения коней и наличие уздечного набора. Эти черты резко отличают курганы центрального Крыма от остальных скифских курганов. На Керченском полуострове, где для V в. до н. э. уже отмечалось захоронение с покойником нескольких коней, этот обычай, несколько изменившись, сохраняется в IV—III вв. до н. э. В Куль-обе погребены уже не целые кони, а лишь части туши, что, возможно, было связано в данном случае с эллинизацией обряда погребения. Таким образом, и в этом отношении местное

население Керченского полуострова отличалось от скифов центрального Крыма.

Судя по характеру обряда, царь или военачальник, погребенный в Куль-обском кургане, не был связан со скифами центрального Крыма. В литературе существует мнение, что это скорее всего был опальный скиф из степного Поднепровья¹. И действительно, как это было пока-

Рис. 8. Серебряный сосуд из кургана Куль-оба (Керченский полуостров).

Рис. 9. Серебряный сосуд из кургана Патиниоти на Керченском полуострове.

зано выше, имеется много общего в инвентаре между Куль-обой и курганами Поднепровья того времени.

Но куль-обское погребение не единично: почти полным его повторением был разграбленный курган Патиниоти. По своему инвентарю эти погребения имеют много общих черт с более ранними скифскими погребениями Керченского полуострова и, в первую очередь, с нимфейскими курганами. Здесь встречаются те же украшения, тот же инвентарь, в котором проявляется сильное греческое влияние, те же общие черты с погребениями Тамани и степного Поднепровья (рис. 11).

Местное население Керченского полуострова не могло исчезнуть в это время и сохранило некоторые старые традиции. Связи скифской знати с греческой верхушкой крепки, росло богатство местной аристократии и влияние на нее греческой культуры. Все эти процессы получили свое отражение в погребальном обряде керченских скифских курганов IV—III вв. до н. э. Лишь дальнейшее глубокое и детальное изучение материала Куль-обского кургана и рядовых местных погребений на Керченском полуострове позволит окончательно решить вопрос о том, был ли погребенный в Куль-обском кургане представителем местной боспорской

Рис. 10. Бронзовый котел из кургана Патиниоти.

¹ В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXV, стр. 40.

знати, что нам кажется более вероятным, или здесь был погребен знатный скиф из Поднепровья.

Более поздние явно скифские погребения на Керченском полуострове нам неизвестны. Изучению подвергались могильники лишь близ греческих городов, где, вероятно, вследствие сильного греческого влияния на погребальный обряд местного населения трудно выявить явно скифские могилы позже IV — III вв. до н. э. Последние, очевидно, будут найдены на более отдаленной от греческих городов территории.

В дальнейшем, в связи с проникновением в Боспорское царство сарматских племен, скифские погребения сменились сарматскими. Происходит сильная сарматизация греческой и скифской культуры, и уже в I—II вв. н. э. «полугреческая-полуварварская культура свойственна теперь всем слоям рабовладельческого общества Боспорского царства с его весьма смешанным этническим составом... уже не было четко различимых групп греческого и негреческого населения»¹.

В центральном же Крыму в это время происходит дальнейшее развитие скифской культуры и скифского государства, существовавших до III—IV вв. н. э. Происходившая и здесь сарматизация все же не могла заслонить собою скифских традиций и уничтожить самобытные черты скифской культуры.

Таким образом, на территории Крымского полуострова прослеживаются два различных варианта скифской культуры, связанных, вероятно, с племенными различиями (рис. 12). В центральном Крыму в VII—VI вв. до н. э. в основном проживало еще местное доскифское население, носители кизил-кобинской культуры, предположительно близкие или тождественные ранним таврам. С конца VI в. до н. э. начинается постепенное, а затем массовое проникновение через Перекопский перешеек скифов из Нижнего Поднепровья. В этот период скифы Крыма и степного Поднепровья стояли на более низком социально-экономическом уровне, чем ряд других соседних племен.

В результате ассимиляции скифами местного населения в V в. до н. э. на территории центрального Крыма в его степях и предгорьях складывается своеобразный локальный вариант скифской культуры. В V — IV вв. до н. э. он не проявил еще себя столь ярко, как культура степного Поднепровья и Керченского полуострова, что связано с относительной социально-экономической отсталостью скифов центрального Крыма.

Расцвет культуры здесь отмечается со II в. до н. э., когда происходит резкий подъем экономического и политического значения крымской части Скифии, что связано с переходом к оседлости, развитием земледелия и торговли, а также с перенесением в Крым центра скифского государства. Значительное количество известных нам в центральном Крыму

Рис. 11. Золотая бляха из кургана Куль-оба.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.—Л., 1947, стр. 413.

скифских погребений, а затем и появившихся поселений и городов дает возможность достаточно полного изучения крымского (степного и предгорного) локального варианта скифской культуры¹.

На Керченском полуострове скифская культура засвидетельствована с VII в. до н. э. На протяжении всего времени для этой группы характерно сильное влияние греческой культуры, особенно на аристократическую

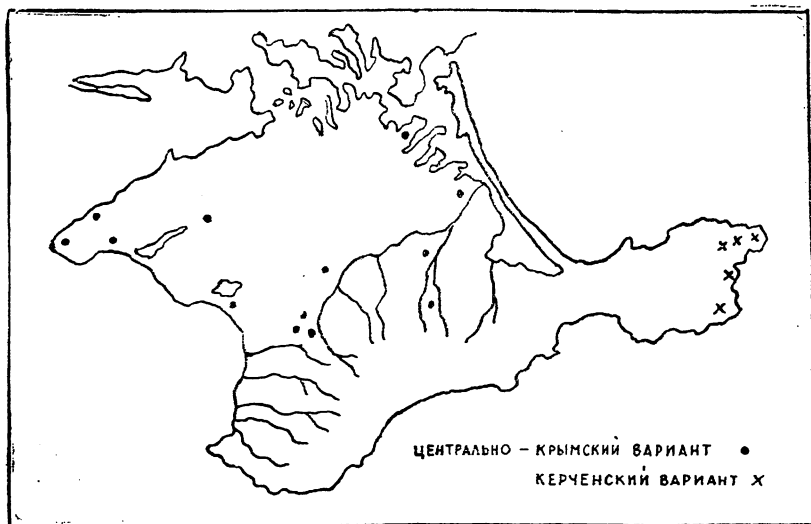

Рис. 12. Карта распространения памятников локальных вариантов скифской культуры в Крыму.

верхушку местного населения. Сближение скифской верхушки с представителями правящего класса греческих городов, вошедших в состав Боспорского царства, усиление ее торговых связей с ними ускоряли разложение родового строя у керченских скифов. В руках местной аристократии скапливались большие богатства, резко возрастало ее экономическое значение. Все это способствовало здесь расцвету скифской культуры. В ней прослеживаются культурные влияния, как греческие, так и местного населения Прикубанья и Тамани, особенно ярко выраженные в V в. до н. э. в инвентаре нимфейских курганов.

В IV—III вв. до н. э. отмечаются связи в инвентаре и со скифскими погребениями Нижнего Поднепровья. Незначительное количество известных могил и отсутствие материала, связанного с рядовым населением, не дает возможности выяснить характер этих связей. Лишь изучение массового материала погребений и сравнение его с прикубанскими и таманскими рядовыми могилами помогут решить этот интересный вопрос.

¹ Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма, автореферат кандидатской диссертации, Симферополь, 1954.

Ю. Г. КОЛОСОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТЕПНОМ КРЫМУ в 1952 году

Степная часть Крымского полуострова, несмотря на ее богатство памятниками прошлого, очень мало исследована в археологическом отношении. При этом исследования касались главным образом памятников скифо-сарматского времени (2;3), памятники же первобытной культуры в Северном Крыму почти не изучались, за исключением эпизодического сбора подъемного материала местными краеведами и школьниками и единичных неорганизованных раскопок (1).

С 1951 г. перед Северо-Крымской историко-археологической экспедицией Крымского филиала Академии наук УССР был поставлен ряд задач, для успешного осуществления которых необходимо проведение комплексных работ с участием различных специалистов (4). Археологическая часть этого комплексного исследования проводилась начиная с 1951 г. и выразилась в рекогносцировочном обследовании всех памятников, начиная с древнейших времен вплоть до XVII—XVIII вв.

В настоящей статье излагаются результаты выполненной под руководством П. Н. Шульца с участием автора экспедиционной работы 1952 г., когда степным отрядом экспедиции был пройден большой маршрут в пределах Раздольненского, Первомайского, Джанкойского, Азовского, Нижнегорского, Советского и отчасти Кировского административных районов Крымской области. Во время этих работ значительное внимание уделялось также памятникам первобытной культуры.

В результате этих разведок был обнаружен ряд новых памятников первобытной культуры. К известным ранее в Раздольненском районе трем стоянкам эпохи бронзы прибавилась четвертая, открытая близ с. Волочаевки местным краеведом М. К. Зиновьевым (1), а затем и пятая, обнаруженная отрядом на восточном берегу Бакальского озера в 2 км от д. Гусевки (б. Отары). Стоянка расположена на невысокой береговой террасе и тянется вдоль берега на 200 м. Признаков жизни в береговом обрыве не заметно. Под дерновым слоем на глубине 20—30 см местами заметны признаки культурного слоя. Здесь попадаются кости мелкого и крупного рогатого скота, фрагменты лепной посуды, преимущественно горшков; на некоторых обломках имеется орнамент с косыми насечками; встречаются обломки кремня с частичной ретушью и отщепы (рис. 1). Судя по характеру орнамента, керамика относится к периоду

поздней бронзы (рис. 2, 1—2). Поселение это, по-видимому, имело характер сезонной, временной стоянки, обитатели которой занимались скотоводством, а также, вероятно, и рыболовством.

В Бакальское озеро впадает Веселая балка, простирающаяся в направлении с ЮВ на СЗ и имеющая выходы пресных вод. По левому

берегу балки находится группа двенадцати невысоких курганов расплывчатых очертаний. Форма курганов и подъемный материал позволяют отнести эти курганы к эпохе бронзы.

Разведки в Первомайском районе были сосредоточены в долине ныне высохшей древней реки Чатырлык. В нижней части Чатырлыкской долины было обнаружено несколько стоянок эпохи бронзы на нижних надпойменных террасах близ селений Долинки, Орловского, Красный Октябрь. Одна стоянка обнаружена на левом берегу у большого кургана к северу от дороги из Раздольного в Красно-Перекопск.

На правом берегу Чатырлыка, близ с. Красный Октябрь, на имеющейся здесь стоянке был собран только кремневый материал — отщепы и обломки ножевидных пластинок. Выходы и естественные залегания кремня в данном районе отсутствуют.

Примерно в 100 м к СВ от д. Долинки, на правой надпойменной террасе также был собран кремневый материал и фрагменты керамики эпохи бронзы. Следы поселения тянутся узкой полосой в 10 м ширины вдоль берега р. Чатырлык в направлении к д. Павловке на протяжении около 1 км. Среди керамики здесь преобладают обломки толстостенных лепных, плохо обожженных сосудов. Один фрагмент орнаментирован вдавлениями и точечными наколами, расположенными как по внешней стороне поверхности, так и по венчику с внутренней стороны. Наколы частично нанесены гребешком. Этот, по-видимому, древнейший фрагмент керамики на стоянке имеет поздненеолитический облик (рис. 2, 3). Судя по подъемному материалу, стоянку можно отнести к эпохе бронзы.

Против д. Новониколаевки по левому берегу надпойменной террасы

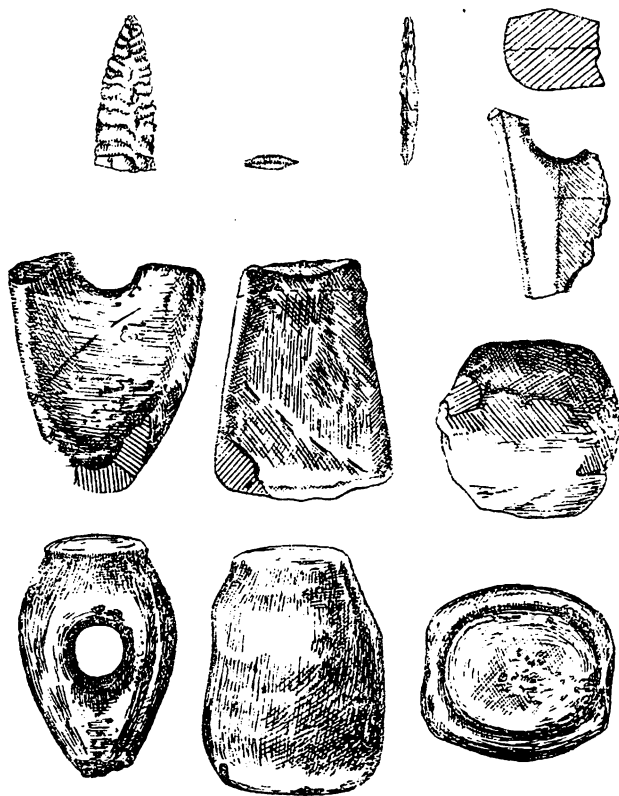

Рис. 1. Каменные шлифованные орудия и кремневый наконечник дротика из стоянок эпохи бронзы, открытых в Раздольненском районе

тянется стоянка протяженностью до 500 м, на которой были собраны отщепы кремня, кремневые орудия и мелкие обломки лепной керамики. Наряду с фрагментами эпохи бронзы здесь встречается и скифская лепная посуда.

Наличие в Чатырлыкской долине поселения эпохи бронзы свиде-

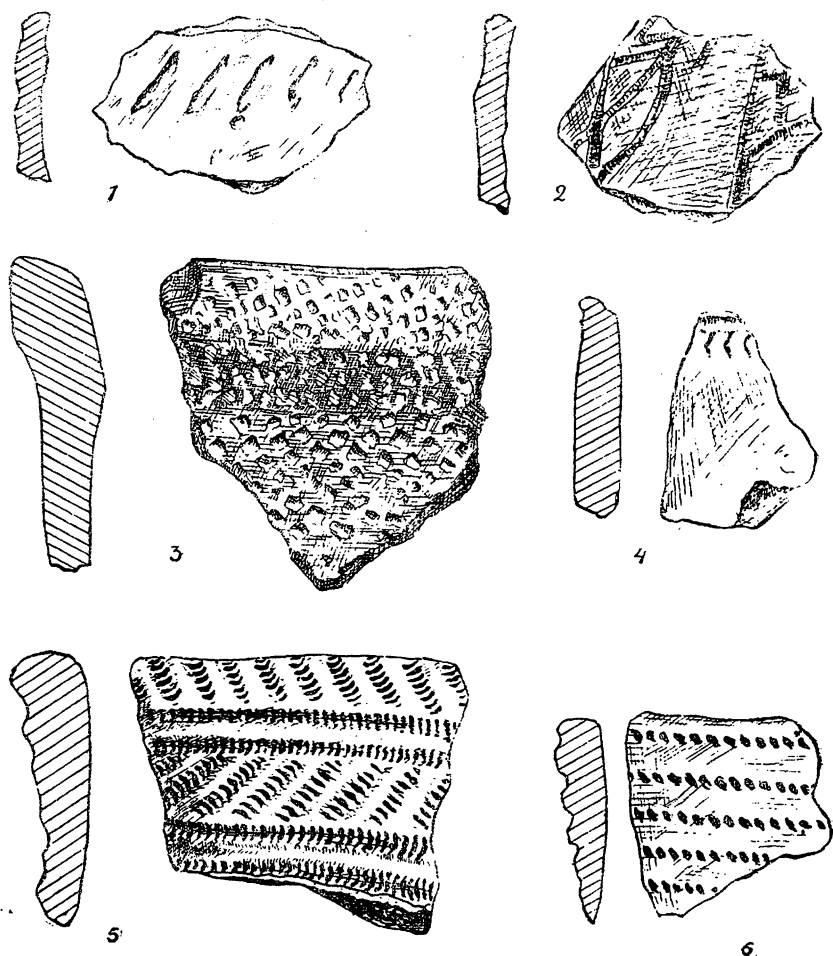

Рис. 2. Керамика эпохи бронзы из степного Крыма.

тельствует о том, что исчезнувшая ныне река протекала здесь ранее II тысячелетия до н. э.

В Джанкойском и Азовском районах стоянок эпохи бронзы не найдено.

По Нижнегорскому району протекают две самые большие реки Крыма — Салгир и Большая Карасевка (Биук-Карасу). Здесь естественно было бы предполагать наличие стоянок первобытного человека. Однако разведки на берегах этих рек, окрестных ручьев, оврагов и балок не увенчались успехом. Только вблизи устья Салгира, в 2 км к востоку от правого берега, была обнаружена очень интересная стоянка эпохи бронзы. Она находится вблизи группы курганов, расположенной в 150 м от берега Салгира, и тянется полосой шириной в 10—12 м на протяжении

60—70 м. На поверхности собрано много фрагментов лепной керамики, кремней, костей животных. Несколько фрагментов лепных сосудов имеют орнамент, нанесенный штампом (рис. 2, 5—6). На внешней и внутренней поверхностях многих черепков имеются следы штриховки. Материал, из которого сделаны сосуды, — глина с примесью мелких зерен кварца. По характеру и орнаменту керамики стоянку можно отнести к катакомбной культуре эпохи бронзы. На длинном кургане близ стоянки найдены также обломки аналогичной керамики.

Памятники скифо-сарматской эпохи в исследованной местности представлены большим количеством скифских курганов. На границе Раздольненского и Черноморского районов, близ д. Владимировки, обследовано скифское городище, обнаруженное в 1948 г. Евпаторийским отрядом Тавро-Скифской экспедиции (3). Городище расположено в 3 км к западу от Владимировки. Оно лежит на невысоком берегу морского залива на высоте около 4 м над уровнем моря. Значительная часть городища уничтожена вследствие происходящего здесь наступления моря на берег. Судя по береговому обресту, глубина культурного слоя в среднем составляет 1—1,5 м. С юга и востока городище ограждено каменной оборонительной стеной, сложенной из рваного белого плотного известняка. В сохранившейся части стена достигает 1 м высоты. Остатки ее прослеживаются в обресте берега.

На основании собранного на городище и в береговых обрестах материала можно полагать, что городище возникло в III в. до н. э. и прекратило существование в III—IV вв. н. э.

В Раздольненском районе находится много скифских курганов. Принадлежность многих из них к скифо-сарматской эпохе определялась при наружном осмотре по подъемному материалу и по конфигурации насыпи курганов. Скифские курганы Крыма, в отличие от курганов эпохи бронзы, имеют, как правило, очертания, приближающиеся к полусферическим, и более крутые склоны. Это наблюдение подтверждается раскопками двух курганов в Раздольненском районе, произведенными местными жителями.

В 1952 г. нами была произведена зачистка поврежденного ранее раскопками местных школьников курганного погребения в 2,5 км к ЮЮЗ от с. Славного. Здесь на глубине 1,5 м в незатронутом прежними раскопками грунте были найдены остатки мужского костяка в вытянутом положении, ориентированного головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. При зачистке дна могильной ямы в северной части раскопа, у левого бедра погребенного было обнаружено углубление. По-видимому, на этом месте лежал горит (колчан). Здесь же было найдено несколько бронзовых трехгранных втульчатых наконечников стрел.

В Раздольненском районе было осмотрено также несколько небольших курганов и один сравнительно большой — высотой 3 м и диаметром 40 м (у с. Коммунарного). На его вершине найдена нижняя часть известняковой стелы с остатками изображения ног, обутых в остроконечные сапожки и опирающихся на сегментовидную подставку. Фигура была обращена лицом на восток. До уровня сегментовидного выступа стела была вкопана в землю.

Курганы Раздольненского района тянутся с ССВ на ЮЮЗ двумя параллельными полосами, из которых одна простирается вдоль Каркинитского залива, а другая отстоит от нее к югу на 12—18 км.

Как видно из сказанного, Раздольненский район при дальнейшем более детальном археологическом исследовании обещает дать много материала из стоянок и курганов различных эпох.

Признаков поселений и городищ скифо-сарматской эпохи в Перво-

майском районе не оказалось, хотя в более древних стоянках наряду с фрагментами керамики эпохи бронзы попадались и скифские черепки. На высоком левом берегу Чатырлыка в Первомайском районе, против д. Долинки, по краю верхней надпойменной террасы расположен курган, сильно поврежденный оборонительными сооружениями времен Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. При зачистке траншеи выявлен костяк, лежащий в вытянутом положении головой на ЮЗ. У левого бедра найдены две сердцевидные бронзовые выпуклые бляшки (рис. 3, 1), а у левого — одна, — по-видимому украшение от ремня. Поблизости подобраны обломки плоскодонного скифского лепного горшка с носиком (рис. 3, 2) он, по-видимому, к данному погребению не относится. Найдены также мелкие обломки железного предмета, вероятно, меча. Судя по бронзовым выпуклым сердцевидным украшениям, погребение относится к позднесарматскому или, может быть, даже к раннесредневековому времени.

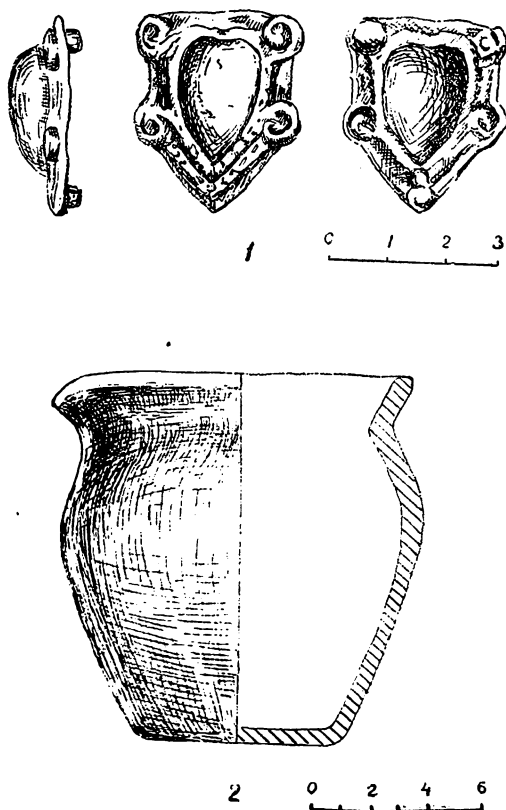

Рис. 3. Вещи из кургана близ дер. Долинки, Первомайского района:

1 — бронзовая бляшка; 2 — лепной горшок с носиком.

В Нижегородском районе — в долинах Салгира и

Б. Карасевки, так же как и в прилегающих к ним частях степной равнины, поселения скифо-сарматской эпохи обнаружены не были. На остальной территории Нижегородского района обнаружено несколько групп больших курганов. Самый крупный из них имеет высоту 5,5 м и диаметр 84 м.

На берегу Сиваша, в 3 км от правого берега устья Салгира на ЮВ, было обследовано небольшое земляное турецкое укрепление XVII—XVIII вв. Оно имеет в плане форму квадрата со сторонами 50 м и высоту в восточной части до 5 м над уровнем моря; к западу высота постепенно понижается. Укрепление с запада и юга окаймлялось заливом Сиваша, служившим естественной защитой от нападения со стороны степи. С этого укрепления хорошо просматривались Сиваш и Арабатская стрелка; оно имело, вероятно, сторожевой характер.

От Нижегородска на юго-восток до пос. Советского и далее до с. Фронтного обнаружено и зарегистрировано большое количество курганов.

Из них самый большой, носивший ранее название Кари-оба, у д. Софиевки, имеет высоту 5,8 м и диаметр до 100 м.

Собранный при разведке 1952 г. материал существенно дополняет данные предварительных рекогносцировочных работ Северо-Крымской экспедиции 1951 г. На основании этого материала и в результате ознакомления с характером памятников, их топографией и физико-географическими особенностями местности можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Заселение человеком крымских степей происходило в основном начиная с эпохи бронзы. Находки неолитического времени единичны, однако возможность наличия на этой территории временных стоянок эпохи камня не исключена. Поиски в этом направлении, особенно на стыке степной и предгорной зон, как, например, в районе Белой Скалы (Ак-кая), Белогорского района, могут дать материалы и палеолитического времени.

Курганы эпохи бронзы в Крыму много. Некоторые из них достигают больших размеров — до 5—6 м высоты. Розыски и изучение культур неолита и бронзы в еще мало исследованной степной части Крыма необходимо продолжить.

2. В скифо-сарматскую эпоху население крымских степей вело также преимущественно кочевой образ жизни. Постоянные крупные скифские поселения и городища в пройденных нами участках степей отсутствуют. Исключение составляет описанное выше приморское городище на границе Черноморского и Раздольненского районов. Скифских курганов и впускных погребений скифского времени в степях Крыма насчитывается большое количество; средневековых курганов, по-видимому, меньше.

3. В средневековую эпоху население степного Крыма также по преимуществу еще не перешло к оседлому образу жизни. Раннесредневековых поселений в обследованных районах пока не обнаружено. Собранный материал, относящийся к этому времени, представляет собою единичные керамические находки. Только в конце средневековья на этих участках крымской степи появляются признаки оседлости, представленные татарскими селищами, запрудами, могильниками и турецкими оборонительными сооружениями. Заселение крымских степей и их освоение приняло широкий размах лишь после присоединения Крыма к России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев М. К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области, сборн. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1956.
2. Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции, «Сов. Археология», III, 1937.
3. Шульц П. Н. Отчет о разведочных работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г., Архив Инст. ист. мат. культ. Академии наук СССР и Крым. фил. Академии наук УССР.
4. Шульц П. Н. О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму, Изв. Крым. отд. Геогр. о-ва СССР, в. 2, 1953.

Р А З Д Е Л 5

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

И. Т. ТВЕРДОХЛЕБОВ

К ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ СЛОВАКИИ

Народно-демократическую Чехословакию населяют чехи и словаки — две дружественные самобытные славянские нации, издавна связанные общностью исторических судеб, близостью языка и культуры. Чешский и словацкий народы не раз объединялись для борьбы с иноземными захватчиками, за освобождение от национального и социального гнета.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России национально-освободительное движение чешского и словацкого народов поднялось на новую ступень, что привело к образованию в 1918 г. Чехословацкой республики. Однако в буржуазно-помещичьей Чехословакии не была признана самобытность словацкого народа. Чешская буржуазия, господствовавшая в стране, низвела Словакию, по сути дела, на положение внутренней колонии, превратила ее в аграрно-сырьевой придаток и резерв дешевой рабочей силы промышленно-развитых чешских областей. Все это привело к тому, что за 20 лет буржуазной республики Словакия по уровню экономического развития не только не приблизилась к чешским областям, но еще больше отстала от них.

Подлинное национальное равноправие словацкий народ получил лишь после установления народно-демократического строя, успешно выполняющего функции диктатуры пролетариата. Коммунистическая партия и народное правительство Чехословакии, руководствуясь принципами марксистско-ленинской национальной политики и великим опытом Коммунистической партии Советского Союза по разрешению национального вопроса, укрепляют дружественное сотрудничество чехов и словаков, осуществляют практические меры по ликвидации экономической и культурной отсталости Словакии. Эти меры выражаются, прежде всего, в плановой социалистической индустриализации Словакии, проводимой в соответствии с новыми задачами размещения производительных сил Чехословакии, строящей основы социализма.

Одиннадцать лет — небольшой период в развитии страны, но и за этот короткий промежуток времени для хозяйственного и культурного прогресса Словакии сделано больше, чем за весь период ее развития в условиях капитализма. Ранее отсталая, аграрная Словакия с помощью братского чешского народа и при повседневной поддержке великого Советского Союза стала индустриально-аграрной страной.

Настоящая статья имеет целью обрисовать основные черты геогра-

фии населения Словакии. При этом особое внимание уделено, насколько позволяют имеющиеся фактические данные, тем изменениям, которые произошли и происходят в географии населения в результате коренных народно-демократических преобразований и развернувшегося социалистического строительства.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Подавляющее большинство населения Словакии составляют словаки, относящиеся к западным славянам. Из всех славянских народов наиболее близки словакам чехи. Близость чехов и словаков выражается, прежде всего, в родстве их языков. Однако это родство не означает (как утверждали чешские буржуазные националисты), что словацкий язык является наречием чешского языка. Имеется ряд весьма существенных особенностей, отличающих словацкий язык от чешского, в частности, обилие гласных звуков и более сохранившийся старинный славянский словарный фонд. Конечно, нельзя отрицать общности развития словацкого и чешского языков в древности и в период раннего средневековья, а также того влияния, которое оказал чешский язык на развитие словацкой культуры в период, предшествовавший созданию словацкого литературного языка¹. После того как в середине XIX века был окончательно создан словацкий литературный язык, его развитие пошло самостоятельным путем, о чем свидетельствует обширная словацкая литература.

Чешская буржуазия довоенной Чехословакии использовала языковое родство чехов и словаков в своих корыстных интересах, отрицая самобытность словацкой нации и ее право на национальную автономию. С этой целью была создана «теория» единой чехословацкой нации. Ложность этой «теории» очевидна; даже если бы словаки имели общий язык с чехами, то и тогда, при наличии у каждого из этих народов своей собственной территории, особо сложившейся экономической жизни и своей национальной культуры, нельзя было бы отнести эти народы к одной нации. Практически «теория» чехословацкой нации выражалась в пренебрежительном отношении к национальным чувствам словаков со стороны правящих чешских кругов, в умышленной задержке экономического и культурного развития Словакии. Это облегчало развитие националистических тенденций среди буржуазных слоев словацкого населения и способствовало разобщению двух родственных славянских наций.

Только в условиях народно-демократического строя, на основе марксистско-ленинской национальной политики, была восстановлена историческая правда: словацкий народ был признан самобытной нацией. Равноправие чехов и словаков законодательно закреплено в чехословацкой конституции, статья второй которой гласит: «Чехословацкая республика — единое государство двух равноправных наций — чехов и словаков». Конституция закрепила право словацкого народа на национальные органы власти. Носителем и исполнителем государственной власти Сло-

¹ Долгое время словаки не имели литературного языка и пользовались чешским языком. Но в повседневной жизни словаки употребляли свой родной язык в различных наречиях. Еще в конце XVIII века были попытки создания словацкого литературного языка. Но только в середине XIX века одному из крупнейших деятелей словацкого национального движения Людовиту Штуру (1815—1856 гг.) удалось решить проблему создания национального литературного языка. За основу словацкого литературного языка Штур взял среднесловацкое наречие — одно из самых звучных и выразительных.

вакии и одновременно представителем самобытности словацкого народа являются словацкие национальные органы, которые обеспечивают в духе народной демократии равноправие чехов и словаков. Равноправие и сотрудничество чешского и словацкого народов составляют прочный фундамент развития народно-демократической Чехословакии. Перед словацким народом, в содружестве и братстве с чешским народом, открылись широкие возможности для невиданного ранее развития экономики и культуры.

В словацком языке различают три основных наречия: западнословацкое, среднесловацкое и восточнословацкое. Западнословацкое наречие распространено в западной части Словакии, в бассейнах рек Вага и Нитры, ограничиваясь на востоке приблизительно горными районами Малой Фатры, Жиара, Втачника и горами Трибец. Это наречие характеризуется наличием ряда черт, общих с чешским языком. Среднесловацкое наречие, как уже отмечалось, является наиболее близким наречием к словацкому литературному языку. Восточная граница его распространения проходит условно по реке Слане и верхнему течению рек Черный Ваг и Попрад. К востоку от указанной границы распространено восточнословацкое наречие. Оно сложилось в результате неполного усвоения местным украинским населением словацкого языка. На нем говорят так называемые сотаки — ословаченные украинцы. Таким же образом сложилось менее распространенное северное (горальское) наречие, носящее на себе следы влияния польского языка. На этом наречии говорят горалы, проживающие в районе горной Кисуцы, в северо-западном предгорье Западных Бескид, на Ораве, а также в северо-восточной части Жилинской и на северо-западе Кошицкой областей.

Среди деревенских словаков сохранились местные старинные обычаи, особенности в одежде, в убранстве жилья и т. д. Наблюдающиеся отличия в форме и цвете народной одежды связаны с различными условиями жизни в низменностях и в горах. В южных низменных районах форма и цвет одежды больше, чем на севере, подверглись влиянию нового времени. Здесь одежда большей частью изготавливается из фабричных тканей. В горных же районах все еще в значительной мере используются дмотканное белое сукно и полотно. На севере одежда соответствует более суровым климатическим условиям, сшита она проще, вышивок меньше, и они не такие яркие, как на юге. В свою очередь внутри этих двух основных областей имеются самые разнообразные отличия в форме, узорах и яркости красок, особенно женской одежды.

В бытовом и культурном отношении к словакам близки проживающие в Словакии закарпатские украинцы, принадлежащие большей частью к национальной группе лемков. Часть украинцев переселилась в Закарпатскую область Украинской ССР, согласно договору между СССР и Чехословакией республикой по обмену населения. По данным 1950 года, в Словакии насчитывалось около 160 тысяч закарпатских украинцев. Они заселяют северо-восточную часть Словакии и образуют так называемую Прешовскую Украину. Южная граница сплошного расселения украинцев проходит от горного массива Спишская Магура через Бардеев и Стропков к Снине. К югу от этой границы украинское население составляет ряд небольших островов в массе словаков. Кроме украинцев, в районах Прешовской Украины и других соседних с ней районах восточной части Словакии живут сотаки. Хотя они и относятся к словакам, но у них сохранилось еще много черт украинской национальности.

Из других национальностей наиболее многочисленны венгры и цыгане. Усиленная колонизация венграми Словакии началась в середине

XVI века и продолжалась до конца XVII века. Под натиском турок венгры бежали в северные районы Среднедунайской низменности, вытесняя словаков в горные районы. С начала XVIII века число венгров стало уменьшаться за счет обратного их переселения во внутренние районы Венгрии. По переписи 1950 года в Словакии проживает 580 тысяч венгров. Основная масса венгерского населения сосредоточена к югу от линии, проходящей через Сенец — Галанту — Нове Замки — Левице — Модрый Камень — Лученец — Римава Собота — Рожняву, и далее до юго-западной границы Кошицкого сельского административного района. В Потисской низменности венгры живут к югу от линии Словенске Нове Место — Вельке Капушани.

Почти во всех административных районах Словакии, особенно на низменности, можно встретить цыган, которых по данным 1947 года насчитывалось 84 тысячи человек¹. Таким образом, против 1930 года количество цыган увеличилось почти в два с половиной раза. Такое увеличение цыган объясняется лишь отчасти естественным приростом. Основу увеличения составили цыгане воссоединенной южной части Словакии, куда они переселились из внутренних районов Венгрии в годы войны. За последние годы значительная часть цыган перешла на оседлый образ жизни, поселилась на окраинах сел и городов и занимается производительным трудом.

В небольшом числе в селах, севернее Братиславы, проживают хорваты, переселившиеся сюда во время турецких войн в XVI веке. Вблизи Братиславы есть ряд сел, населенных болгарами, которые занимаются огородничеством. До второй мировой войны в Словакии проживало около 150 тысяч немцев, переселившихся в горнорудные районы в средние века. После второй мировой войны они выселены, как и судетские немцы, в Германию.

В городах, особенно в западной части Словакии, встречаются чехи. Их число непрерывно растет за счет приезжающих на новостройки из чешских областей специалистов высшей и средней квалификации, а также квалифицированных рабочих.

В народно-демократической Чехословакии национальные меньшинства пользуются равными правами с чехами и словаками. На венгерском и украинском языках издаются газеты и журналы, выпускаются книги. В районах с компактными группами венгерского и украинского населения обучение в школах ведется на родном языке. В Братиславском университете открыто отделение, на котором преподавание ведется на венгерском языке, а в Прешовском педагогическом институте есть украинский факультет. Созданы национальные театры — венгерский в г. Комарно, украинский — в г. Прешове.

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Первая перепись населения на территории Словакии была произведена в 1869 г. С тех пор переписи производились регулярно через каждые 10 лет вплоть до 1930 г. Намеченная на 1940 г. очередная перепись населения была проведена только на той части территории Чехословакии, которая не была оккупирована хортистской Венгрией. В послевоенный период в Словакии были произведены два учета населения: 4 октября 1946 г. и 30 июня 1948 г. 1 марта 1950 г. по всей Чехословакии проведена всеобщая перепись населения. Кроме того, в чехословацких

¹ Statisticky zpravodaj, № 10, 1948.

статистических периодических изданиях публикуются оценочные данные о естественном движении населения, по которым можно судить о том, как быстро сказываются результаты новых социально-экономических условий жизни на приросте населения.

Год переписи или учета населения	Население (в тыс.)		Плотность населения (на 1 кв. км)	
	Словакия	Чешские области	Словакия	Чешские области
1869	2467	7617	50	91
1880	2463	8222	50	104
1890	2580	8665	53	110
1900	2787	9372	57	119
1910	2921	11079	60	128
1921	2994	10009	61	127
1930	3324	10674	68	135
1947	3402 ¹	8763	70	111
1950	3542	9060	74	114

Из приведенных данных видно, что в период между первой переписью населения (1869 г.) и переписью 1921 г. население Словакии, вследствие большой эмиграции, в среднем возрастало за каждые 10 лет только на 4,9%, в то время как в чешских областях средний прирост составлял 6,3%. Иное положение наблюдается в последующее десятилетие, когда эмиграция из Словакии значительно уменьшилась. С 1921 по 1930 год население Словакии возросло на 11%, а в чешских областях только на 6,6%. В условиях народной власти, когда эмиграция совершенно прекратилась, население Словакии только за 1944—1950 гг. возросло почти на 6% против 2,4% в чешских областях.

Словакия вообще отличается более высоким естественным приростом населения в сравнении с чешскими областями и занимает по естественному приросту населения одно из первых мест в Европе.

В среднем за год ²	На 1000 человек населения					
	Словакия			Чешские области		
	рождае- мость	смерт- ность	естеств. прирост	рождае- мость	смерт- ность	естеств. прирост
1901—1905 . .	38,1	26,4	11,7	33,6	23,5	10,1
1936—1940 . .	22,8	13,9	8,9	16,2	13,2	3,0
1946	24,2	14,0	10,2	22,1	14,1	8,0
1950	28,1	11,2	16,9	20,9	11,5	9,4
1955	—	—	17,7	—	—	—

¹ Исчисление на основе учета от 4 октября 1946 г.

² Составлено: по Statistická ročenka republiky československe. Praha, 1937, 1948; Statistická příručka Slovenska, Bratislava, 1948; Statistický obzor, № 5, 1951, № 3, 1956.

В послевоенные годы в Словакии, как и в чешских областях, в новых социально-экономических условиях, благодаря непрерывному улучшению материального и культурного уровня населения, резко возрастает естественный прирост. При этом он, как и ранее, более высок, чем в чешских областях. Характерно, что одновременно с ростом рождаемости сильно уменьшилась и смертность, которая к 1950 г. достигла самой минимальной величины за все предшествующие годы и почти не отличается от таковой в чешских областях. Это лишний раз подтверждает, что жизненный и культурный уровень населения Словакии быстро приближается к уровню населения чешских областей.

При рассмотрении естественного прироста населения довоенной Словакии бросается в глаза большая разница его с фактическим приростом. В среднем, за последние 100 лет, естественный прирост населения ежегодно превышал более чем в два раза фактический. Основной причиной такого несоответствия являлась эмиграция словаков в другие страны, обусловленная тяжелым экономическим положением словацкого крестьянства. Нищета, малоземелье и безземелье, при недостаточном развитии промышленности, вынуждали массы крестьян покидать свою родину и отправляться за границу в поисках работы.

Начиная с конца 50-х годов прошлого века, эмиграция словаков с каждым десятилетием все больше и больше возрастала и в первом десятилетии XX века достигла наибольшего размера. За 10 лет, с 1900 по 1910 г., из Словакии эмигрировало около 300 тысяч человек, т. е. более чем 10% всего населения того времени. Основную массу эмигрантов давали горные районы северной и восточной частей Словакии.

Прерванная первой мировой войной эмиграция в послевоенные годы возобновилась и, несмотря на введенные в ряде государств ограничения в допуске эмигрантов, составила за десятилетие, с 1921 по 1930 г., около 200 тысяч человек. При этом наряду с постоянной эмиграцией происходила также сезонная эмиграция сельскохозяйственных рабочих. Ежегодно десятки тысяч безземельных и членов семей малоземельных крестьян отправлялись на полевые работы в сельскохозяйственные районы Венгрии и Австрии.

В условиях буржуазной Чехословакии, кроме внешних переселений, наблюдался отход словаков в чешские области, как на постоянное местожительство, главным образом, в угледобывающие и текстильные районы, так и на сезонные сельскохозяйственные работы.

В народно-демократической Словакии в результате широкого развертывания производительных сил, ликвидации безработицы и коренного улучшения материального и культурного уровня трудящихся не только прекратилась эмиграция, но и наблюдается частичная реэмиграция. Особенно значительный приток словаков на родину был в первые послевоенные годы. В итоге всех внешних переселений, после частичной реэмиграции в послевоенные годы (до конца 1947 г. около 160 тысяч словаков возвратились на родину, преимущественно из Венгрии, Румынии, Франции), в настоящее время за пределами Словакии, не считая чешских областей, проживает около 1 млн 200 тысяч словаков. Наибольшее количество их сосредоточено в США (около 500 тыс. человек), Венгрии (338 тыс. человек) и значительно меньшее число в других странах Европы и Америки¹.

Положение словаков, проживающих за границей, далеко неодинаково. В то время как в Венгерской и Румынской народных республиках словаки являются равноправными гражданами и им предоставлено право

¹ Zémeπισný magazin, № 13, 1948.

развивать свою национальную культуру, в капиталистических странах они составляют бесправное национальное меньшинство. Особенно тяжело живется словакам в США, где они испытывают чудовищный гнет монополистов, подвергаются дискриминации, постоянно терпят унижения и оскорбления. Американские расисты всеми мерами препятствуют словацким переселенцам, как и другим переселенцам из славянских стран, развивать свою национальную культуру, не дают учиться на родном языке, подвергают преследованиям и гонению прогрессивных словацких общественных деятелей.

РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

По переписи 1950 г. плотность населения Словакии равна 74 человека на 1 кв. км, что меньше, чем в чешских областях, где плотность населения на это же время составляла 114 человек. Однако, если учесть соотношение сельскохозяйственной площади и сельскохозяйственного населения отдельно в Словакии и в чешских областях, то получается совершенно иная картина. В Словакии, по данным 1948 г., на 1 кв. км сельскохозяйственной площади приходилось 57 чел., а в чешских областях только 37. Наблюдавшаяся в довоенные годы в Словакии аграрная перенаселенность объяснялась не недостатком земли, как это утверждали чешские буржуазные экономисты, а, прежде всего, неравномерным ее распределением между отдельными группами землепользователей, отсталыми формами и низкой производительностью труда в сельском хозяйстве. Кроме того, слабое развитие промышленности вынуждало в Словакии держаться за землю в два с лишним раза больше населения (в % всего населения), чем в чешских областях.

В народно-демократической Словакии уничтожение относительной аграрной перенаселенности идет по трем основным направлениям: 1) перераспределение земли по принципу «земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает»; 2) организация новых, социалистических форм труда и повышение производительности сельского хозяйства на основе широкого применения механизации и новейших достижений агротехники; 3) индустриализация страны и плановый перевод значительного количества сельскохозяйственного населения в промышленность.

По областям Словакии плотность населения по переписи 1950 г. неодинакова и, в зависимости от историко-экономических и естественно-географических факторов, отличается от средней по стране. Наибольшая плотность имеет место в областях: Братиславской (116 чел. на 1 кв. км) и Нитранской (88 чел.), наименьшая—в Кошицкой (64 чел.) и Прешовской (54 чел.). В Братиславской и Нитранской областях сосредоточено более 1,5 млн человек (42% населения Словакии) на площади 15,5 тыс. кв. км (38,6% территории Словакии). Более высокая плотность населения Братиславской области, в сравнении с Нитранской, объясняется наличием там самого крупного в Словакии города — Братиславы. Из всех административных районов Словакии наибольшую плотность имеют богатые сельскохозяйственные районы Нитранской области—Нове Замки, Нитра и Шаля, где она превышает 120, а в Нове Замки даже 130 человек на один кв. км.

Несмотря на то, что в Жилинской и Кошицкой областях обрабатываемая площадь земли занимает гораздо меньшую часть их территории по сравнению с Банскабистрицкой и Прешовской областями, первые две области более густо населены вследствие наличия там сравнительно развитой промышленности и ряда довольно крупных промышленных центров.

Более густо заселены низменности, где плотность населения значительно превышает среднюю по стране; реже населены котловины, плотность в которых примерно равна средней по стране; наиболее редко заселены горные массивы. Однако это справедливо только в общих чертах, в частности же наблюдаются значительные различия, обусловливаемые степенью развития производительных сил и наличием важных путей сообщения. Так, например, развитие горнорудной промышленности послужило основой для сравнительно густого заселения Штиавницких и Кремницких гор, где плотность населения достигает средней по стране.

Следует отметить, что горные районы Словакии заселены гораздо гуще в сравнении с другими горными странами. Это явление лишь отчасти объясняется более благоприятными условиями для заселения словацких гор, а главным образом, вытеснением словаков иноземными завоевателями из низменностей в горные районы.

Народно-демократическая Словакия существует немногим более 10 лет, и еще рано говорить о коренных изменениях в размещении ее населения, но уже видны значительные сдвиги. Они непосредственно связаны с важнейшими политическими и экономическими изменениями в жизни страны, с переходом на плановое развитие народного хозяйства и выражаются в уменьшении плотности сельского населения в горных районах Словакии в результате переселения части их населения в плодородные низменности и растущие новые промышленные центры.

В первые послевоенные годы свыше 100 тысяч крестьянских семей из горных районов северо-западной части Словакии были переселены в чешские области на место выселенных в Германию немцев. В эти же годы несколько десятков тысяч крестьянских семей переселилось из горных районов северной и средней частей Словакии в районы Подунайской низменности на земли, конфискованные у предателей и изменников словацкого народа.

Особенно благотворно сказывается на новом размещении населения Словакии социалистическая индустриализация и связанное с ней новое размещение производительных сил. На многочисленные социалистические стройки в плановом порядке переводятся десятки тысяч членов крестьянских семей, которые после окончания строительства обычно остаются работать на новых промышленных предприятиях.

Плановый процесс нового размещения населения идет по двум основным направлениям. Первое, главное направление — перемещение сельского населения в растущие промышленные центры внутри данной области или данного района, второе — перевод резервной рабочей силы из одной области в другую. Так, например, из Прешовской области резервная рабочая сила перемещается в промышленные центры других областей Словакии, а также в угледобывающие районы чешских областей. Плановое перемещение населения ведет к уменьшению плотности сельского населения, к быстрому росту городского населения.

КЛАССОВЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

В результате проведения революционных народно-демократических преобразований и успешного продвижения Чехословакии по пути к социализму сильно изменился классовый и социальный состав населения Словакии. Справедливая аграрная реформа, национализация промышленности и банков лишили эксплуататорские классы экономической базы и привели к ликвидации помещиков и капиталистов. Основными классами Словакии, как и всей Чехословакии, являются рабочий класс и трудовое

крестьянство. Ускоренные темпы развития промышленности на основе социалистической индустриализации вызвали количественный и качественный рост словацкого рабочего класса. В настоящее время (1956 г.) в промышленности и строительстве занято около 30% населения Словакии против 18,8% в 1937 г. Выросла политическая сознательность и активность словацкого рабочего класса, являющегося ведущей силой в строительстве социализма. Одновременно из года в год уменьшается доля населения, занятого в сельском хозяйстве. До войны в сельском хозяйстве Словакии было занято 56,8% всего населения, а в 1955 г. — 40,0%¹.

В соответствии с классовой политикой народной власти в деревне (опора на крестьянскую бедноту, тесный союз с середняком и постоянная борьба против кулака) с каждым годом все большее количество трудящихся крестьян вступает в единые сельскохозяйственные кооперативы, которые вместе с государственными хозяйствами и МТС представляют социалистический сектор в сельском хозяйстве. В настоящее время (1956 г.) этот сектор дает более 40% всей сельскохозяйственной продукции Словакии. Одновременно с кооперированием трудящихся крестьян успешно осуществляется политика вытеснения и ограничения кулачества — последнего эксплуататорского класса. В результате успешного продвижения страны по социалистическому пути непрерывно растет доля населения, занятого в социалистическом секторе народного хозяйства. Ломая бешеное сопротивление классовых врагов, словацкие трудящиеся успешно осуществляют под руководством Коммунистической партии социалистическое строительство, обеспечивающее быстрый подъем их материальных и духовных сил.

Велики успехи Словакии в развитии социалистической промышленности. В 1955 г. уровень промышленного производства 1937 г. превзойден в 5,4 раза. О быстром экономическом и культурном развитии словацкого народа свидетельствует рост доли Словакии в национальном доходе всей республики. Так, если в 1937 г. она составляла только 13,4%, то в 1955 г. достигла почти одной четверти. Все это создает необходимые условия для коренного улучшения материального благосостояния всех слоев трудового населения. Из года в год растет реальная заработная плата рабочих и служащих. В 1955 г. она превысила на 64% уровень 1949 г. В несколько раз выросли доходы трудового крестьянства, избавившегося от спекулянтов, банковской кабалы и других эксплуататоров².

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Чехословацкая статистика к городам относит все населенные пункты с числом жителей свыше 2 тыс. чел. Если исходить из такого условного критерия, то по учету населения 1948 г. в Словакии на долю городского населения приходилось 42,65% против 51,75% в чешских областях, на долю сельского — 57,35% против 48,25% в чешских областях³. В действительности же процент городского населения в Словакии значительно меньше, если брать за основной критерий род занятий населения.

Во многих населенных пунктах, именуемых городскими (особенно в юго-западной и юго-восточной частях Словакии), большинство самодельного населения занято не в промышленности и ремеслах, а в сельском

¹ „Pravda“, 16.V.1956.

² „Pravda“, 12.V.1956.

³ Zpravy statniho uradu statistického republiky československe, № 1—3, 1949.

хозяйстве. В то же время имеются (особенно в горнорудных районах) населенные пункты, относимые к сельским, хотя большинство их самостоятельного населения занято в промышленности. Правда, общее количество населения в такого рода поселениях невелико.

**Сравнительная величина населенных пунктов Словакии
по учету населения 30 июня 1948 г. ¹**

Населенные пункты с числом жителей	Количе- ство на- селенных пунктов	В них населения		Населенные пункты с числом жителей	Количе- ство на- селенных пунктов	В них населения	
		в тыс. чел.	в % к общему числу			в тыс. чел.	в % к общему числу
До 100	37	2,7	0,08	2001—5000	211	622,1	18,10
101—200	244	38,8	1,13	5001—10000	47	324,5	9,36
201—300	400	100,2	2,92	10001—20000	13	188,6	5,50
301—500	765	301,8	8,80	20001—50000	4	87,7	2,55
501—1000	1048	728,1	21,20	Свыше 50000	2	245,1	7,13
1001—2000	583	797,9	23,23				

Первое место по проценту городского населения занимает Братиславская область, за ней идут: Жилинская, Нитранская, Кошицкая, Банскабистрицкая и Прешовская. По проценту же населения, занятого в промышленности, на первом месте стоит Жилинская область, а за ней следуют Банскабистрицкая, Братиславская, Кошицкая, Нитранская и Прешовская. Это лишний раз свидетельствует о том, что критерий, по которому чехословацкая статистика выделяет городское и сельское население, весьма условный.

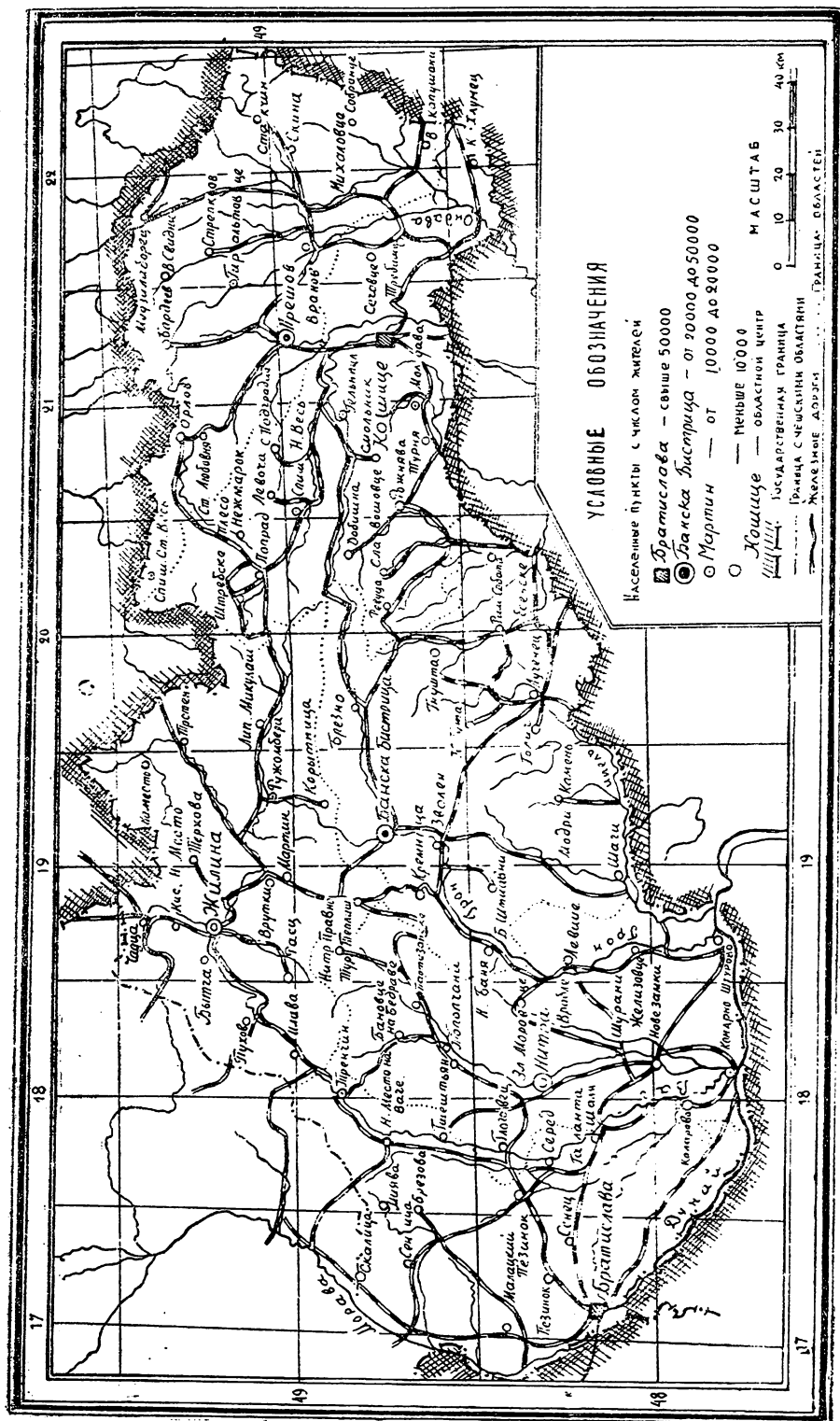
Словакия — страна небольших городов. Из 277 городских пунктов в 1950 г. имелось только 20 городов с населением свыше 10 тыс. человек, в том числе два города с населением свыше 50 тыс. человек. Преобладание в Словакии мелких городов является результатом низкого уровня развития промышленности в прошлом, а следовательно, слабого притока сельского населения в города, за счет чего они обычно растут. И это несмотря на то, что многие сельскохозяйственные районы, особенно в горной части страны, имели значительный избыток населения. Наиболее крупным и наиболее быстро растущим городом является Братислава — главный город Словакии и важнейший промышленно-транспортный и культурный ее центр.

В связи с индустриализацией страны и происходящим на ее основе плановым переводом сельского населения в растущие промышленные центры, наблюдается значительный прирост городского населения, что способствует дальнейшему повышению удельного веса рабочего класса в политической жизни Словакии.

ТИПЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Типы расселения в Словакии не отличаются большим разнообразием. В низменностях большинство поселений сосредоточено в долинах рек и речек. Особенно это характерно для северной и средней частей Подунай-

¹ Составлено по Krajska konferencia v Bratislave, Bratislava, 1949.

Обзорная карта Словакии.

ской и Потисской низменностей. В южных частях низменностей, как и в межгорных котловинах, в связи с близким к поверхности залеганием грунтовых вод, имеется много поселений и на водораздельных участках. На возвышенностях поселения обыкновенно располагаются в низовьях долин. В горных районах они сосредоточиваются в местах, наиболее удобных для поднятия в горы, обычно при устьях горных долин. Поселки шахтеров и лесорубов расположены, как правило, в местах наилучшего подхода к залежам полезных ископаемых и лесным массивам. На больших высотах в Западных Бескидах, где изобилие осадков в сочетании с водонепроницаемыми горными породами создает много горных рек, населенные пункты отступают с долин на горные склоны и даже на хребты.

Для некоторых районов Словакии как горной страны характерны разбросанные поселения. Они представлены отдельными дворами и маленькими деревушками и встречаются только в горных районах. В северо-западной части Словакии они возникли в результате первоначального освоения этих районов. В средней части Словакии разбросанные поселения образовались путем выхода отдельных дворов («выселки») из населенных пунктов, уже имевшихся в горных районах.

Разбросанные поселения имеют двоякую форму. В районе верхнего течения Оравы дома тянутся обычно по направлению долин на значительном отдалении друг от друга. В других местах более распространены маленькие деревушки из нескольких домов, возникшие в результате раздела первоначального участка на несколько наделов. Такие поселения беспорядочно разбросаны по горам и, как правило, носят родовые названия.

В горном поясе страны словацкий географ Ян Громадка выделяет четыре наиболее отчетливо выраженных района распространения разбросанных поселений¹.

1. Белокарпатский район охватывает восточную часть Мьявской возвышенности и Белые Карпаты до Вларского перевала. Населенные пункты здесь образованы в XVI веке беженцами от турецких преследований и носят название копаниц.

2. Западно-Бескидский район разбросанных поселений начинается на северной оконечности Белых Карпат и далее продолжается в Западных Бескидах до Спишской Магуры. В Яворниках и на Кисуце они именуются, как и в предыдущем районе, копаницами, а в остальной части Западных Бескид их называют роле. Роле населены горами.

3. В средней части Словакии, на возвышенности между горами Трибец, Гронский Иновец и Втачник, находится третий район разбросанных поселений, которые называются шталями.

4. Обширный район наиболее распыленных поселений, известных под названием лазов, раскинулся в западной части словацких Рудных гор. Он протянулся от Крупины через Детву до Тисовца.

Большинство населения проживает в населенных пунктах обычного типа.

Застройка сельских поселений обычно отличается неправильными очертаниями. При всех ее различиях она может быть сведена к трем основным видам. К первому, особенно часто встречающемуся, относятся поселения с чисто рядовой структурой, состоящие обычно из двух рядов плотно друг около друга поставленных построек, выходящих фасадами домов на улицу. Нередки деревни, где по середине широкой улицы течет река. Иногда улица состоит только из одного ряда домов. Это бывает чаще всего в тех случаях, когда река течет под горой и для второго ряда

¹ См. Všeobecná zémepis Slovenska, Bratislava, 1942.

не остается места. Второй вид составляют поселения, не имеющие определенных порядков и состоящие из нескольких застроенных участков с кривыми улицами между ними. Этот вид селений особенно широкое распространение получил в горных, расчлененных речными потоками долинах, а также там, где местные условия не позволяют селиться рядами. К третьему виду застроек относится небольшое количество поселений, в которых дома расположены по сторонам четырехугольной, овальной или круглой формы площади, от которой в радиальных направлениях расходятся дороги.

Переходным типом населенных пунктов (между селом и городом) является местечко (городок). Местечки возникли различным способом. Одни, главным образом старые, существуют еще со времен средних веков, другие образовались из угасших городов, и, наконец, третьи выросли из сел, которые в районах без городов стали административно-торговыми центрами.

В местечках только небольшая часть населения занята в промышленности, в ремеслах и торговле. Об этом, в частности, свидетельствует то, что около центральной площади или на главной улице больше домов городского типа, в то время как в большей части населенного пункта дома и хозяйственные постройки носят сельский характер. Некоторые местечки, благодаря своему выгодному географическому положению на шоссе и железных дорогах, переросли в города (Пухова, Илава, Галанта, Поважская Бистрица и др.). Особенно благоприятные условия для роста местечек создаются в настоящее время в связи с индустриализацией и строительством новых путей сообщений.

В народно-демократической Словакии широко развернулось жилищное и культурное строительство. Началась перестройка городов на основе правильной планировки. По-новому размещаются промышленные предприятия, пути сообщения, разбиваются парки, сады и скверы. Новые школы, больницы, дома культуры меняют прежний вид сельских поселений. Всюду сказываются на облике населенных пунктов результаты успешного строительства основ социализма.

ДОСТИЖЕНИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ СЛОВАЦКОГО НАРОДА

Словацкий народ имеет богатую историю национальной культуры. Многочисленные архитектурные памятники, живопись, скульптура, резьба по дереву, художественная керамика и другие произведения искусства свидетельствуют о высоком мастерстве словацких строителей, художников и скульпторов. Словацкий народ дал славянству и всему миру таких людей, как поэт и ученый Ян Коллар, ученый-славяновед и крупный общественный деятель Иосиф Шафарик.

Многовековое иноземное иго сильно тормозило развитие словацкой культуры. Однако, несмотря на принижение и национальный гнет, словацкий народ сохранил свою самобытность и культуру. Широкие горизонты для развития подлинно народной культуры на новой социалистической основе открылись лишь после освобождения страны Советской Армией и установления народно-демократического строя.

Особенно большие успехи достигнуты в области народного просвещения. Несмотря на то, что в буржуазной Чехословакии действовал закон о всеобщем начальном обучении, по переписи 1930 г. 7,3% жителей Словакии в возрасте старше 7 лет были неграмотными. Особенно высокий процент неграмотных наблюдался среди украинского населения, где он достигал 25—30%. Народная власть создала все необходимые условия для

осуществления всеобщего восьмилетнего обязательного обучения. За годы народной власти в Словакии построено более 300 новых школ. Количество учащихся в средних специальных заведениях в 1955—1956 учебном году увеличилось в три с половиной раза по сравнению с довоенным уровнем, в том числе в промышленных — в двенадцать с половиной раз.

До войны в Словакии было только одно высшее учебное заведение, в котором в 1937—1938 учебном году обучалось 2,9 тыс. студентов—детей помещиков, капиталистов и других эксплуататоров. В настоящее время, кроме значительного расширения Братиславского университета имени Коменского, открыто еще 11 вузов. Теперь высшие учебные заведения имеются во всех областных центрах Словакии. В 1956 г. в словацких вузах обучалось около 20 тысяч студентов, преимущественно детей рабочих и крестьян². Таким образом, народная власть успешно разрешила вопрос создания новой интеллигенции и обеспечения страны высококвалифицированными кадрами.

В 1952 г. открыта Словацкая Академия наук, объединившая и возглавившая научную работу в Словакии. Используя передовой опыт советской и мировой науки, словацкие научные учреждения и ученые разрешают насущные проблемы народного хозяйства. Большие успехи достигнуты во внедрении новых сельскохозяйственных культур—риса и хлопка, выведении новых сортов высокоурожайной пшеницы, льна-долгунца, новых высокопродуктивных пород крупного рогатого скота и свиней.

Одним из важнейших показателей роста культуры словацкого народа является непрерывное увеличение выпуска книг на словацком языке. В период венгерского господства словацкие книги выходили весьма редко и тиражом 300—500 экземпляров. В буржуазной Чехословакии книги издавались тиражом 500—2000 экземпляров. В 1941 г. общий тираж выпущенных книг в Словакии составил 700 тысяч экземпляров, в то время как теперь ежегодно выпускается более тысячи различных книг общим тиражом около 15 млн экземпляров. В Словакии выходит около 300 газет и журналов общим тиражом около 2,5 млн экземпляров.

Широкое развитие в новой Словакии получило театральное искусство. До освобождения в ней было только два профессиональных театра — в Братиславе и Кошицах, а теперь их насчитывается 15. В целях широкого распространения и популяризации музыкального искусства в Братиславе создана Словацкая филармония, пользующаяся заслуженной любовью словацкого слушателя. Широкую известность приобрел молодой коллектив словацкого ансамбля песни и пляски «Слук», созданный по типу советских музыкально-танцевальных коллективов. В 1952 г. он успешно выступал в Советском Союзе.

На протяжении многих веков словацкая культура развивалась в тесной связи с культурой братского чешского народа, но только сейчас, в условиях народно-демократического строя, культурная общность этих народов раскрылась во всей своей широте и полноте. Следуя великому примеру самой передовой в мире социалистической культуры народов Советского Союза, словацкий и чешский народы успешно развивают свою новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

¹ I. Hromadka. Vseobecna zémepis Slovenska. Bratislava, 1942.

² „Pravda“, 12.V.1956.

Р А З Д Е Л 6

**КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
И
ЗАМЕТКИ**

С. В. АЛЬБОВ

О КАРСТЕ В СТЕПНОМ КРЫМУ

Степной Крым характеризуется, в общем, равнинным рельефом; только в пределах Тарханкутского складочного поднятия местность имеет всхолмленный характер. В степном Крыму с поверхности распространены лессовидные суглинки различной мощности — от 5—10 до 20—30 м, причем наименее мощны суглинки Тарханкутской возвышенности. В большей части степного Крыма под суглинками залегают верхне- и среднеплиоценовые глинистые отложения, подстилаемые понтическими ракушечными известняками. Глубже находятся меотические, сарматские и другие отложения; последние на площади Тарханкутского поднятия местами непосредственно выходят на дневную поверхность, будучи представлены там различными известняками.

В известняках, подстилающих вышележащие породы в степном Крыму, местами наблюдаются хорошо выраженные явления карста. По данным буровых материалов, в пределах степной равнины Крыма в залегающих на различной глубине ракушечных известняках понта и меотиса бывали прсвалы инструмента на 0,10—0,60 м. На Тарханкутской возвышенности и на прилегающем к ней с востока Евпаторийском плато наблюдается довольно широкое развитие карста в известняках неогена. Понтические и меотические известняки Тарханкута закарстованы местами с поверхности на глубину до нескольких десятков метров. Карст в сарматских известняках распространяется местами на глубину до 100—120 м от поверхности; местами же вся толща понта, меотиса и сармата закарстована. В таких местах вся толща этих пород на глубину до 100 и более м от поверхности представляет как бы гигантское решето. В ракушечных известняках понта и меотиса под воздействием воды сильно увеличивается пористость и недревчатость, доходящая до растворения створок раковин. Местами известняки настолько выщелочены, что от них остались только кальцитовые столбики, по внешности напоминающие мох. В толще оолитовых известняков меотиса Тарханкута имеются небольшие грубчатые каналы и мелкие пустоты, часто располагающиеся в несколько ярусов. В некоторых горизонтах известняков они прослеживаются на значительных расстояниях. Чередование вертикальных и горизонтальных каналов и их расположение несколькими ярусами объясняется как различиями в литологическом составе этих известняков, так, весьма вероятно, и поднятием территории Тарханкута, происходившим с миоцена. В сарматских известняках Тарханкута преобладают несколько более крупные вертикальные и горизонтальные каналы. Последние протягиваются иногда на большие расстояния, порядка нескольких сотен метров и более. В сарматских известняках установлено также наличие небольших гротов и пещер.

По данным М. В. Муратова, на отдельных участках Тарханкута были периоды континентального режима еще в меотическое и понтическое время. В киммерийское и куяльницкое время на Тарханкуте господствовали континентальные условия. На понтических известняках здесь неравномерно залегают плиоценовые континентальные краснобурые глины. Карстообразование на отдельных участках Тарханкута должно было происходить еще в миоцене. В целом же Тарханкут начал расчленяться эрозией в послепонтическое время. Одновременно развивался карст, и эти процессы продолжались и в четвертичное время.

Таким образом, карст Тарханкута является частью миоценовым и плиоценовым, частью же он в течение четвертичного периода образовался вновь или развивался по путям, намеченным еще в миоцене и в послепонтическое время.

Карст в понтических и меотических отложениях Тарханкута связан в своем развитии частью с общим базисом эрозии в виде Черного моря, частью рядом местных базисов эрозии в виде озер и балок. Карст же сармата большею частью подчинен

общему эрозионному базису. При этом толща сарматских известняков закарстована местами до подстилающих нижнесарматских глин. Таким образом, карст Тарханкута, будучи на отдельных участках мелким, в целом может быть отнесен к типу глубокого карста. Наличие же местами ниш и пещер по берегу ниже уровня моря говорит об опускании некоторых участков Тарханкута в современную эпоху.

Представляет интерес вопрос о так называемом глиняном карсте в степном Крыму. Глиняный карст встречается кое-где в Средней Азии и в других засушливых местностях юга нашей страны. По литературным данным, он образуется на крутых склонах или в соседстве с обрывами, т. е. в условиях довольно значительного высотного расчленения рельефа. Возникновение его на равнинах крайне локализовано. В естественных условиях степного Крыма глиняный карст в лессовидных суглинках не наблюдается. Следует все же предполагать, что при изменении естественных условий в связи с большим увлажнением глиняный карст может местами проявиться в суглинках вместе с просадочностью. Это явление может быть связано с растворением водородом, гипса и поваренной соли, неравномерно содержащихся в суглинках, а также с некоторым при этом уплотнением суглинков. Примеры этому имеются в нашей стране.

По своей сущности глиняный карст стоит ближе к просадочным явлениям, чем к настоящим карстовым процессам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гапонов Е. А. Следы карстовых явлений в понтических известняках Укр. ССР, Сб. О. Одесс. Универс., т. 2, 1954.
2. Дзенс-Литовский А. И. Тарханкутский полуостров, Очерки по физической географии Крыма, вып. 2, М.—Л., 1938.
3. Заморий П. К. Геология и гидрохимия Сиваша, Тр. конф. по пробл. Сиваша, 1938.
4. Никифорова К. В. К вопросу о литогенезисе четвертичных отложений При-сивашья и Тарханкутского полуострова, Бюлл. Ком. по изуч. четв. пер., № 4, 1938.
5. Федорович Б. А. О роли карста в рельефе пустынь, Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР, Тр. Инст. Геогр. АН СССР. XIII, 2, 1949.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

ПОДЗЕМНАЯ ФОРМА КАРСТА БЛИЗ СИМФЕРОПОЛЯ

Из всех форм подземного карста наименее изученными являются пустоты и полости, не выходящие на поверхность, обнаруживаемые в результате провала их кровли или вскрываемые при земляных работах. Поэтому представляется интересным дать описание одного такого проявления подземного карста, наблюдавшегося нами в ноябре 1952 г. в окрестностях Симферополя, в с. Заводском.

Карстовая полость здесь была вскрыта случайно. При рытье колодца на приусадебном участке П. Ракова под метровым слоем почвы и подстилавшим его слоем плотного мергеля, который пришлось рубить киркой, обнаружился слой рыхлого мергеля. При дальнейшем углублении от удара киркой произошел обвал стенки колодца, образовалось отверстие, ведущее в какую-то полость; и вслед за этим где-то внизу в этой полости послышался шум падающих камней. При осмотре выяснилось, что здесь имеется вертикальная колодцеобразная пустота, которая в нижней части заканчивается узким боковым ходом. Дальнейшему осмотру пустота не подвергалась, и ее стали засыпать; при этом большая часть земли, выброшенной при рытье колодца, исчезла в боковом его отверстии.

Когда мне об этом стало известно, пустота уже частично была засыпана, и так как картина оставалась неясной, было решено произвести расчистку. После расчистки на дне вертикальной полости, обнаружившейся за отверстием в боковой стенке колодца, открылся боковой ход, уходящий наклонно вниз и забитый пробкой из крупных обломков мергеля.

При осмотре окружающей местности выяснилось следующее. Колодец находится

в саду, в части усадьбы, несколько понижающейся к ЮЗ. Наиболее низкая точка находится в 20—25 м к юго-западу от колодца. Здесь имеется небольшое понижение, которое тянется в направлении с ЮВ на СЗ. Ежегодно по этому понижению после таяния снегов, а в летнее время и после сильных ливней стремительно проносится с гор бурный поток; вода мчится в продолжение нескольких часов, а порой и нескольких дней. Глубина потока достигает 0,3 м, ширина 2—3 м; однако до местоположения колодца он не доходит. Диаметр колодца — 1 м 60 см, глубина вырытой его части — до 2,5 м

(рис. 1). В срезе колодца обнаружено следующее чередование слоев: 1) почвенный слой — 90 см; 2) слой плотного мергеля — 50 см; 3) слой рыхлого, слегка влажного мергеля белого цвета — 4 м; ниже последний значительно уплотняется. На глубине 2 м 25 см от современной поверхности в стенке колодца имеется пролом высотой в 1 м, связывающий колодец с карстовой пустотой. В срезе колодца над пустотой никакого смещения или нарушения слоев не наблюдается. На поверхности, над самым потолком карстового колодца растет старая гледичия.

Карстовый колодец в плане округлый, диаметр его — 140—145 см; в верхней части он заканчивается куполообразно, не доходя до дневной поверхности, примерно на 1 м 80 см. В куполе отверстия нет. Стены и, в особенности, потолок пустоты влажны и изрезаны многочисленными мелкими трещинами и бороздками, создающими впечатление чешуйчатости, причем чешуйки легко отслаиваются.

Общая глубина карстового колодца — 3,5 м; в нижней части он образует небольшую ступеньку и, суживаясь в диаметре до 0,5 м, под значительным наклоном поворачивает вниз в ЮЮВ направлении; у

входа в этот боковой ход нависает небольшой козырек из плотного мергеля. На этом же уровне слой рыхлого мергеля переходит в плотный. Длина бокового хода — 145—150 см, диаметр — 0,5 м. Ход приводит в небольшую подземную камеру, в плане удлиненного очертания с двумя небольшими отростками (рис. 1, IV). В потолке этой камеры имеются два небольших отверстия, диаметром в нижней части 10 см, которые, постепенно суживаясь, вверху сходят на нет. Во время осмотра высота камеры была около 2,5 м, наибольшая длина — также 2,5 м; второго хода камера не имела, хотя, возможно, он был погребен под слоем осыпавшихся

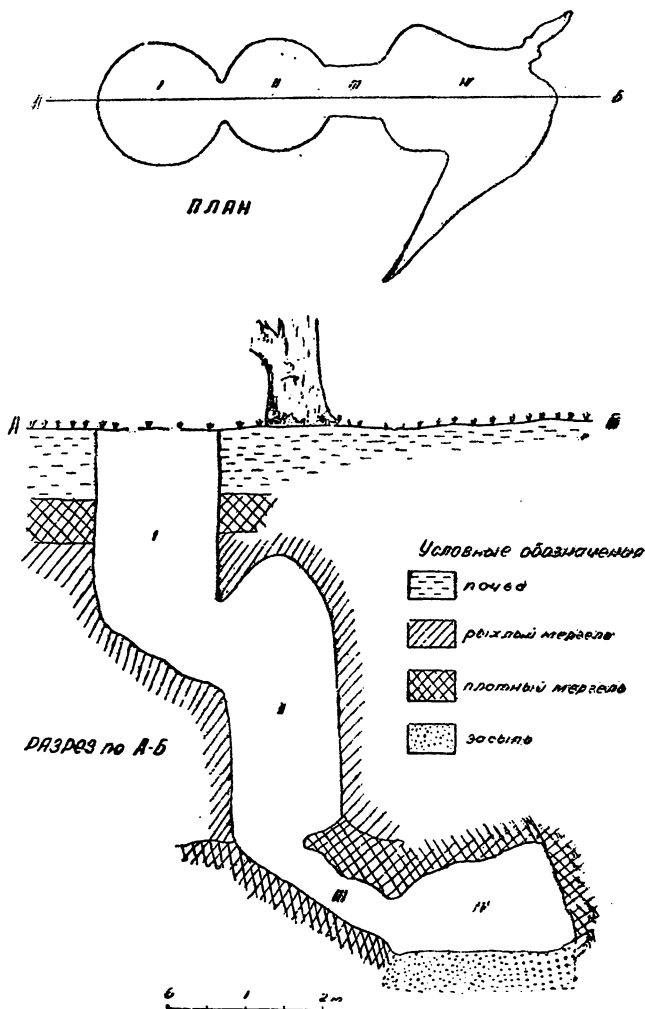

Рис. 1. План и разрез карстовой пустоты в сече
Заводском:

I. Искусственный колодезь. II. Карстовый колодезь.
III. Боковой ход. IV. Подземная камера.

ся сверху почвы и обломков мергеля. Следовательно, в данном случае обнаружен так называемый карстовый колодец коленообразной формы; как известно, такие формы карста развиваются по направлению сверху вниз, когда поверхностная вода, проникая по вертикальной щели, расширяет последнюю до тех пор, пока не встретит на своем пути горизонтальную трещину; устремляясь по ней, вода продолжает свою разрушительную работу в этом направлении, пока опять не встретит лучше выраженную вертикальную трещину, по которой устремляется снова вниз и т. д.

Однако в таких случаях колодец имеет обычно выход на дневную поверхность, а на стенах колодца имеются характерные борозды от стекающей сверху воды. В случае же, описываемом нами, верхняя часть колодца представляет собою замкнутую полость, значительно не доходящую до поверхности, и на стенах не наблюдается следов от стока воды. Возможно, что эта вертикальная полость образовалась в результате постепенного обрушения слабых участков кровли ниже расположенной подземной пещеры.

По рассказам старожилов, подобная карстовая пустота была обнаружена, также при рытье колодца, метрах в 300—350 к югу, в усадьбе жительницы с. Заводского Абламазовой.

Б. М. ГОЛЬДИН

О СЕЛЕВЫХ ПОТОКАХ В КРЫМУ

28 июня 1956 года, в результате ливня в Судакском районе, в бассейнах рек Шелен, Ворон и Ай-Серез прошли селевые потоки. Наибольшее количество селевых выносов наблюдалось у устьев балок с большими уклонами, рассекающих склоны речных долин. В этих местах образовались конусы выносов преимущественно веерообразной формы. Водно-каменные потоки переносили обломочный материал различного диаметра; камни наибольшего диаметра (60—70 см) составляли в среднем 30 — 35% всей массы конусов выносов.

Селевые выносы в бассейне реки Ворон после ливня
28 июня 1956 г.

В некоторых балках скорости течений селевых потоков были определены путем нивелировки уклонов и горизонтов высоких вод с последующими вычислениями при помощи гидравлической формулы Шези. Оказалось, что скорости течений составляли от 3 до 4 м/сек.

На устьевых участках, при впадении рек Ворон и Шелен в море (у села Морского), образовались косы. Длина косы в устье р. Ворон достигала 62 м, а в устье р. Шелен — 41 м.

Селевые потоки в Крыму наблюдаются в различных районах. Сравнительно редки они в Бахчисарайском и Куйбышевском районах, особенно часты в Судакском, Алуштинском и Ялтинском, в бассейнах рек Шелен, Ворон, Ай-Серез и Уснут; интенсивность их различна, но некоторые достигают чрезвычайной силы.

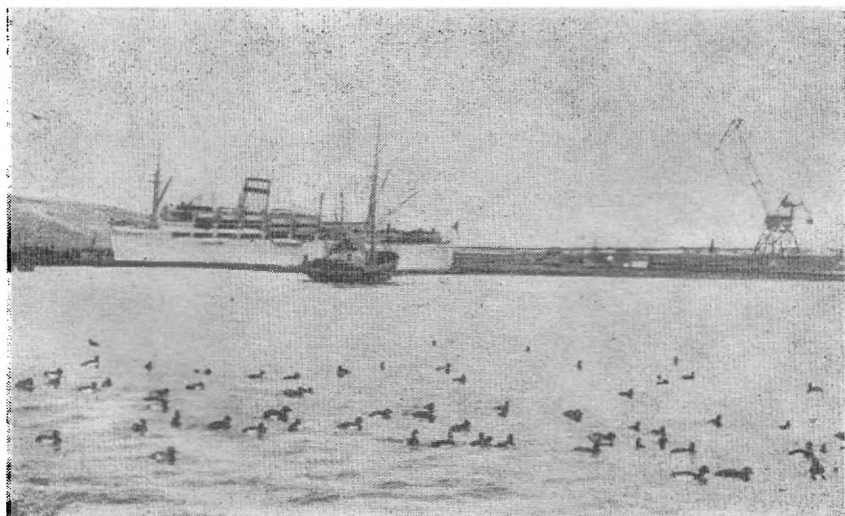
Следует отметить, что изучению селевых явлений и организации мер по борьбе с ними в Крыму до настоящего времени уделялось очень мало внимания. Поскольку селевые потоки систематически повреждают виноградники и сады, организация специальных комплексных исследований и разработка мер по предотвращению последствий селевых явлений заслуживают особого внимания, особенно в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июня 1956 года «Об увеличении производства и заготовок плодов, ягод и винограда».

Д. Я. БЕРЕНБЕЙМ и Б. А. ПЕРОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЖИВОТНЫМ МИРОМ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА В ЗИМУ 1953—1954 г.

Зима 1953—1954 года в Крыму была исключительно суровая. Хотя температура не приближалась так к многолетнему абсолютному минимуму, как это имело место зимой 1949—1950 года, но зато морозы держались необычно долго и снежный покров был очень глубок. Замерзли обычные места зимовки водоплавающих птиц — лиманы северо-западной части Черного моря, в результате чего большое количество птиц вынуждено было перелететь на зимовку на Южный берег Крыма и на побережье Кавказа.

У южных берегов Крыма, в Ялтинской, Гурзуфской и в других бухтах появилось во второй половине зимы, главным образом в феврале 1954 года, огромное количество водоплавающих птиц. Так, у берегов Ялты зимовали: крохаль малый и крохаль длинноносый, гоголь европейский, чернеть хохлатая и чернеть морская, а

Скопление водоплавающих птиц в Ялтинской бухте
в феврале 1954 г.

также некоторые другие птицы. В Гурзуфской бухте также зимовали два вида чернети, крохали, гоголи, красноголовые нырки. В небольшом количестве появились также кряковые утки, преимущественно селезни, которые держались небольшими стайками обособленно от других птиц. Во второй половине февраля у берегов Гурзуфа были замечены три лебедя. С наступлением весеннего потепления количество птиц стало уменьшаться, и последние зимние гости улетели во второй половине апреля.

Чрезвычайный интерес представляло поведение зимовавших водоплавающих птиц. Обычно они очень пугливы и не подпускают человека на близкое расстояние. На зимовке же у южных берегов Крыма они резко изменили свое поведение: держались у самого берега, нисколько не боясь городского шума и людей, которые толпились на набережных, наблюдая это редкое явление.

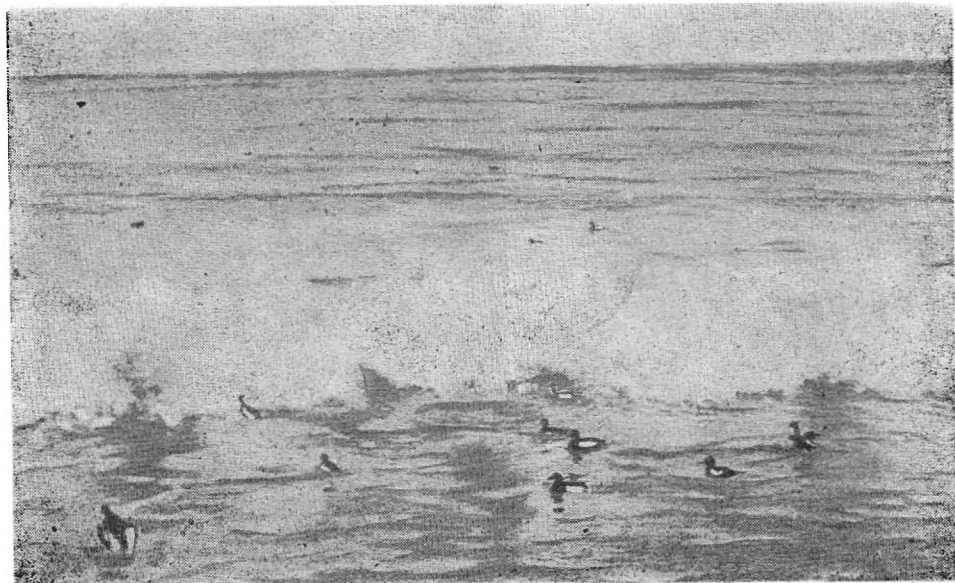
Естественная кормовая база для птиц здесь была явно недостаточна. Они питались мелкими морскими животными — преимущественно моллюсками, а также водорослями, отрывая их от камней на дне бухты; в значительных количествах птицы скоплялись у выходов в море канализационных труб, находя, видимо, для себя и там кой-какое пропитание.

Большое количество птиц (у берегов Ялты можно было в некоторые дни наблюдать одновременно до 300 экземпляров), привлекало внимание населения; с утра на набережных Ялты, Гурзуфа и других населенных пунктов собирались толпы народа и кормили птиц, бросая в воду куски хлеба. В конце зимы такая кормежка была весьма существенным, а порою, может быть, и единственным источником пропитания птиц.

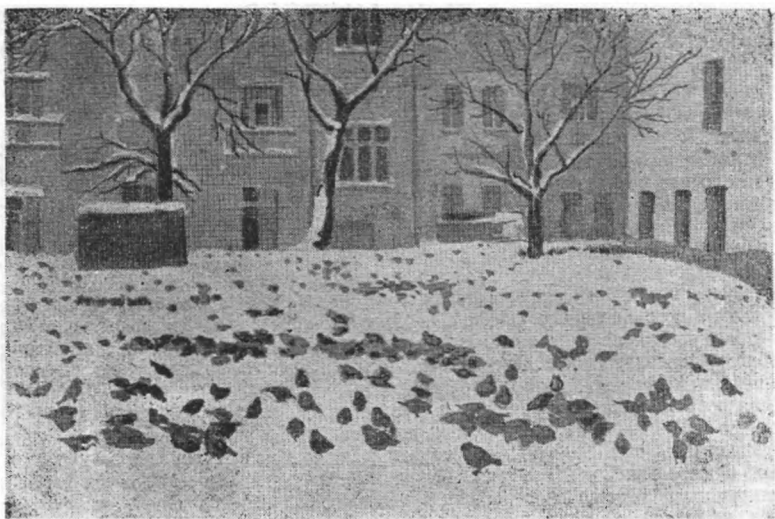
Птицы вели себя весьма доверчиво. Стоило подойти к берегу группе людей, как птицы начинали подплывать и даже подлетать с более отдаленных мест. Следя за бросаемыми кусками хлеба, они наперерыв хватали их и нередко отнимали друг у друга. Интересно, что почти все птицы, схватив кусок хлеба, сперва погружали его в воду и глотали его затем уже в воде.

Наиболее интенсивно, как это наблюдалось в Ялте, птицы кормились приблизительно до 11 часов утра; насытившись, они отплывали от берега и отдыхали на воде. К полудню большинство птиц уже отплывало подальше от берега. Даже при волнении около 3 — 4 баллов, когда зыбь заходила в бухту, птицы лишь немного отплывали от волноприбойной полосы, но за хлебом бросались даже в прибой. В Гурзуфе можно было наблюдать, как птицы, накрытые прибойной волной и даже выброшенные ею на берег, не выпускали из клюва кусок хлеба. Они были в это время настолько не пугливы, что когда, например, в Ялте шлюпка с рыбаками проходила сквозь стаю, птицы лишь отплывали от шлюпки на несколько метров, а затем опять возвращались.

Суровая зима и бескормица 1953—1954 года погнала на Южный берег Крыма массу птиц из степной части полуострова и из горных лесов. В феврале 1954 года

Водоплавающие птицы в полосе прибоя у берегов Гурзуфа
в феврале 1954 г.

Птицы во дворе одного из домов Ялты, ожидающие кормежки.

в населенных пунктах Южного берега появилось множество хохлатых жаворонков. На улицах и во дворах они буквально сплошь покрывали каждое оттаивающее место среди снежного покрова, отыскивая корм. Слетелось также большое количество дроздов и других птиц, в том числе и дроф. Эти огромные птицы держались преимущественно в виноградниках, иногда запутываясь в шпалерах до такой степени, что их можно было ловить руками.

Население Южного берега чрезвычайно участливо относилось и к этим крылатым «беженцам». Рабочие, служащие, учащиеся школ в больших количествах заготавливали кормушки для птиц и раскладывали в них корм. Кормушки эти размещались всюду — на балконах, на крышах, на деревьях. Местами можно было кормить птиц чуть не с рук. Птицы быстро привыкли к местам кормежки и нередко скоплялись большими стаями в ожидании раздачи корма.

Оказались в затруднительном положении и лесные звери. Косули целыми стадами спускались с гор и приближались к населенным пунктам. Очевидцы рассказывали про оригинальные приемы движения косуль по глубокому снегу: они шли вереницей, причем передняя косуля буквально грудью прокладывала дорогу в снежных сугробах. Утомившись, она переходила в конец вереницы, а ее место занимала следующая в ряду. Олени неоднократно заходили в населенные пункты: их видели в парках Алушты, Массандры, Гурзуфа. У изгороди молочной фермы самцы-олени собирались группами и следили, как будто с завистью, за коровами, поедавшими сено.

Большое скопление пернатых гостей зимой 1953—1954 года наблюдалось и у кавказских берегов Черного моря.

Представлялось весьма интересным проследить поведение прилетавших на Южный берег Крыма птиц в следующие зимы, чтобы выяснить, насколько и на какой срок сохранилось у них это «доверие» к человеку, возникшее в тяжелую для них холодную зиму 1953—1954 года. В течение зимы 1954—1955 года, которая, в противоположность предыдущей, была очень мягкой, — подобный описанному массовый прилет птиц на Южный берег Крыма не наблюдался.

В одном из номеров журнала «Огонек» за 1955 год была помещена заметка¹, в которой указывалось, якобы зимовавшие в зиму 1953—1954 года у берегов Сочи птицы прилетали туда и на следующую зиму и сохранили прошлогоднюю доверчивость к человеку, позволяя кормить себя хлебом. В заметке говорится, однако, лишь о чайках, и на приложенной к заметке иллюстрации изображены не прилетные водоплавающие птицы из утиных, а чайки, обычно зимующие ежегодно у берегов Крыма и Кавказа и всегда позволяющие себя кормить.

Один из авторов настоящей статьи (Б. А. Перов) был в феврале 1955 года в Сочи и никаких водоплавающих птиц, кроме обычных там в это время чаек, не видел. Можно сказать, что необычные для южных берегов Крыма и Кавказа «гости» 1953—1954 года на следующую зиму не прилетели, а если прилетели, то в столь небольшом количестве, что присутствие их, в противоположность зиме 1953—1954 года, совершенно не бросалось в глаза.

¹ М. Зайцев, Сила гостеприимства, «Огонек», № 9, 1955.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ЗИМОВКЕ ПТИЦ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ

Крымский полуостров является станцией на пути осенних и весенних перелетов птиц. Многие пролетные птицы остаются на зимовье в предгорном Крыму. Особенно много зимует здесь водоплавающих птиц.

В пределах средней части предгорного Крыма протекают две более значительные реки — Большая Карасевка (Биюк-Карасу) и Малая Карасевка (Кучук-Карасу). Зимой и весной эти реки довольно полноводны, причем местами сплошной ледостав на них не появляется даже в сильно морозные зимы.

Согласно нашим многолетним наблюдениям, в мягкие зимы прилет птиц на зимовье в эту местность не обилён, и зимует здесь обычно небольшое число видов. Более обильны здесь в такие зимы рябковые утки, серые утки, чирки, шилохвости. По берегам довольно обильны мелкие кулики, долго задерживаются лысуха, вальдшнеп, водяная курочка, кулик-поручейник.

Иная картина наблюдается в суровые зимы, как это было в зимы 1948—1949 г. и особенно 1953 — 1954 г. В конце декабря 1953 г. температура в течение недели не поднималась выше -9°C , достигая в некоторые ночи до -26°C и более, при сильных северо-западных ветрах. Почти все русло реки Большой Карасевки покрылось сплошным льдом; снежный покров достигал 12—15 см. В это время появилось большое количество птиц, обычно здесь не зимующих: большой и малый крохали, гоголь, черныш хохлатая, краснозобая гагара, чернозобая гагара. На Тайганском водохранилище еще до наступления сильных морозов можно было видеть малую поганку и большую поганку, или чомгу. Эти птицы постоянно ныряли в полыньях и вновь показывались на поверхности с добычей — рыбой. Добытые птицы были сильно упитаны. В начале января, когда температура снова сильно понизилась, поганки улетели через горы на юг.

Своеобразную, необычную для этих мест картину представляли зимовавшие здесь малые крохали, или лутки, с белым оперением и оригинальным хохлом на голове. Они также охотились за рыбой, ныряя под лед.

В начале февраля зима стала еще более суровой, температура достигала $-31,1^{\circ}\text{C}$ при сильном ветре и сплошном ледоставе. Значительная часть зимовавших в предгорье птиц исчезла, улетев на юг. Оставшиеся сильно страдали от холода и бескормицы. На покрытом снегом льду реки Большой Карасевки приходилось находить мертвых уток, в зобу и в кишечнике которых совершенно не было пищи. Лучше себя чувствовали береговые птицы — водяная курочка, погоныш, кулик-поручейник и зимородок. Эти птицы, расселяясь по мелким ручьям и протокам, укрывались там у корней кустарников и в густой заснеженной траве. Добытые экземпляры этих птиц не были истощены.

Зимовавшие здесь сухопутные птицы — хохлатые жаворонки, синицы, дятлы скопились у населенных пунктов, причем многие погибали. Особенно массовый характер в предгорном Крыму в зиму 1953 — 1954 г. имела гибель серых куропаток и дроф. Гонимые холодом и ветрами из степи, они в большом количестве скопились в предгорье.

Дрофы, обычно редкие здесь, подходили в эту зиму почти к самому городу Белогорску, садясь на оголенных взгорьях и ища укрытия в кустарниках и в высоком бурьяне. Их можно было в эту зиму видеть в большом количестве всюду — по косогорам, на оголенных от снега участках полей; отошавшие дрофы забегали в селенья и в сады. Несколько дроф было поймано на территории совхоза «Предгорье». Беспо мощные дрофы в большом количестве становились добычей браконьеров, а также хищных птиц и зверей. О том, насколько массовый характер имела зимой 1953 — 1954 г. гибель дроф в предгорном Крыму, можно было судить весной 1954 г. по обильным остаткам их костей и перьев. После зимы 1953 — 1954 г. дрофы и серые куропатки даже в равнинных степях Крыма стали значительно более редки.

Пример зимы 1953 — 1954 г. показал, что предгорный Крым в суровые зимы не дает зимующим птицам достаточного укрытия от непогоды и не спасает их от бескормицы. Среди зимующих птиц имеются и ценные промысловые, и полезные для сельского хозяйства, истребляющие вредителей. В связи с этим представляется необходимым, чтобы местные организации и население позаботились о птицах, оставшихся на зимовку. Особенно это важно в суровые зимы.

Следует наладить подкормку птиц, предоставлять им убежище путем устройства скворешников, укрытий в виде шалашей и т. п., где они в мороз могли бы находить защиту от ветра. Это не потребует большого труда и затраты средств, но поможет нашим пернатым друзьям переносить тягость суровых зим.

Необходимо также принять меры к охране дроф и серых куропаток, число которых в степном Крыму после суровых зим 1953—1954 и 1955—1956 гг. сильно уменьшилось.

БОЛГАРСКИЕ И РУМЫНСКИЕ БОТАНИКИ В КРЫМУ

В течение нескольких дней (с 5 по 11 июля 1955 г.) в Крыму побывали известные фитогеографы и флористы — академик Болгарской Академии наук, профессор Н. А. Стоянов и проректор Софийского государственного университета, профессор Д. Иорданов. Несколько позднее в Крым прибыла группа румынских ботаников в составе академика П. Продана, академика Е. Ниоради и профессора государственного университета в Клуже С. Чюреш.

Гости приехали в Советский Союз по приглашению Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, а также Никитского ботанического сада им. В. М. Молотова. Целью их приезда в Крым было ознакомление с растительным покровом Южного берега, а также с научной работой Никитского ботанического сада им. В. М. Молотова, в течение многих лет, как известно, занимающегося изучением флоры и растительности южного побережья Крыма, фитогеографически сходного с Балканскими странами, особенно с некоторыми частями Болгарии.

С гостями были проведены небольшие ботанические экскурсии по Южному берегу Крыма и на Крымское нагорье — яйлу, во время которых производились гербарные сборы и описания растительности. В этих ботанических экскурсиях приняли участие советские ботаники — профессора С. С. Станков, Ю. Н. Прокудин, Н. И. Рубцов и старший научный сотрудник Никитского сада Л. А. Привалова. Кроме того, гости довольно подробно ознакомились с работами некоторых отделов Никитского сада — ботаники, южного и субтропического плодоводства, дендрологии и декоративного цветоводства, а также с богатейшим парком сада.

В итоге своего знакомства с растительностью Южного берега Крыма академик Стоянов отметил, что по общему своему облику она весьма сходна с болгарской. Однако он отметил, что в Болгарии очень слабо представлены можжевельниковые леса из древовидного можжевельника *Juniperus excelsa*, столь характерные для Южного берега Крыма. Они только изредка встречаются на юге Болгарии, главным образом близ границы с Грецией, в так называемой «Пиринской» Македонии. В этом районе вместе с можжевельниковыми лесами по защищенным с севера местоположениям встречаются сообщества из вечнозеленых лиственных пород — дуба *Quercus coccinea* и филлиреи *Phillyrea media*. Все же и Пиринскую Македонию академик Стоянов относит не к средиземноморской, а к «субсредиземноморской» (субсредиземноморской) зоне, на основании преобладания в ней летнезеленых листопадных лесов из каштана, бука, дуба и др. Он считает, что и Южный берег Крыма нельзя относить к типичному Средиземноморью, поскольку здесь вечнозеленые древесные и кустарниковые породы тоже не играют сколько-либо существенной роли в сложении растительного покрова. Сообщества, образованные дубом пушистым — *Quercus pubescens*, можжевельниками *Juniperus excelsa* и *J. oxycedrus*, грабинником *Carpinus orientalis*

Академик Н. Стоянов (в центре) на экскурсии в дубово-можжевельниковом лесу на м. Мартыан.

являются типичным «шибляком». Что касается земляничного дерева — *Arbutus andrachne*, то оно не имеет в Крыму большого распространения и не может служить основанием для отнесения Южного берега к Средиземноморской области.

Перед отъездом на родину академик Стоянов сделал в конференц-зале Никитского ботанического сада большой и очень интересный доклад о флоре и растительности Болгарии. Всю эту страну, за исключением южной Добруджи, он относит к Юго-восточной провинции Среднеевропейской флористической области. Территория южной Добруджи отнесена им к Степной области, так как в прошлом естественный ландшафт имел здесь лесостепной характер. В настоящее время в южной Добрудже полностью преобладают культурные земледельческие ландшафты.

ПАМЯТИ А. Ф. СЛУДСКОГО

20 апреля 1954 года Крымский отдел Географического общества Союза ССР понес тяжелую утрату. Скончался Александр Федорович Слудский, один из основателей и старейших членов отдела, бывший заместитель председателя президиума.

Александр Федорович Слудский родился 26 декабря 1884 года в Москве, в семье

профессора Московского университета. После окончания в 1909 г. Московского университета по отделению естественных наук А. Ф. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (что соответствует нынешней аспирантуре) на кафедре геологии. В последующие годы А. Ф. работал при той же кафедре ассистентом, а в 1914 г. был назначен директором Карадагской научной станции (ныне Карадагской биологической станции Академии наук УССР); в этой должности он пробыл до 1927 г. Будучи директором Карадагской станции, тогда еще только начинавшей свою работу, А. Ф. Слудский проделал большую работу по строительству станции, по организации лабораторий и построению плана работ. Стараниями А. Ф. в эти же годы было положено начало издательской деятельности Карадагской станции.

С тридцатых годов широко развернулась работа А. Ф. Слудского по основной его специальности — геологии. В течение более десяти лет А. Ф. работал в учреждениях, имевших задачу поиски полезных ископаемых и научно-исследовательскую работу в этом направлении, главным образом в отношении строительных материалов. А. Ф. выказал себя за это время энергичным руководителем и исследователем, умелым организатором.

С 1948 года А. Ф. работал в качестве старшего научного сотрудника отдела геологии Крымского филиала Академии наук СССР, где со свойственной ему энергией продолжал работу по исследованию природных ископаемых богатств Крыма.

Научно-исследовательскую работу А. Ф. Слудский начал в 1909 г., еще будучи студентом, и с тех пор непрерывно продолжал ее в течение всей своей жизни. Перу А. Ф. принадлежит свыше 50 работ, из которых более половины напечатано в научных журналах и сборниках, а остальные хранятся в виде рукописей в учреждениях, по заданиям которых они были выполнены. Работы эти касаются главным образом вопросов геологоразведочного дела, а также инженерной геологии, стратиграфии, тектоники и других геологических и смежных с геологией дисциплин. Большая работа А. Ф. Слудского «Глины Крыма», явившаяся его кандидатской диссертацией, представляет собою солидную и ценную монографию по этим важным для строительного дела материалам.

А. Ф. около 40 лет работал в Крыму. Он был одним из лучших знатоков ископаемых богатств Крыма. Будучи природоведом в широком смысле слова, А. Ф. широко интересовался и другими сторонами природы Крыма. Им разрабатывались также теоретические вопросы геологии Крыма, как, например, опубликованные в его печатных трудах гипотезы о «блуждении» русла реки Самгира и о происхождении встречающихся в Крыму валунов горных пород, не имеющих на Крымском полуострове коренных месторождений.

А. Ф. Слудский вел педагогическую работу в высших учебных заведениях Крыма, в сельскохозяйственном и педагогическом институтах и в Крымском филиале Московского института инженеров коммунального строительства. Лекции его всегда были весьма содержательны и безупречны по изложению, и А. Ф. пользовался большим уважением и любовью со стороны студентов. А. Ф. был также прекрасным популяризатором. Его научно-популярные статьи, лекции и доклады, составленные ясным, простым и вместе с тем строго научным языком, встречали большое одобрение со стороны слушателей и читателей. В течение всего времени пребывания в Крыму А. Ф. состоял членом многих научно-общественных организаций и вел в них большую работу.

Всюду — и в учреждениях, в которых работал А. Ф., и в среде научной общественности — он выказывал себя примерным членом коллектива, чутким и гуманным человеком, хорошим и отзывчивым товарищем, пользуясь всеобщей любовью и уважением. Активный общественник, он принимал деятельное участие в работе профсоюзных и других общественных организаций. В 1941 г. А. Ф. был принят в члены КПСС.

А. Ф. Слудский был одним из инициаторов создания Крымского отдела Географического общества Союза ССР. В 1945 году, когда возникла мысль об открытии отдела, А. Ф. провел большую работу, как один из членов организационного комитета. С тех пор и до самой смерти он являлся одним из самых активных членов отдела: многократно выступал на собраниях отдела с весьма содержательными научными сообщениями, с 1948 г. состоял членом ученого совета, а в трехлетие 1950—1952 гг. — заместителем председателя президиума отдела.

А. Ф. прилагал немало усилий и стараний к тому, чтобы наладить издание «Известий» отдела. В «Известиях» помещены две статьи А. Ф. и готовилась третья, к сожалению, не законченная.

Незадолго до своей смерти, на собрании отдела, посвященном памяти Д. Н. Анучина, А. Ф., бывший его учеником, поделился интересными воспоминаниями об этом выдающемся географе. Это было последним выступлением А. Ф. в Крымском отделе Географического общества СССР.

Крымский отдел Географического общества Союза ССР навсегда сохранит светлую память об одном из своих основателей и активном члене Александре Федоровиче Слудском.

Президиум отдела.

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РАБОТЕ КРЫМСКОГО ОТДЕЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР ЗА 1954 и 1955 гг.

В 1954 и 1955 гг. деятельность Крымского отдела Географического общества Союза ССР выражалась в следующем.

За два года состоялось 28 собраний отдела, на которых было заслушано 36 докладов (см. далее список докладов). В числе их следует отметить доклады профессоров Московского университета С. С. Станкова, Ю. Г. Саушкина и М. В. Муратова.

Кроме докладов на собраниях, отделом был организован краеведческий лекторий, на котором были прочитаны лекции: «Ископаемые богатства Крыма», «Природные растительные богатства Крыма», «Животный мир Крыма», «Перспективы развития плодоводства в Крыму», «Древние славянские поселения в Крыму», «Скифское государство в Крыму» и «Памятники античного и средневекового Херсонеса Таврического».

В 1954 г. по поручению отдела А. В. Мамыкиной под руководством проф. Н. А. Троицкого было произведено исследование растительного покрова территории Симферопольского водохранилища и его окрестностей. Отчет об исследовании представлен в президиум отдела и подготовлен для печатания в предполагаемом к изданию сборнике о водохранилищах Крыма. По докладу О. И. Домбровского о положении дела с охраной памятников культуры в Крыму президиумом отдела была составлена докладная записка, которая была направлена в центральные правительственные учреждения и научные центры. На состоявшемся в результате этого заседания Крымского облисполкома были выработаны соответствующие меры, в том числе Крымскому отделу Географического общества было предложено провести среди населения области беседы о значении памятников культуры и о необходимости их охраны. Членами отдела были проведены беседы в ряде районов области. По согласованию с Крымской областной детской экскурсионно-туристской станцией отделом было организовано совещание по вопросам школьной краеведческой работы среди учащихся школ области. Выработан ряд мероприятий. Членом отдела М. Е. Миллером составлена и передана станции статья: «Из опыта краеведческой работы в школах Симферополя».

Во втором Всесоюзном съезде Географического общества Союза ССР от Крымского отдела участвовали четыре делегата: М. Е. Кострицкий, М. Е. Миллер, П. Д. Подгородецкий и И. Т. Твердохлебов и четыре гостя: Д. Я. Беренбейм, Ф. Ф. Кузовлев, А. Н. Олиферов и В. И. Терехова. Как делегаты, так и гости принимали активное участие в обсуждении заслушанных на съезде докладов.

Отдел принял также участие в Всесоюзной конференции по вопросам астрофизики, в лице участвовавшего в конференции члена отдела Д. Г. Стамова. Отделом обсуждались годовичные планы и перспективный издательский план по краеведческой литературе Крымского областного издательства. Внесен ряд пожеланий, учтенных издательством.

В 1954 г. вышел в свет 3-й выпуск «Известий Крымского отдела Географического общества Союза ССР», содержащий 14 статей членов отдела и отчет о работе отдела за 1953 г. Закончен подбор материала для 4-го выпуска.

За 1954 и 1955 гг. значительно увеличилось число членов отдела, живущих в других городах и сельских местностях Крыма. Число их к концу 1955 г. составило 34 человека, что составляет 29% от общего числа членов (119). Периферийные чле-

ны отдела читают лекции, организуют экскурсии и проводят беседы среди населения.

В 1954 г. скончался один из основателей и бывший заместитель председателя президиума отдела А. Ф. Слудский. Его смерть явилась для отдела тяжелой потерей¹.

ДОКЛАДЫ, ЗАСЛУШАННЫЕ НА СОБРАНИЯХ ОТДЕЛА в 1954 и 1955 годах

1954 г.

- М. Е. Кострицкий. Н. Л. Корженевский, его жизнь и деятельность.
Д. Г. Стамов. О применении гномона в изучении магнитных аномалий.
А. А. Щепинский. Археологическая разведка в долине р. Салгира в 1953 г.
О. И. Домбровский. О состоянии охраны памятников культуры в Крымской области.
Н. Е. Сальников. Советская китобойная флотилия «Слава» и ее работа в Антарктике.
А. С. Скрябин. Озерная форель в Крыму.
Е. А. Гаврилов. Академик А. Е. Ферсман, его жизнь и деятельность.
В. Г. Ена (с содокладом А. У. Мамина). Кунгурская ледяная пещера.
И. Т. Твердохлебов. Социалистическая индустрия Китайской Народной Республики.
С. С. Станков. Международный ботанический конгресс в Париже в 1954 г.
И. И. Попов. Геомагнитное поле Крыма.
А. Н. Олиферов. Снежный покров на Крымском нагорье зимой 1953—54 г.
В. Е. Рудаков. Метод выявления влияния колебаний климатических факторов на прирост древесины.
Ю. Г. Саушкин. Основные задачи научно-исследовательских работ в области географии.
А. И. Неделин. Севастополь в первой половине XIX века.
Т. Д. Водопьянова. Фитоценологическая классификация сосновых лесов Крыма.
К. С. Селевко. Академик А. П. Павлов, как геолог и педагог.
Д. Я. Беренбейм. Новейшие результаты работ советских исследователей в Арктике.

1955 г.

- М. Е. Кострицкий, М. Е. Миллер, П. Д. Подгородецкий, И. Т. Твердохлебов (с содокладами Д. Я. Беренбейм, Ф. Ф. Кузовлева, А. Н. Олиферова). Второй съезд Географического общества Союза ССР в Москве в феврале 1955 г.
И. И. Попов. Симферопольская сейсмическая станция, ее структура и работа.
С. А. Ковалевский. К вопросу об исторической географии Русской равнины.
Н. В. Введенский. Некоторые данные об итогах работ советских высокоширотных арктических станций СП-3 и СП-4.
К. С. Селевко. Школьные геолого-географические экскурсии в окрестностях Симферополя.
И. Т. Твердохлебов. Современная Индия.
М. В. Муратов. Происхождение впадин Черного моря.
И. Т. Твердохлебов. Югославия (экономико-географический очерк).
Д. Г. Стамов. Всесоюзная конференция по вопросам астрофизики при Крымской астрофизической обсерватории в сентябре 1955 года.
Л. А. Привалова. Растительный покров восточной части Крымского нагорья и вопросы его хозяйственного использования.
Н. А. Троицкий. Учение Мичурина как высший этап биологической науки.
Л. С. Котлярова. Наследие Мичурина на географической карте мира.
П. А. Простецов. Учение Мичурина — основа развития советского животноводства.
В. Г. Ена. Значение сейсмических процессов в развитии географических ландшафтов Крыма.

¹ 21 февраля 1956 г. скончался старейший член отдела, также один из основателей отдела и бывший заместитель председателя В. В. Познышев.

- Н. В. Введенский. Антарктика и Антарктида в свете новейших исследований.
В. П. Гусев. Особенности почвообразования и районирование почв Северо-Крымской низменности.
А. С. Скрыбин. Результаты работ Тихоокеанской экспедиции Академии наук СССР в 1955 г.
И. Т. Твердохлебов. О новых местонахождениях нефти и угля во Франции и Италии.

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

В адрес Крымского отдела Географического общества Союза ССР и авторов помещенных в «Известиях» отдела статей получен ряд писем, содержащих отзывы и замечания о статьях, напечатанных в «Известиях». Приводим некоторые из них.

Доцент полковник Л. Н. Пунин (Ленинград) в своем письме к Р. П. Лозовской указывает на большой интерес, который представляет ее статья «Кутузовский фонтан». Он отмечает, что приводимая автором цитата из Державина часто приводится в литературе в искаженном виде и должна читаться: «Смерть сквозь главу твою промчалась». В «Русской Старине», откуда автором почерпнуты сведения о портрете Кутузова, — портрет ошибочно датируется 1774 г.: судя по мундиру, в котором изображен Кутузов, портрет писан в период между 1777 и 1780 гг.; он имел уже тогда орден Георгия, но следы ранения под Шумами не отражены на портрете. Л. Н. Пунин вполне соглашается с мнением Р. П. Лозовской о том, что современное оформление памятника-фонтана совершенно неудачно, и предлагает Крымскому отделу Географического общества Союза ССР поднять вопрос о желательности восстановления памятника в его первоначальном виде.

Кандидат геолого-минералогических наук Г. И. Немков (Москва) прислал отзыв о статье В. В. Познышева «О нуммулитах северного склона Крымских гор». Указывая на своевременность появления этой статьи, имеющей большое значение для туристов и для руководителей экскурсий, Г. И. Немков отмечает, что некоторые данные в описаниях и номенклатуре нуммулитов, приводимые автором, являются ныне устаревшими, что объясняется, видимо, отсутствием в распоряжении автора новейшей литературы по нуммулитам. Так, организмы, ныне живущие в Тихом и Индийском океанах и относящиеся прежними авторами к роду *Nummulites*, ныне считаются относящимися к особому роду *Operculinella Yabe*. Приводимые автором размеры *Nummulites globulus* и *N. ataticus* характерны для Альп, крымские же формы обычно более мелки. Указываемые автором детали строения *Nummulites ataticus* имеются лишь у молодых форм. Г. И. Немков предложил В. В. Познышеву составить в соавторстве с ним более широкого объема научно-популярную статью о нуммулитах Крыма, но, к сожалению, состояние здоровья В. В. Познышева не позволило ему принять это предложение.

Получены одобрительные отзывы о содержании и оформлении «Известий» и об отдельных помещенных в них статьях от проф. М. В. Муратова (МГУ), от проф. А. А. Борисова (ЛГУ), от проф. В. Г. Мухина (Ленинград, Горный институт), от Б. П. Василькова (Бот. инст. АН СССР) и др.

В центральном органе Географического общества Союза ССР «Известия Всесоюзного Географического общества» (№ 1 за 1956 г.) помещена рецензия И. Баскаченко на вышедшие поныне выпуски «Известий Крымского отдела Географического общества Союза ССР». После краткого обзора статей, помещенных в «Изв. Крым. отд.», автор пишет: «Изданием своего журнала Крымский отдел Географического общества делает несомненно полезное и нужное дело. Редакция поступает правильно, обращая главное внимание на вопросы, касающиеся всестороннего изучения Крыма: тем самым журнал становится очень важным источником информации для местных организаций и помогает практической работе последних. Вместе с тем, материалы, помещенные в нем, вносят свою долю в общее развитие географической науки в СССР. Редакция на первых порах не могла еще охватить широкий круг вопросов... Но все это легко объяснить тем, что журнал выходит очень редко и объем его очень мал. Местным советским, партийным и научным организациям необходимо проявить интерес к нуждам журнала и оказать ему посильную помощь».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Задачи Крымского отдела Географического общества Союза ССР в свете решений XX съезда КПСС	3
 Раздел 1. Преобразование природы и сельское хозяйство Крыма	
Карпович Е. Ф. Виноградарство и виноделие в Судакской долине (<i>Исторический очерк</i>)	11
 Раздел 2. Природные богатства Крыма	
Олиферов А. Н. Снежный покров на Крымском нагорье в зимы 1953—1954 и 1955—1956 гг.	23
Привалова Л. А. Краткий очерк растительного покрова восточной части Крымского нагорья и вопросы его хозяйственного использования. . .	31
Христюк П. М. Заметки о съедобных и ядовитых грибах Крыма	43
 Раздел 3. Вопросы исторической географии и палеогеографии	
Ковалевский С. А. К исторической географии Русской равнины: (<i>География Аргонавтики</i>)	51
 Раздел 4. Памятники истории и архитектуры	
Троицкая Т. Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в центральном Крыму и на Керченском полуострове	67
Колосов Ю. Г. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 году	77
 Раздел 5. Страны народной демократии	
Твердохлебов И. Т. К географии населения Словакии	85
 Раздел 6. Краткие сообщения и заметки	
Альбов С. В. О карсте в степном Крыму	101
Щепинский А. А. Подземная форма карста близ Симферополя	102
Гольдин Б. М. О селевых потоках в Крыму	104
Беренбейм Д. Я. и Перов Б. А. Из наблюдений над животным миром на Южном берегу Крыма в зиму 1953—1954 гг.	105
Андреев П. Н. Некоторые данные о зимовке птиц в предгорном Крыму. .	108
Рубцов Н. И. Болгарские и румынские ботаники в Крыму	109
Памяти А. Ф. Слудского	111
Краткий отчет о работе Крымского отдела Географического общества Союза ССР за 1954 и 1955 годы	113
Отклики читателей	115

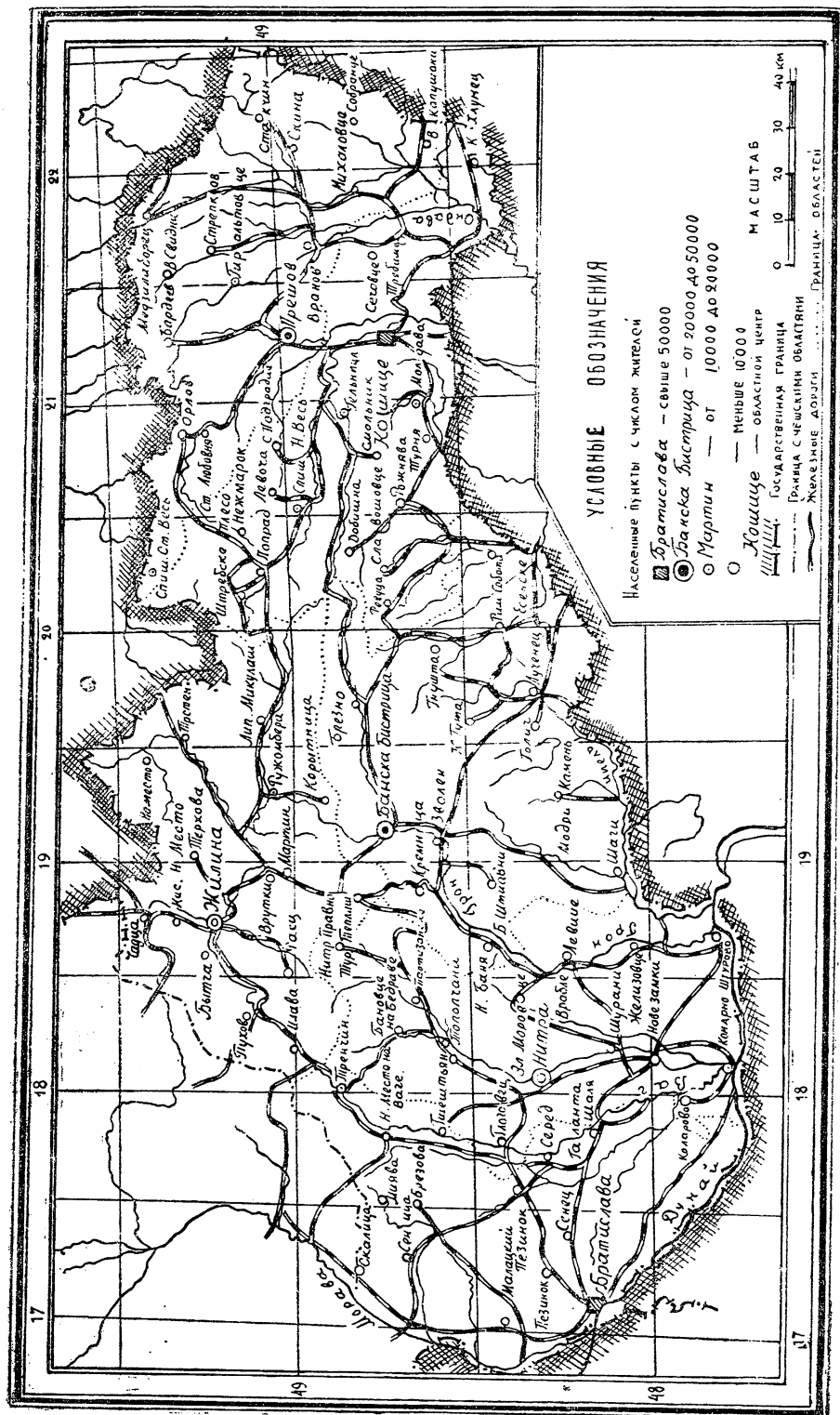
Технический редактор А. Фисенко. Корректоры Л. Коваленко и Д. Заславская.

БЯ 00007. Объем: 9,93 печ. л., 8,58 уч.-изд. л. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Тираж 1000 экз. Сдано в производство 27/IX-1956 г. Подписано к печати 24-1-1957 г. Крымоблтиполитография, г. Симферополь, ул. Кирова, 23. Заказ № 5480. Цена 4 р. 30 к.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
48	12 сверху	производятся	приводятся	Типографии
55	12 снизу	в Тео-	в „Тео-	„
81	11 сверху	(рис. 3,1)	(рис. 3,1)	„
98	Сноска 1 относится к последней строке страницы 97.			„

Известия Географического общества

Обзорная карта Словакии.